

ТР-999
9

БР

мр

Т.А. ЖДАНКО

○

ОЧЕРКИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЭТНОГРАФИИ
КАРАКАЛПАКОВ

опис

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ IX

Тр-999
9

Т.А. ЖДАНКО

о

ОЧЕРКИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ
ЭТНОГРАФИИ
КАРАКАЛПАКОВ

РОДО-ПЛЕМЕННАЯ СТРУКТУРА
И РАССЕЛЕНИЕ
В XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

К

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

572(06)+9039(06)

Ч О Р О И М А Н И И Е Д А И А
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 94(=943.11)
902.7(06)

ОДНАДЦАТЬ

Ответственный редактор

доктор исторических наук
С. П. ТОЛСТОВ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
И ОБРАЗОВАНИЯ
ИЗДАНИЕ XIX-XIX В

БЛИОТЕКА
ского филологического
наук СССР

Ч О Р О И М А Н И И Е Д А И А
НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Одной из важнейших задач этнографической науки является изучение пути некапиталистического развития народов, населявших до революции отсталые колониальные окраины царской России, и в тесной связи с этим — изучение становления новых, социалистических наций, образовавшихся в Советском Союзе в результате ленинско-сталинской национальной политики партии большевиков и Советского государства.

В процессе разработки этих проблем этнографами исследуются как современные национальные особенности культуры и быта народов СССР, так и история формирования специфических национальных черт у отдельных конкретных народов, часть которых в дореволюционной России успела сложиться в нации, часть же — в условиях колониального гнета не смогла консолидироваться в нации; будучи раздробленными на мелкие локальные этнические группы, эти народы имели лишь в зачаточном состоянии элементы своей будущей национальной общности.

В условиях советского строя были созданы все необходимые предпосылки для преодоления отсталости бывших колониальных народов и для развития их в социалистические нации. В своем выступлении в Коммунистическом университете трудящихся Востока (1925) И. В. Сталин отмечал, что социалистическая революция, «встряхивая глубочайшие низы человечества и выталкивая их на политическую сцену, пробуждает к новой жизни целый ряд новых национальностей, ранее неизвестных или мало известных. Кто мог подумать, что старая царская Россия представляет не менее 50 наций и национальных групп? Однако, Октябрьская революция, порвав старые цепи и выдвинув на сцену целый ряд забытых народов и народностей, дала им новую жизнь и новое развитие».¹ К таким народам, ранее почти неизвестным и пробужденным к новой жизни лишь Великой Октябрьской социалистической революцией, следует причислить и каракалпаков, истории и этнографии которых посвящено настоящее исследование.

Каракалпаки — тюркоязычный народ, ныне — социалистическая нация, составляют основное население Кара-Калпакской АССР; родиной их являются обширные степи Приаралья и низовья среднеазиатских рек — Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи. С начала XIX в. основная часть каракалпаков² сконцентрировалась в Хорезмском оазисе, расположенном в дельте и низовьях Аму-Дарьи. Издавна владеющие своеобразными техническими

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 139.

² По данным военно-статистического обследования 1900 г., в Хорезмском оазисе было 114,4 тыс. каракалпаков. По данным переписи 1926 г., здесь находилось 116,1 тыс. каракалпаков из общего числа 146,3 тыс. жителей.

приемами орошения и осушения неустойчивых островных и дельтовых земельных угодий, каракалпаки вели оседлый и частично полукочевой образ жизни, занимаясь в освоенных ими местностях земледелием, на пустынных и полупустынных пространствах дельты — скотоводством, а на многочисленных речных протоках, озерах и у морского побережья — рыболовством. Раздробленные на множество мелких родо-племенных групп, которые при господстве патриархально-феодальных отношений представляли собой территориальные общины с чрезвычайно устойчивыми родовыми традициями, каракалпаки на протяжении своей дооктябрьской истории (как позволяют судить источники) не имели самостоятельного государства.

До 1873 г. каракалпаки, расселившиеся в Хорезмском оазисе, были подчинены хивинским ханам; затем, после завоевания Хивы царской Россией, их земли оказались разделенными на две части государственной границей, проходившей по Аму-Дарье и отделявшей расположенный на левом берегу остаток Хивинского ханства,¹ ставшего вассальным по отношению к России, от Туркестанского генерал-губернаторства, в состав которого вошла правобережная часть бывших хивинских территорий. При этом каракалпаки оставались в положении бесправной, поработенной национальности как в Хивинском ханстве, сохранявшем вплоть до революции архаический режим феодальной деспотии с неограниченным произволом ханов правящей узбекской династии Кунграт и крупной феодальной знати, так и на правом берегу — в Амударьинском отделе Туркестанского генерал-губернаторства. В этой отдаленной и изолированной вследствие своего географического положения части колониальной Средней Азии, с трех сторон окруженной труднопроходимыми пустынями, оторванной не только от центральной России, но и от более развитых экономически и культурно областей Туркестана — самоуправство и злоупотребления колониальной администрации были почти безнаказанны. Национальный и колониальный гнет особенно остро сочетался здесь со сложной системой эксплуатации и беспощадным грабежом дехкан местными помещиками и ростовщиками-баями, ишанами и муллами.

История каракалпаков, богатая крупными событиями — войнами, мятежами, массовыми переселениями, грабительскими разгромами со стороны соседних кочевых племен, подчинение их на разных исторических этапах тем или другим среднеазиатским ханам-завоевателям (казахским, бухарским, хивинским), и, наконец — колониальное порабощение российским военно-феодальным империализмом, — все это в своей совокупности весьма тяжело отразилось на судьбах каракалпакского народа. Его разорение и обнищание накануне революции достигли предела, особенно в Хивинском ханстве, стоявшем на значительно более низком уровне по своей политической системе, социально-экономическому строю и культуре даже по сравнению с одной из наиболее глухих и отсталых колониальных окраин царской России — Амударьинским отделом Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства.

Великая Октябрьская социалистическая революция поистине возродила каракалпакский народ, отметивший в 1949 г. 25-летие своей национальной советской государственности, своего приобщения к строительству социализма, своего расцвета в дружной и равноправной семье народов Советского Союза под руководством большевистской партии Ленина — Сталина.

¹ Значительная часть территории Хивинского ханства по договору 1873 г. отошла к России.

Настоящая работа является итогом полевых историко-этнографических исследований автора, которые проводились им в 1945—1948 гг. на территории Кара-Калпакской АССР в качестве участника Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Академии Наук СССР, работающей уже в течение 13 лет в Хорезмском оазисе и прилегающих к нему пустынях.

Задача научно-исследовательских работ экспедиции — воссоздание истории Хорезма, выявление путей развития хозяйства, общественных отношений, культуры и быта племен и народностей, населявших эту область со времен глубокой древности, установление основных этапов сложного и длительного процесса этногенеза современных народов, населяющих районы низовий Аму-Дарьи, — узбеков, каракалпаков, туркмен, казахов — и, наконец, изучение истории формирования и становления на базе многовекового культурного наследия национальной по форме и социалистической по содержанию советской культуры этих народов.

За годы своей работы экспедиция открыла и изучила сотни археологических памятников, относящихся к разным периодам истории Хорезма — начиная от стоянок каменного века и кончая замками, городами и селениями позднего средневековья. Анализ обильных, разнообразных и богатейших по своей научной ценности памятников, открытых археологами, дал возможность обосновать ряд научных выводов и разрешить множество сложных проблем исторического прошлого Хорезма и прилегающих к нему областей Средней Азии и Восточной Европы.¹

Многие из этих проблем и выводов непосредственно касаются этнографии Хорезма. В частности, весьма важны результаты этногенетических исследований руководителя Хорезмской экспедиции проф. С. П. Толстова, который, проследив древнейшие пласты и определив узловые исторические моменты этногенеза каждого народа, путем сочетания археологических данных с историческими и этнографическими фактами, построил теорию основных этапов формирования народов Приаралья.²

Эта область исследования имеет глубоко принципиальное значение, поскольку конкретные примеры истории формирования отдельных народов убедительно доказывают ложность буржуазных этногенетических построений, согласно которым предками современных туркмен считались одни лишь огузы, появившиеся на территории Туркменской ССР в XI в. в связи с сельджукским движением; дешти-кыпчацкие узбеки, проникшие в Мавераннахр в конце XV и начале XVI в., считались единственными предками современного узбекского народа, тогда как в действительности они были только одним из многих этнических элементов, участвовавших в формировании этого народа.

Поиски «прямых» предков каракалпаков в «черных клобуках» русских летописей приводили к искажению исторической действительности, к неверным представлениям о формировании этого народа не в Средней Азии, а в Восточной Европе и о последующей, исторически необъяснимой, массовой миграции целого народа к низовьям Сыр-Дарьи. Теперь установлено,

¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования, изд. МГУ, 1948; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, изд. АН СССР, 1948 и др.

² С. П. Толстов. Статьи: «Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии» и «Аральский узел этногенетического процесса». Сб. «Сов. этнография», вып. VI—VII, 1947; его же, Города гузов, «Сов. этнография», 1947, № 3; его же, К вопросу о происхождении каракалпакского народа. Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР, вып. II, 1947, а также монографии, указанные выше.

что печенежско-черноглобуцкий этнический элемент, несомненно участвовавший в этногенезе каракалпаков, вовсе не являлся единственным, а новейшие данные археологии, этнографии, антропологии и лингвистики дают веские основания для предположений о тесной связи древнейших пластов этногенеза каракалпаков с территориями Приаралья и низовий Аму- и Сыр-Дарьи. Метафизическим построениям буржуазной этногенетики, логическое развитие которых неизбежно приводит к реакционным националистическим и расистским концепциям, наша наука противопоставляет советскую теорию этногенеза. Эта теория зиждется на сталинском учении о нации, как об общности людей, исторически сложившейся в определенную эпоху «из людей различных рас и племен».¹ «...Нация, — говорит товарищ Сталин, — есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности четырех основных признаков, а именно: на базе общности языка, общности территории, общности экономической жизни и общности психического склада, проявляющегося в общности специфических особенностей национальной культуры».²

Изучение на основании археологических материалов истории древних и средневековых племен и народностей, участвовавших в формировании современных народов Приаралья, дало возможность направить изыскания в области их этногенеза по правильному пути, соответствующему сталинской теории нации.

Не менее важными оказались результаты анализа археологических памятников для изучения истории общественного строя населения Хорезма и прилегающих к нему областей. Эта проблема, так же как предыдущая, искажалась дореволюционной буржуазной историографией, для которой было характерно положение об извечности феодализма в Средней Азии, об особом, отличающемся от «исторических» народов Европы, застойном характере общественной жизни «азиатских» народов. Установленная в итоге археологических работ Хорезмской экспедиции периодизация истории Хорезма, в основном распространяющаяся и на всю Среднюю Азию, опровергает эти реакционные расистские концепции: определены отдельные этапы развития на изучаемой территории первобытно-общинной, рабовладельческой и феодальной формаций и выявлены конкретные особенности, отличающие различные формы общественного строя в исторически сложившихся условиях хозяйственной, политической и культурной жизни народов Хорезма. В частности, установлен факт чрезвычайно устойчивого сохранения здесь традиций общинно-родового быта, сосуществовавшего в периоды античности и раннего средневековья с рабовладельческими и феодальными формами эксплуатации.

Исследования четырех этнографических отрядов Хорезмской экспедиции (Каракалпакского, Североузбекского, Южноузбекского и Туркменского) тесно смыкаются с археологическими изысканиями; они доводят до современности обрывающиеся на периоде средневековья свидетельства историко-культурных археологических источников.

Отрядами составляется подробная карта расселения всех национальностей и этнических групп на территории Каракалпакской АССР, Хорезмской области Узбекской ССР и прилегающих районов Туркмении, устанавливается время появления отдельных племен в низовьях Аму-Дарьи, прослеживается процесс сложения их в народность и дальнейшая консолидация в нации, завершающаяся уже в условиях советского строя.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 293.

² И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 333.

Исследуя вопросы формирования национальной культуры, этнографы обращаются к данным археологии, что позволяет им проследить развитие современных культурных явлений (жилище, одежду, народное искусство и др.) со времен глубокой древности. Так, например, жилище хивинских колхозников-узбеков оказывается исторически связанным аналогичной планировкой с усадьбами Хорезмского средневековья (развалины XII в. Кават-кала в Кызыл-Кумах); одежда и ювелирные украшения женских портретов и скульптур позднеантичного хорезмского памятника Топрак-кала перекликаются с современными национальными узбекскими и каракалпакскими формами. Элементы декоративных стенных росписей этого памятника, пережив почти два тысячелетия, бытуют до сих пор в народном искусстве народов Хорезма — в узоре набоек у хивинских узбеков, в орнаментах туркменских ковров и кошем, в художественной вышивке и резьбе на дверях юрт у каракалпаков.

Подобная же преемственность древних, средневековых и позднейших форм, тесно связанная с историческими судьбами и процессом этногенеза, прослеживается при этнографическом изучении истории общественного строя народов Хорезма.

Еще в XIX—начале XX в., как и в эпоху средневековья, социальные отношения, семейный быт и верования народов, обитавших на территории низовий Аму-Дарьи, характеризовались унаследованными от предыдущих этапов исторического развития древними традициями, восходящими подчас к первобытно-общинному строю — патриархату и даже матриархату. На протяжении веков особенно в условиях среднеазиатских узбекских ханств и затем в колониальном Туркестане — эти остатки древнего устройства общественной жизни и быта полностью изменили свое содержание; общинные традиции, разнообразно сочетавшиеся с господствующими феодальными и развивающимися капиталистическими отношениями, использовались в эксплуататорских целях ханами, феодально-родовой знатью, биями и богачами-баями и приняли форму патриархально-феодальных отношений, которые, по определению И. В. Сталина, составляли специфику социального строя многих отсталых колониальных народов дореволюционной России.

В тезисах товарища Сталина к докладу на X съезде РКП(б) об очередных задачах партии в национальном вопросе мы читаем: «Если из 65 миллионов невеликорусского населения исключить Украину, Белоруссию, незначительную часть Азербайджана, Армению, прошедших в той или иной степени период промышленного капитализма, то остаётся около 25 миллионов по преимуществу тюркского населения (Туркестан, большая часть Азербайджана . . . , башкиры, киргизы и др.), не успевших пройти капиталистическое развитие, не имеющих или почти не имеющих своего промышленного пролетариата, сохранивших в большинстве случаев скотоводческое хозяйство и патриархально-родовой быт . . . или не ушедших дальше первобытных форм полупатриархального-полуфеодального быта, . . . но уже вовлечённых в общее русло советского развития».¹

Ставя своей главной задачей изучение процесса некапиталистического развития в условиях советской власти народов, населяющих в настоящее время Хорезмский оазис, этнографические отряды экспедиции включили в программу своих работ, наряду с исследованием национальных форм новой социалистической культуры и быта, историко-этнографические изыскания. В частности, Каракалпакский отряд, возглавляемый автором с 1945 по 1948 г., одной из тем своих полевых работ избрал изучение общественного строя каракалпаков в XIX — начале XX в.,

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 24—25.

весьма скудно освещенного в исторических источниках, и в связи с этим — изучение родо-племенной структуры каракалпаков.

Устойчивое сохранение родо-племенного деления было весьма существенной чертой, отличавшей быт каракалпаков накануне революции.

Традиционная принадлежность к определенному роду и племени имела значение не только в семейных отношениях (регулирование браков), но иногда и в хозяйственно-политической жизни, отразившись, например, на типе расселения, на системе управления каракалпаками в пределах существовавшего до 1920 г. Хивинского ханства. Громоздкая и сложная система каракалпакских племен и родов, слагавшаяся на протяжении многих веков из различных аборигенных и пришлых этнических групп и до настоящего времени сохранившаяся в своих основных чертах в памяти населения, представляет собой своеобразный исторический памятник и важный этнографический источник.

Наш этнографический отряд исследовал все основные пункты расселения в Кара-Калпакской АССР наиболее крупных племен и родов. Путем опроса стариков, известных в качестве хороших знатоков народных традиций, было сделано свыше ста полевых записей, содержащих сведения по истории отдельных племен и родов, собраны их генеалогии, легенды о происхождении, народные объяснения этнонимов и предания о передвижении отдельных родо-племенных групп до прихода в дельту Аму-Дарьи, сведения о времени и районах их расселения в Хорезме, о взаимоотношениях с другими племенами и родами, о характере управления, обложения налогами, о землепользовании в изучаемый период, о роли в общественной жизни феодально-родовой знати — биев и аталыков, являвшихся важнейшим звеном в эксплуататорской системе дореволюционной левобережной Каракалпакии, наконец — о семейно-брачных отношениях и их связи с родо-племенным делением.

В процессе изучения и критической обработки собранного историко-этнографического материала нами были привлечены данные литературных источников, военно-статистических обзоров, переписей и статистических обследований населения низовьев Аму-Дарьи, а также документальные фонды архивохранилищ Узбекской ССР и Кара-Калпакской АССР.

Попытка обобщения накопившихся в результате этой работы данных о родо-племенной структуре каракалпаков в связи с историей расселения отдельных родо-племенных групп на их современной этнической территории в низовьях Аму-Дарьи составляет содержание настоящего очерка.

Исследование ставит задачей использовать собранный материал о каракалпакских племенах и родах в двух направлениях. Во-первых, необходимо изучить его с точки зрения специфики социального строя каракалпаков XIX — начала XX в., выявить значение родо-племенного деления в общественной жизни каракалпаков. Этот вопрос почти не освещен в исторической и этнографической литературе, а между тем он весьма существенен для правильного понимания процесса исторического развития каракалпакского народа. Во-вторых, этот материал может быть использован как источник для разработки проблемы этногенеза каракалпакского народа, до настоящего времени еще не получившей своего окончательного разрешения. В особенности мало исследовались поздние этапы формирования каракалпакского народа, относящиеся к послемонгольскому периоду, — периоду пребывания каракалпаков в составе ногайского ханства и среди казахов.

На некоторые вопросы, связанные с этой проблемой, проливают свет не только исторические предания о переселениях отдельных родо-племенных групп, сохранившиеся в народе и соответствующие общим историче-

ским данным о передвижениях населения Южного Приаралья, но и данные этнонимии — названия наиболее крупных племен и некоторых родов, соответствующие именам племен и народов древности и средневековья. Такое совпадение в большинстве случаев свидетельствует об участии последних в процессе сложения каракалпакского народа. Однако при этом нельзя рассматривать так называемые «роды и племена» XIX — начала XX в. как «осколки» или как «прямых потомков», ушедших с исторической сцены одноименных предков. На протяжении веков они не только впитывали в себя множество пришлых этнических элементов, но и приобретали черты общности формировавшейся каракалпакской народности.

В соответствии с вышеизложенными задачами исследования, работа разделена нами на три главы. Первая глава содержит систематизированный полевой материал. Вторая — посвящена этнографическому анализу каракалпакской родо-племенной структуры, как источника для изучения социального строя каракалпаков в XIX — начале XX в. В третьей главе рассматривается история расселения каракалпаков в низовьях Аму-Дарьи, имеющая непосредственную связь с основными этапами этногенеза каракалпакского народа, в том числе с позднейшими этапами, предшествовавшими его консолидации в нацию, которая произошла уже в условиях советского социалистического государства.

* * *

Работа иллюстрируется картами и таблицами, для которых использованы как данные литературы и документальных источников, так и полевые материалы, собранные в экспедиции. Некоторую сложность при составлении указанных иллюстраций и при цитировании источников в тексте вызвало несовпадение транскрипции ряда родо-племенных названий в привлекаемых материалах с подлинными названиями, распространенными среди каракалпаков. Этот разнобой в транскрипции и в начертании (раздельное или слитное написание составных имен) привел к необходимости избрания следующего выхода из создавшегося затруднения:

1. Во всех цитатах нами сохраняется транскрипция авторов.
2. Подлинные каракалпакские родо-племенные названия в таблицах и алфавитном указателе даются на каракалпакском языке с соблюдением современных орфографических правил этого языка.
3. В русском тексте нами принята транскрипция, максимально приближающаяся к каракалпакскому начертанию названий. Однако, учитывая установившийся в русской исторической и этнографической литературе порядок написания через дефис тюркских родо-племенных этнонимов, представляющих собой сочетание двух слов, мы не отступили от этого правила и в противоположность каракалпакскому слитному написанию сложные названия (за исключением соответствующих мусульманским именам) пишем через дефис, что, кстати, иногда облегчает их исследование, поскольку и в среднеазиатских исторических документах они обычно пишутся раздельно.
4. Особо следует отметить, что звук «дж» нами пишется в русском тексте в форме «ж» (за исключением общепринятого в русской литературе написания распространенных слов «ходжа», «джигит» и т. п.). В каракалпакской периодической прессе и литературе на русском языке до настоящего времени не было установившегося правила относительно применения во встречающихся каракалпакских словах, в частности в собственных именах, той или другой формы для обозначения этого звука; они употребляются параллельно. Однако при разработке новейшей унифицированной орфографии каракалпакского языка предусматривается уничтожить этот

разнобой, и во всех каракалпакских словах в литературе на русском языке сочетание «дж» уже и сейчас все чаще заменяется «ж». Это обосновывается, в частности, тем, что один из двух главных диалектов каракалпакского языка (северо-восточный) характеризуется явно выраженным «жоканьем», подобным существующему в казахском языке.

Пользуюсь случаем выразить свою благодарность за руководство полевыми исследованиями и помощь в подготовке настоящей работы начальнику Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, доктору исторических наук, профессору С. П. Толстову и сотрудникам нашего этнографического отряда, в первую очередь картографу Б. В. Андрианову, составившему часть историко-этнографических карт, прилагаемых к данной работе, и аспирантам Института этнографии Академии Наук СССР — Р. Косбергенову и С. Камалову, принявшим деятельное участие в сборе исследуемого здесь полевого историко-этнографического материала. Выражаю также свою признательность за консультацию по вопросам каракалпакской терминологии сотрудникам Института языкознания Академии Наук СССР — д-ру филологических наук Н. А. Баскакову, Г. Убейдуллаеву и Д. Насырову.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ В СВЯЗИ С ИСТОРИЕЙ ВОПРОСА

Литература и источники, характеризующие историю и этнографию каракалпаков, еще не полностью выявлены, недостаточно изучены и лишь частично, вследствие этого, введены в научный обиход.

В дореволюционных библиографических трудах, посвященных этнографии народов Средней Азии, каракалпакам почти не уделялось внимания. Со стороны авторов этих работ не было попыток объединить разбросанные в разных изданиях сведения об этом народе. Такая работа впервые была выполнена уже в советский период. В 1927 г. Академия Наук СССР издала «Материалы для библиографии по антропологии и этнографии Казахстана и Средне-Азиатских республик», составленные Е. А. Вознесенской и А. Б. Пиотровским, в которые вошел отдел, посвященный каракалпакам.

В 1932 г., в г. Турткуле, был выпущен составленный А. С. Морозовой «Библиографический указатель о Кара-Калпакской АССР», в котором большое внимание уделялось литературе, касающейся истории и этнографии каракалпаков. К сожалению, этот указатель издавался наспех и был составлен без использования материалов центральных библиотек Узбекистана, Москвы и Ленинграда, в связи с чем он неполон и содержит неточности.

Несколько позже, в 1935 г., Совет по изучению производительных сил (СОПС) Академии Наук СССР издал обширный (2182 названия) «Библиографический указатель литературы по Кара-Калпакии», содержащий библиографию по географии, народному хозяйству и другим вопросам, в том числе и по населению республики.

Наконец, в том же 1935 г., в качестве приложения к сборнику «Материалы по истории каракалпаков», изданному Институтом востоковедения АН СССР, появился составленный А. И. Пономаревым аннотированный указатель библиографии исторической литературы на русском языке о каракалпаках, содержащий свыше 200 названий книг, статей и опубликованных документов, относящихся в основном к периоду с XVII до конца XIX в.

В настоящем кратком обзоре мы не ставим своей задачей дать характеристику всех литературных и документальных источников историко-этнографического содержания, касающихся каракалпаков, а ограничимся лишь рассмотрением тех из них, которые относятся непосредственно к нашей теме и освещают в той или иной степени родовой состав каракалпаков и историю их расселения в низовьях Аму-Дарьи.

Если первые сведения о родо-племенном составе каракалпаков появляются лишь в 40-х годах XVIII в., то достоверные данные о местах

обитания отдельных групп этого народа вкраплены в источники уже с конца XVI века.

Первое документальное известие, содержащее этноним «каракалпаки», — пожалованная грамота бухарского хана Абдуллы (1583—1598) мазару святого Зия-Этдина — датируется 1598 г. и локализует каракалпаков в окрестностях древнего города Сыгнака, в бассейне нижнего течения Сыр-Дарьи.¹ Персидский текст этого документа был опубликован В. В. Бартольд в XV томе «Записок Восточного отдела Русского археологического общества»,² а перевод его и анализ произведены П. П. Ивановым в его работе «Очерк истории каракалпаков».³

Сведения о районах расселения каракалпаков в XVII — начале XVIII в. скудны и отрывочны, хотя упоминания о них имеются и в русских, и в среднеазиатских (бухарских и хивинских) нарративах. С первой четверти XVII столетия название каракалпаков встречается в русских документах, в частности в «отписках» самарского воеводы князя Пожарского, сообщającego о результатах допроса бухарских и хивинских купцов относительно народностей, обитающих близ торгового пути на Ургенч, в низовьях Яика (Урала) и Эмбы.⁴

О другой группе каракалпаков, находившейся в этот период в сфере влияния Бухары, сообщают бухарские историки, в частности Мухаммед Юсуф Мушши в своем труде «Тезкере-и-Муким-хани»,⁵ а также русский посол в Бухару, Борис Пазухин.⁶ Хивинский хан историк Абульгази (1643—1663) называет берега Сыр-Дарьи местом жительства каракалпаков в 1623 г.⁷ Там же застают их в 1694 году живущими «сообща» с казахами и принимающими участие в военных походах последних Ф. Скибин и М. Трошин, послы Петра I к казахскому хану Тауке.⁸

Началом XVIII в. (1714—1715) датируются первые упоминания о каракалпаках, живущих в восточной части дельты Аму-Дарьи, содержащиеся в «Фирдаусу-ль-икбаль» («Райский сад счастья») — произведении хивинского придворного историка Муниса. П. П. Иванов в упомянутом выше «Очерке» прослеживает в общих чертах причины такой разброшенности этнической территории каракалпаков в описываемый период, обусловленной историческими судьбами каракалпакского народа.

К концу XVII — первой четверти XVIII в. относится серия источников о каракалпаках, связанная с политикой Петра I. Как известно, последний придавал большое значение распространению влияния России на казахстанские степи, рассматривая их как ворота в Среднюю Азию и через нее в Индию. Этот «дальновидный монарх, начертавший своим преем-

¹ Вопрос о территориях обитания каракалпаков до конца XVI в. рассматривается нами ниже, в третьей главе, в связи с новейшими данными по этногенезу этого народа.

² «Записки Восточного отдела Русского археологического общества», т. XV, вып. II—III, СПб., 1904, стр. 266.

³ П. П. И в а н о в. Очерк истории каракалпаков. Сб. «Материалы по истории каракалпаков». Труды Ин-та востоковедения АН СССР, т. VII, М.—Л., 1935, стр. 33—35.

⁴ Н. И. В е с е л о в с к и й. Памятники дипломатических сношений с Персией, т. II, стр. 168—169. См. также «Акты исторические». Изд. Археографической комиссии, т. III, СПб., 1841, стр. 421.

⁵ См. отрывки из «Тезкере-и-Муким-хани», переведенные П. П. Ивановым. Очерк истории каракалпаков, стр. 38—39.

⁶ «Русская историческая библиотека», 1894, т. 15. Наказ Борису и Семёну Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч в 1669 г.

⁷ А б у л ь г а з и. Родословное древо тюрков. Перевод Г. С. Саблукова. Казань, 1914, стр. 260.

⁸ Статейный список пребывания в Туркестане, Хиве и Бухаре казаков Федора Скибина и Матвея Трошина. Дополнения к актам историческим. Изд. археографической комиссии, т. X, СПб., 1867, стр. 375—385.

никам всевозможные направления для завоеваний...»,¹ согласно историкам XVIII в. «по победоносном и торжественном окончании Шведской войны между прочим изволил... особливое попечение иметь и о том, чтоб ...безопасность на самых тех местах, где ныне с помощью божией новая оренбургская линия строится, действительно основать и чрез то героичным своим намерением путь во всю полуденную Азию отворить»...² Этим вызвано было упомянутое посольство Скибина и Трошина к Тауке-хану, обширная дипломатическая переписка с последним во втором десятилетии XVIII в., когда Казахский союз искал защиты у России в борьбе с Джунгарией, переговоры с каракалпакским ханом Ишим-Мухаммедом в 1722 г. и др. Во многих документах этого периода упоминаются каракалпаки, а в качестве основного места их поселения — бассейн Сыр-Дарьи. Неоднократно говорится о них и в письмах подданного России калмыцкого хана Аюки, который был призван Петром I содействовать экспедиции в Хиву Бековича-Черкасского (1717). В «реляциях» секретаря Ориентальной комиссии Флорио Беневени, направленного Петром I в 1718 г. в Персию и Среднюю Азию с разведочными целями, при описаниях политического кризиса в Бухарском и Хивинском ханствах (где, по образному выражению Беневени, «все дженерально между собою драку имеют») говорится и о каракалпаках, участвующих в междоусобиях Хивы и Бухары.³

В. В. Бартольд отмечал, что «с именем Петра связаны первые русские работы научного характера в области изучения Востока».⁴ Деятельность Петра по линии географических исследований Средней Азии, за которую он был избран почетным членом Парижской Академии,⁵ коснулась и картографии каракалпаков. Еще в 1696 г. указом Петра I предписывалось тобольскому воеводе Нарышкину допросить боярских детей Федора Скибина с товарищами, которые были в казачьей орде у Тауке-хана о дороге в Хиву и Бухару, «тому всему учинить чертеж по три аршина и на том чертеже написать все подлинно и подписать именно».⁶

Этот указ был выполнен; в 1701 г. в Тобольске боярский сын Семен Ремезов закончил составление своего атласа «Чертежная книга Сибири», на трех картах которого впервые в истории картографии обозначены территории, занятые к концу XVII в. каракалпаками (карта 1).

Другая серия документов, касающаяся каракалпаков, относится к 30-м годам XVIII в. и связана с деятельностью обер-секретаря сената И. К. Кириллова, составившего официально признанную правительством императрицы Анны Иоанновны программу экспансии России в Казахстане. В 1731 г. в «Малую Орду» к казахскому хану Абулхайру был направлен переводчик коллегии иностранных дел А. И. Тевкелев для «склонения хана к подданству России» и выбора места постройки города Оренбурга, который должен был стать форпостом русской политики в казахских степях и Средней Азии. Проекты Кириллова, инструкции,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XI, ч. I, стр. 363.

² П. Рычков. История Оренбургская, гл. I. Оренбург, 1896, стр. 4.

³ О сношениях России с каракалпакским ханом Ишим-Мухаммедом см. А. Б и р з е. К истории каракалпаков XVIII в. (публикация документов), «Красный архив», 1938, № 6 (9). Письма Аюки-хана. см. в «Материалах Военно-ученого архива Главного штаба», т. I. СПб., 1871, стр. 292, 293 и 297; Реляции Ф. Беневени из Бухары см. в работе А. Н. П о п о в а, Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. СПб., 1853, стр. 134—159.

⁴ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925, стр. 203.

⁵ Н. И. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877, стр. 175, примечания.

⁶ Сыскное дело 1697 года о дороге в Хиву. «Русский архив», 1867, год V, стр. 395.

указы, донесения Тевкелева заключают в себе немало ценных сведений о каракалпаках, находившихся в этот период в непосредственном соседстве с Малым жузом в низовьях Сыр-Дарьи и номинально подчинявшихся Абулхайр-хану.¹ В 1734 г. Кириллов в своем «Атласе Всероссийской

КАРТА 1.

Районы расселения каракалпаков на карте атласа С. Ремезова
«Чертежная книга Сибири», 1696—1701 гг.

империи» издал карту России с использованием сведений Тевкелева. На ней к северу от Аральского моря обозначены уже «подданные (subditi) киргизы», а в дельте Сыр-Дарьи — каракалпаки (карта 2).

Еще более важна для нас следующая по времени группа русских источников, относящихся к 40-м годам XVIII в., впервые освещающая не только места обитания каракалпаков, но и некоторые черты их социально-политического строя, в частности родо-племенное деление.

В 1740 г. направленная русским правительством «миссия» во главе с поручиком Оренбургского драгунского полка Дмитрием Гладышевым посетила низовья Сыр-Дарьи, где на протоке Адам-Ата, близ Куван-Дарьи, на территории подвластного ему «каракалпакского владения» была расположена ставка упомянутого выше Абулхайр-хана. Поводом для этой экспедиции была просьба вступившего в подданство России Абулхайр-хана о постройке, с целью развития торговли, города в устье Сыр-Дарьи. Помимо официальных задач — изысканий, необходимых для строительства города, — Гладышеву вменялось в обязанность произвести всесторон-

¹ Документы в «Полном собрании законов Российской империи», т. 9, СПб., 1830, стр. 309—317, 323—330; А. И. Добросыслов. Материалы по истории России, т. I—II, Оренбург, 1900.

ную разведку территории бассейна нижней Сыр-Дарьи и «привести геодезически в известность весь пройденный ими путь».¹

Однако, прибыв в «каракалпакское владение», русская миссия не смогла там остаться для необходимых наблюдений и изысканий, а была вынуждена вслед за Абулхайр-ханом отправиться в Хивинское ханство,

КАРТА 2.

Территории каракалпаков на карте И. Кириллова, 1734 г.

где Абулхайр, в связи со смятением, вызванным вторжением Надир-шаха и казнью хана Ильбарса, был временно посажен на хивинский престол. Тем не менее, Гладышев принял меры для сбора необходимых разведочных сведений, в том числе и относительно населения южного Приаралья. Как это явствует из его «Показания», он получил от «толмача» (переводчика) Абулхайра описание народов, живущих в низовьях Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, а также в соседних областях. В результате этого мы имеем интереснейший документ, составленный знатоком местности и населения и имеющий все основания рассматриваться в качестве достоверного источника первостепенного исторического значения. Начиная свое донесение со сведений о том, «в здешних местах, в разных народах, в каракалпаках и в прочих владениях сколько родов, кто старшины...», — «толмач» Мухаммед Нурлини перечисляет следующие родо-племенные названия у каракалпаков: Китайский, Кунрацкий, Кинягаз-Мангоцкий, Кипчацкий, Усюнский, Джабинский, Киятский и Митонский.²

¹ Я. Ханыков. Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с окрестностями. «Записки Русского географ. об-ва», 1851, кн. V, стр. 323.

² Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 годах Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851, стр. 19—20. Названия представляют собой искаженные при переводе каракалпакские родо-племенные этнонимы: ктай, конграт, кенегес, мангыт, кыпшак, уйшун, жабы (ябы), кият и муйтен.

Прилагаемая к «показаниям» Гладышева «ландкарта» указывает ориентировочно границы «каракалпакского владения», располагавшегося в низовьях Сыр-Дарьи и далее на запад, у южных берегов Аральского моря до территории аральцев (карта 3).

В августе 1741 г. Гладышев вторично был в ставке Абулхайр-хана. На этот раз к нему обратились несколько каракалпакских старшин с просьбой быть посредником при утверждении «нижних»¹ каракалпаков в русском подданстве. Гладышев немедленно, в торжественной обстановке, в присутствии Абулхайр-хана допустил старшин к присяге. Присяжные листы были сданы им в канцелярию Оренбургской комиссии, где их видимо изучал П. Рычков, сообщаящий в своей «Топографии Оренбургской губернии»: «Оные их присяги ими самими кратко были сочинены и состояли токмо в следующих словах: „Божьим повелением, по своей вере пришли в Российское подданство и поцеловав Коран присягали мы нижеписанные каракалпаки“, за чем следовали их имена и тамги. Некоторые из них подписались просто, означа свой род и что они за себя и за весь род подписались, а другие именно означили, у кого сколько в роде кибиток».²

Эти документы, пока еще не выявленные, видимо, впервые фиксируют каракалпакские тамги. Состав же родов, присягнувших в 1742—1743 гг. России и, следовательно, входивших в число «нижних» каракалпаков, выясняется из документов, связанных с последующими поездками к каракалпакам в эти годы как того же Гладышева, так и унтер-офицера Ф. Гордеева с «толмачом» Мансуром Дельным, посланными из Орска на Сыр-Дарью в 1743 г. вместо Гладышева (последний в это время сопровождал каракалпакскую депутацию в С.-Петербург, ко двору императрицы Елизаветы Петровны).³ Описывая приезд Гладышева к каракалпакам в конце 1742 г. для объявления о принятии их подданства русским правительством, Рычков сообщает, что «в помянутой орде» в связи с этим «учинили публичную и формальную присягу» сначала ханов и салтанов, «а потом и старшины с немалым числом народа присягали... В сих присягах упоминаются их три рода: Кнуратский, Абынский и Хатайский».⁴

В «показаниях» Гордеева несколько раз встречаются те же названия родов и, кроме того, род жалаир: «По прибытии к каракалпацкому народу въехали сперва в крайней елаирской род к простому каракалпаченину, у которого и ночевали, а поутру поехали к Мурат-шиху (шейху. — Т. Ж.) в настоящие улусы».⁵

В этих же документах⁶ находится весьма ценный для нас в качестве исторического источника «реэстр» присягавшим в приезд Гордеева «нижним каракалпацким ханам, салтанам,⁷ старшинам и прочим», в котором перечисляются свыше 20 представителей «нижних каракалпаков» — обитателей «Дигинской» (?) и «Морской» волостей; в число первых шести представителей включены Каип-хан и пять его сыновей, ос-

¹ Так называлась в XVIII в. часть каракалпаков, обитавшая в низовьях и дельте Сыр-Дарьи в противовес «верхним» каракалпакам, занимавшим территорию выше по этой реке, в районах городов Туркестана и Ташкента.

² П. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 115.

³ «Красный архив», 1939, № I; А. Брызев, К истории каракалпаков XVIII в., документы фонда № 55 МИД, «Каракалпакские дела».

⁴ П. Рычков. Указ. соч., стр. 117. Названия соответствуют этнонимам конграт, ябы и ктай.

⁵ «Красный архив», 1939, № I, указ. документы, стр. 204.

⁶ Там же, стр. 213—214.

⁷ О каракалпакских ханах и султанах в XVIII в. см. П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 57—59. Иванов считал, что у каракалпаков не было единой ханской власти, а упоминаемые в документах ханы были местными правителями.

тальные же лица выступают в качестве присягающих от имени четырех родо-племенных объединений: Ябинского, Кунратского, Катайского и Джалаирского.

Сопоставив приведенные нами списки родов каракалпаков Приаралья, составленные в XVIII в. с их родо-племенным делением XIX — начала XX в. (табл. 6), мы обнаружим в последнем семь из восьми названий, одно из которых (конграт) представляет собой наименование крупнейшего подразделения — «арыса», пять — названия каракалпакских племен, а одно (жабы, вариант ябы) — рода. «Усуньского» рода среди каракалпаков Хорезма нет, но он зафиксирован в 1869 г. Гребенкиным у каракалпаков Зеравшанской долины (подразделение «Уйшун-митан каракалпак»).¹ Что же касается рода жалаир, то указания на наличие его среди каракалпаков встречаются лишь в источниках XVIII в.

Перейдем к обзору русской исторической литературы XVIII — первой половины XIX в. с интересующей нас точки зрения. На первом месте из произведений этого периода следует поставить уже цитированные нами труды П. И. Рычкова, с 1734 г. в Оренбурге заведывавшего всею перепиской первых губернаторов края: Кириллова, Татищева, Урусова и Неплюева. За свои крупные исторические труды, служившие основным источником для ознакомления правящих кругов Российской империи с вновь присоединенным Оренбургским краем, он был в 1759 г. избран членом-корреспондентом Академии Наук.

«История Оренбургская» и «Топография Оренбургской губернии» П. Рычкова были написаны не только по материалам архива Оренбургской губернской канцелярии, но и на основании устных расспросов приезжавших в Оренбург представителей казахских и каракалпакских «орд». «Топография Оренбургской губернии» явилась пояснением к составленному в 1752 г. геодезистом Красильниковым атласу карт Оренбургской губернии, изданному в 1880 г. Русским географическим обществом под заглавием «Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «ландкартам» Красильникова и «Топографии П. И. Рычкова». На некоторых картах этого атласа указаны места расселения «нижних» и «верхних» каракалпаков в бассейне Сыр-Дарьи (карта 4).

Много фактических сведений, относящихся к истории каракалпаков в XVIII в., заключается в работе А. Левшина «Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей»,² до сих пор еще не вполне потерявшей своей историографической ценности, освещающей, главным образом, историю смежной с каракалпаками «Малой Орды» на основании материалов Оренбургской губернской канцелярии, Пограничной комиссии и Коллегии иностранных дел. Такой же характер источника носит основанная на архивных данных книга академика В. В. Вельяминова-Зернова «Исторические известия о киргиз-кайсаках».³ Несравненно меньшее значение в историографии данного периода имеет включающая много документов, но пропитанная духом великодержавной апологетики остро тенденциозная монография В. Н. Витевского «И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г.»⁴ Следует отметить также как имеющие некоторый интерес для изучаемого вопроса труды Добросмыслова, в

¹ А. Д. Гребенкин. Узбеки. Сб. «Русский Туркестан», 1872, № 2, стр. 99.

² А. Левшин. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II—III. СПб, 1832.

³ В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абулхайр-хана (1748—1765), т. I, Уфа, 1853; т. II, 1855.

⁴ В. Н. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., вып. 1—5, Казань, 1889—1897.

частности его «Материалы по истории России»,¹ составленные по архивным документам Тургайского областного правления.

Особую категорию литературы представляют собой описания путешествий, посольств и экспедиций в Среднюю Азию в конце XVIII — первой половине XIX в. Эти описания весьма интересны для освещения различных сторон жизни населения среднеазиатских ханств, в том числе и каракалпаков, но они не дают ничего нового по сравнению с данными 40-х годов XVIII в. о родо-племенном составе последних.

Отрывочные данные конца XVIII в. о расселении каракалпаков и о передвижении их из присырдарьинских областей в Хорезм есть в описании «Странствований» унтер-офицера Ф. Ефремова, захваченного в плен во время восстания Пугачева и с 1774 по 1782 г. жившего в Средней Азии и прилежащих странах,² среди сведений, собранных в Бухаре в 1781 г. русским посольством, возглавленным коллежским регистратором М. Бекчуриным;³ в обстоятельных «Путевых заметках» майора Бланкеннагеля — врача, направленного в 1793 г. в Хиву по просьбе инака Мухаммед-Эмина для излечения его слепнувшего брата Фазиль-бия и получившего от правительства специальные поручения о попутной разведке в Хивинском ханстве,⁴ наконец, в «Путешествии» Бурнашева, наблюдавшего в низовьях Сыр-Дарьи кочевья и пашни каракалпаков.⁵

Более полные данные этого характера имеются в литературе первой половины XIX в.: в изданном В. В. Григорьевым и относящемся к 1803 г. «Описании Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости»,⁶ в книге о посольской экспедиции в Хиву в 1819—1820 гг. штабс-капитана Н. Муравьева,⁷ в «Караван-записках» Кайдалова,⁸ пересекшего в 1824 г. Куван-Дарью и Яны-Дарью, наконец, в «Описании Хивинского ханства», составленном подполковником Данилевским, возглавлявшим в 1842 г. русскую дипломатическую миссию в Хиву, направленную туда после неудавшегося зимнего похода Перовского (1839) и безрезультатных переговоров миссии Никифорова (1841) с Хивинским правительством об урегулировании обострившихся русско-хивинских отношений.⁹

Все эти книги, статьи и заметки, составленные очевидцами, достойны внимательного изучения, однако требуют при этом критического подхода, поскольку впечатления путешественников, а также полученные от населения сведения и цифровые данные о численности и национальном составе населения зачастую были случайны и ошибочны. Отчеты же посольств были иногда построены на ложной информации.

С конца 40-х и в 50-х годах, в связи с началом завоевания царизмом Средней Азии и основанием в смежных с Хорезмом районах нижней Сыр-Дарьи линии русских укреплений (1847 г. — Раимское, 1853 г. —

¹ А. И. Добросмыслов. Материалы по истории России. Оренбург, 1900.

² Ф. Ефремов. Странствование в киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию. Казань, 1811.

³ С. В. Жуковский. Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 г. «Восточный сборник», кн. II, П., 1916, стр. 273—340.

⁴ Бланкеннагель. Путевые заметки о Хиве в 1793—1794 гг. «Вестник Русского географ. об-ва», 1858, т. XXII.

⁵ Путешествие от Сибирской линии до города Бухары в 1794 г. и обратно в 1795 г. «Сибирский вестник», 1818, ч. 2 и 3 (выбрано из записок Бурнашева).

⁶ В. В. Григорьев. Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости. «Записки Русского географ. об-ва», 1861, кн. 2.

⁷ Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг., ч. 1—2, М., 1822.

⁸ Е. Кайдалов. Караван-записки во время похода в Бухарию российского каравана под воинским прикрытием в 1824—1825 гг., ч. I—III, М., 1827—1828.

⁹ Г. И. Данилевский. Описание Хивинского ханства. Записки Русского геогр. об-ва, кн. V, 1851.

форт Перовск и т. д.), началось систематическое изучение территорий южного Приаралья, подчиненное военно-захватническим целям царизма, но вместе с тем имевшее большое значение для накопления географических и историко-этнографических данных о населении указанных областей. В частности, интересные материалы были собраны во время экспедиций Бутакова, совершенных в 1848—1849 гг. на судах Аральской флотилии (в первой из этих экспедиций участвовал ссыльный украинский поэт Тарас Шевченко);¹ военных рекогносцировок капитана Макшеева;² «учено-дипломатической миссии» в Хиву и Бухару Игнатьева, в 1858 г. прошедшей из Оренбурга в Хиву западным берегом Аральского моря, в сопровождении двух пароходов Аральской флотилии под начальством Бутакова,³ и других. Сведения, касающиеся каракалпаков, взятые из отчетов и описаний участников всех этих многочисленных русских путешествий, посольств и экспедиций в Хиву, предшествующих ее завоеванию, сконцентрированы в уже упоминавшемся нами сборнике «Материалы по истории каракалпаков», изданном Институтом востоковедения АН СССР в 1935 г. Маршруты большинства из них обозначены на карте, составленной Я. Ханыковым и изданной русским географическим обществом в 1855 г.⁴

Русской науке принадлежит главная заслуга в изучении территории и населения Кара-Калпакии в XVIII—XIX вв. Западноевропейские путешественники и ученые почти не затронули этих областей своими исследованиями, и их труды не играют существенной роли в историографии каракалпаков рассматриваемого нами периода. Однако некоторые из этих работ нельзя обойти молчанием. В 1727—1730 гг. совершил путешествие в Хиву и Персию константинопольский купец, грек Василий Ватац, сообщаящий кратко о народностях, встретившихся на его пути вдоль берега Аральского моря в Хиву, в том числе и о каракалпаках. Местности, занятые ими на Сыр-Дарье, обозначены на составленной им карте.⁵

К 1730 г. относится издание в Лейпциге карты России Страленберга — пленного шведского офицера, который воспользовался для составления ее данными случайно спасшихся от расправы хивинского хана Ширгази плененных немцев и шведов, участников похода Бековича-Черкасского на Хиву в 1717 г. На этой карте отмечены каракалпаки, занимающие обширное пространство к северо-востоку от Аральского моря. В 1740 г. английские купцы Томпсон и Гогг одновременно с Гладышевым были в Хиве и дали в своем отчете краткие сведения о населении берегов Аральского моря.⁶

В 1856 г. в Лондоне было издано описание путешествия из Герата в Хиву майора Аббота, в котором есть упоминание о каракалпаках.⁷ В 1863 г. совершил свое путешествие из Тегерана в Хиву, Бухару и Самарканд известный венгерский тюрколог А. Вамбери. В его трудах, наряду с описанием других тюркских народов Средней Азии, рассматриваются и

¹ А. Б у т а к о в. Сведения об экспедиции, снаряженной для описания Аральского моря в 1848 г. «Вестник Русского географ. об-ва», 1853, кн. I, отд. VII; е г о ж е, Дельта и устье реки Аму-Дарьи. «Отечественные записки», 1866, январь.

² А. М а к ш е е в. Описание низовьев Сыр-Дарьи. «Морской сборник», 1856, кн. XXIII, № 9; е г о ж е. Описание Аральского моря. «Записки Русского географ. об-ва», 1851, кн. V.

³ С. Ж у к о в с к и й. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. II., 1916, стр. 146—155.

⁵ E. L e g r a n d. Voyage de Basile Vatace en Europe et en Asie. Paris, 1886; см. также «Журнал Министерства народного просвещения», 1881, № 12; часть карты Ватаца опубликована в книге Л. Б е р г, Аральское море, СПб., 1900, стр. 57.

⁴ Записки Имп. русского географического об-ва, 1855, кн. X.

⁶ Л. Б е р г. Аральское море. СПб., 1900, стр. 63—64.

⁷ J a m e s A b b o t. Narrative of a journey from Herat to Khiva, vol. II. London, 1843.

каракалпаки, в частности дается их родо-племенной состав. Впрочем, это лишь случайно встретившиеся ему названия нескольких племен и родов, без всякой попытки их систематизации: «Bajmakli, Khandekli, Terstangali, Atschamaili, Kajtschili, Irgakli, Kenegez, Tombojun, Saku, Ontört-Uruk».¹ Кроме этнонимов племен и родов, принадлежащих к арысу конграт (кандекли, ашамайлы, баймаклы, терис-тамгалы, ыргаклы, саху), мы видим в этом путаном списке названия другого арыса — он-тортуру, племени кенегес, одного из родов племени ктай (кайшилы) и одного рода племени мангыт (тонг-мойын). Мнение Вамбери о происхождении каракалпаков подвергает тщательному критическому разбору П. П. Иванов,² а его точка зрения, утверждающая приход каракалпакского народа в Среднюю Азию с Волги, справедливо опровергалась еще Н. Аристовым, крупным тюркологом конца XIX в.³

Перейдем к рассмотрению среднеазиатских, в первую очередь хивинских источников, освещающих данную тему. Важнейшими из них являются исторические хроники, излагающие события хивинской истории с XVII в. до 1872 г. Первая часть этого труда (уже упоминавшегося нами произведения «Фирдаусу-ль-икбаль») была составлена приближенным хивинского хана Эльтузера (1802—1806) Шир-Мухаммедом, по прозвищу Мунис. Он довел в своем труде историю Хивинского ханства до начала XIX в. Продолжение труда, после Муниса, взял на себя его племянник, Мухаммед-Риза, по прозвищу Агехи. В придворных хрониках Муниса и Агехи при описании войн, завоевательных походов ханов, усмирений бесчисленных мятежей подвластных Хиве народов заключается много ценных материалов о расселении и родо-племенном составе каракалпаков, которые с конца XVIII — начала XIX в., в результате поражений в войнах с казахами и Хивой, в основной своей массе переселились с Сыр-Дарьи и Жаны-Дарьи в Хорезм, в пределы Хивинского ханства.⁴

Уже при описании событий периода властвования Мухаммед-Эмин инака (70-е — 80-е годы XVIII в.) Мунис упоминает каракалпакские племена «хытай», «кунград», «кенегес», «кыпчак», «канглы».⁵ Несколько позже в хрониках мы встречаем названия всех существующих и поныне в Хорезме племен и даже некоторых наиболее крупных родов каракалпаков: хытай (с родом беш-сары), кыпчак, канглы, кенегес, мангит, колдаулы, кош-тамгалы, хендеклы, балгалы, муйтен, кият и, наконец, арыса кунград.

С 1809 г. начинают появляться в хрониках упоминания и об он-тортуру — «14-ти родах» — племенном объединении, представляющем собой второй из двух арысов (отделов), на которые делились все каракалпаки Хорезма.

Еще более детальную картину родо-племенной системы и расселения каракалпаков дают документы архива хивинских ханов XIX в., конфискованного при завоевании Хивы в 1873 г., утерянного затем и лишь в 1936 г. обнаруженного покойным П. П. Ивановым в неописанных фондах

¹ H. V a m b e r y. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885, S. 377.

² П. П. И в а н о в. Очерк истории каракалпаков, стр. 20—22.

³ Н. А. А р и с т о в. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Живая старина, в. III—IV, 1896, стр. 453.

⁴ Мухаммед мираб Мунис и Мухаммед-Риза мираб Агехи. «Фирдаусу-ль-икбаль»; Мухаммед-Риза мираб Агехи. «Риязу-уд-довле» и «Гульшен-и-девлет». Орывки в переводе П. П. Иванова и др. см. в сб. «Материалы по истории каракалпаков», а также в сб. «Материалы по истории туркмен и Туркмении», т. II, изд. АН СССР, М.—Л., 1938.

⁵ Названия родов и племен даются в хивинских хрониках в узбекском произношении; ср. табл. 6.

Государственной публичной библиотеки в Ленинграде. Даже предварительная публикация этих документов ¹ дает возможность ввести в научный обиход новые ценнейшие сведения, касающиеся истории и социально-экономического строя в середине XIX в. народов Хорезма, в том числе и каракалпаков.

Как земельные документы, так и налоговые (например списки плательщиков салгута, зякета) в связи с практиковавшимся составлением этих списков по родам с указанием занятых ими местностей и имен биев, ответственных за сбор налога с данного рода, — помогают восстановить расселение каракалпаков, названия их родов и частично систему группировки последних в племена, отделы и т. д. Особенно важны в этом отношении документы № 104 и 131. Первый представляет собою наряд рабочих из каракалпаков, посылаемых на очистку и ремонт оросительных каналов (казу); второй — ведомость на сбор налога салгут с каракалпаков. Оба документа разбивают записи на две части; а) по родо-племенным подразделениям каракалпаков он-торт уру и б) каракалпаков конграт. Язык документов узбекский.

В составе он-торт уру перечисляются следующие 14 наименований:

В документе № 131²

1. (В документе пропущен)
2. ай-теке
3. череучи-хытай
4. манджули-хытай
5. аралбай-хытай
6. беш-сары-хытай
7. кайчили-хытай
8. каз-аяклы-хытай
9. коюн
10. еки-шейх-хытай
11. канглы
12. кипчак
13. мангыт
14. кенегес

В документе № 104³

1. ана-хытай
2. ай-теке
3. хытай-череучи
4. манджули
5. аралбай-хытай
6. беш-сары-хытай
7. кайчили-хытай
8. каз-аяклы-хытай
9. коюн-хытай
10. еки-шейх-хытай
11. кайчили (канглы?—Т. Ж.)
12. кипчак-майлибалта
13. өштек
14. кенегес

Кроме вышенеречисленных, в других документах упоминаются роды: кипчак-ябу, буклы-хытай и другие (№ 130).

Под заголовком «Кунграды-каракалпаки» в документе № 131 ⁴ перечисляются следующие родо-племенные этнонимы:

1. каз-аяклы	7. ачамайли
2. иргаклы	8. кош-тамгалы
3. баймаклы	9. хендекли
4. уйгур	10. митен
5. туяклы	11. кара-муин
6. колдаулы	12. кыят

В других документах (№№ 49, 30 и др.) упоминаются также племена терстамгалы, балгалы.

¹ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX века. Л., 1940.

² Там же, стр. 218—221.

³ Там же, стр. 231.

⁴ Родо-племенной состав конграт по документу № 104 Ивановым не приводится, хотя из описания следует, что в документе он имеется.

Можно полагать, что дальнейшее изучение и опубликование документов архива еще пополнит приведенные нами списки, однако и в настоящем своем виде они свидетельствуют, что к середине XIX в. в низовьях Аму-Дарьи несомненно существовали все главнейшие роды и племена каракалпаков, зафиксированные здесь позднейшими исследователями как дореволюционного, так и советского периода.¹

* * *

С завоеванием Хивинского ханства Россией связано первое этнографическое обследование населения низовьев Аму-Дарьи, в том числе его национального и родо-племенного состава, расселения и численности.

Непосредственно после взятия Хивы русскими войсками, летом 1873 г. русское командование направило участника хивинского похода офицера А. В. Каульбарса произвести исследование дельты Аму-Дарьи, с целью отыскания судоходного пути для военной флотилии через какой-либо из ее протоков к морю. Каульбарс был командирован вместе с штабс-капитаном Ефремовым, посланным в Петербург с донесением о хивинских делах. Необходимость сопутствовать спешившему курьеру чрезвычайно связывала Каульбарса, тем не менее он успел произвести интересные наблюдения, касающиеся географии дельты Аму-Дарьи и ее населения.

По всему пути своего следования (от Ханка до истока Куваныш-джармы, далес, после захода к застрявшей в протоке Улькун-Дарья флотилии, вниз по Куваныш-джарме к Даукаре, оттуда, сухопутными средствами к Казалинску) он наблюдал и изучал расселение народностей и родо-племенных групп; о районах же, оставшихся вне его маршрута, он тщательно собирал сведения. Результаты его работ, опубликованные под названием «Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г.»,² до настоящего времени не потеряли научного значения. Список каракалпакских родов и племен и сведения об основных занятых ими территориях³ подтверждаются позднейшими исследованиями; структура всей родо-племенной системы, деление на основные отделы, группировка родов в более или менее значительные объединения зафиксированы Каульбарсом правильно. Отмечая основное деление каракалпаков на два арыса: конграт и он-торт уру, он впервые сообщает о делении арыса конграт в свою очередь на две части — жаунгыр и шулдук, а он-торт уру — на четыре племени — ктай, кышшак, кенегес и мангыт (табл. 1). Общую численность каракалпаков в Хорезме Каульбарс определил в 75 тыс. человек, оговорившись, впрочем, относительно возможной неточности этой цифры.

Если сведения Каульбарса охватывали всю территорию дельты, то в последующие периоды XIX — начала XX в. обследования населения низовьев Аму-Дарьи касались уже только ее правого берега, отошедшего по договору с Хивой в 1873 г. к России и составившего, как известно, Амударьинский отдел Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства. Население же левого берега нижнего течения Аму-Дарьи продолжало оставаться в течение всего колониального периода в составе Хивинского ханства. Последнее считалось «вассальным» царской России и фактически было полностью вовлечено в зону влияния российского военно-феодалного империализма. Однако несмотря на возможность распоряжаться судьбами населения Хивы, царизм намеренно из политических

¹ Ср. приведенные списки с табл. 6, с учетом необходимости поправки узбекского произношения этнонимов в хивинских документах на каракалпакское.

² «Записки русского географ. об-ва по общей географии», т. IX, СПб., 1881.

³ См. таблицу 1 и карту 5.

Таблица 1

Родо-племенное деление и численность каракалпаков по Каульбарсу (1873 год)*

Отдел Он-тёрт-рру					
О т д е л е н и я:					
К и т а й			К и п ч а н		
№	Р о д ы	Число кибиток	№	Р о д ы	Число кибиток
1	Биш-Сары	250—300	7	Сенг-Мурун	400
2	Кайчеле	250—300	8	Майли-Балты	400
3	Бек-Сиик	200—200	9	Канглы	400
4	Казы-Яклы	250—300			
5	Кузан-Анна	400—400			
6	Шереуше	200—200			
		1550—1700			1200
К е н е г е с			М а н г ы т		
№	Р о д ы	Число кибиток	№	Р о д ы	Число кибиток
10	Аранчи	} 700—800 до 1000	12	Ак-Мангыт	} 1020—1500
11	Умыр		13	Кара-Мангыт	
			14	Кара-Сийрак-Мангыт	
Отдел Кунград					
О т д е л е н и я:					
Шюлюк			Джаунгур		
№	Р о д ы	Число кибиток	№	Р о д ы	Число кибиток
1	Кул-Дауле	600	9	Терстамгалы	300—400
2	Каш-Тамгалы	300	10	Баймаклы	350—400
3	Мюйтён	300	11	Казы-Яклы	250—300
4	Кара-Маюн	350	12	Эргаклы (Иргаклы)	250—300
5	Кандаклы	300	13	Уйгур (Иогур)	250—300
6	Ашамайлы	500	14	Тиекли	130—150
7	Кият	150	15	Шейджейли-Баханлы	—
8	Балгалы	500			
		3000			1530—1850

Всего каракалпаков:

Он-Тёрт-рру 4 570— 5 400 кибиток
 Кунград 4 530— 4 850 »
 Сейд ходжа** 100— 150 »

Всего кибиток . 9 200—10 400 кибиток

Душ обоого пола, считая по 5 на кибитку 46 000 — 52 000***

* А. В. Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. «Записки Императорского русского географ. об-ва по общей географии», т IX, СПб., 1881, стр. 503, 514—516. Большинство этнонимов родов и племен у Каульбарса сильно искажено. Ср. табл. 6.

** Сейиды и ходжи — привилегированные прослойки мусульманского духовенства; считали себя арабами, прямыми потомками пророка Мухаммеда (сейиды) и его ближайших трех преемников (ходжи).

*** Ниже (стр. 517) Каульбарс на основании дополнительного опроса населения вносит поправку в эту цифру, исчисляя каракалпаков до 75 000 душ.

и дипломатических соображений консервировал там систему феодально-деспотического строя с неограниченной властью хана над своими подданными, со всеми архаическими формами эксплуатации и гнета, двойною тяжестью ложившихся на каракалпаков, которые находились в Хиве под властью узбекской династии на положении угнетаемой национальности.

Непосредственно после создания Амударьинского отдела в русских правительственных кругах обсуждался вопрос о необходимости начать изучение вновь присоединенного к России края и организации соответствующих политическим задачам царизма реформ в его экономическом и общественном устройстве. В результате при участии Русского географического общества начала свои работы Амударьинская ученая экспедиция, а наряду с этим в 1875 г. в Амударьинский отдел была направлена специальная организационная комиссия. Этой комиссии было предложено заняться «подробным и всесторонним изучением всех условий и обстоятельств, кои должны быть приняты во внимание для выяснения и разрешения вопросов, относящихся до поземельной, податной, общественной и земской организации отдела»,¹ а также организации туземного и общественного управления и народного суда.

Комиссия, возглавляемая полковником Носовичем, провела первые статистико-экономические работы на территории современной Кара-Калпакской АССР, собрав данные о численности населения и землепользования. Этот важнейший статистический материал частью был использован О. Шкапским в его «Аму-дарьинских очерках».² Однако, он подверг обработке лишь ту часть данных комиссии Носовича, которая относилась к южным районам Амударьинского отдела (Шураханский участок), населенным в основном узбеками. Материалы же комиссии, касающиеся Чимбайского участка, по составу населения почти сплошь каракалпакского, до настоящего времени не увидели света. Несмотря на усиленные поиски этих дел в архивах Ташкента и Турткуля, нам пока удалось обнаружить лишь отдельные документы и отрывки из отчетов Носовича, которые частично использованы в настоящей работе.

За период с 1875 по 1912 г. население Амударьинского отдела подвергалось неоднократно статистическим обследованиям, которые, однако, подчинены были задаче подготовки штабом Туркестанского военного округа военно-стратегических обзоров и описаний, а не задачам историко-этнографического изучения края. Таковы были работы офицера генерального штаба Стеткевича (80-е — начало 90-х годов), Гиршфельда и Галкина (1899—1900),³ полковника Лобачевского (1912)⁴ и др.

Перепись 1897 г. выявила 93 215 каракалпаков в Амударьинском отделе, 11 056 — в Ферганской области, однако родовой состав их, разумеется, переписью не учитывался; Хивинское ханство переписью не было охвачено.

Второе статистико-экономическое обследование населения Амударьинского отдела в колониальный период было проведено Переселенческим управлением в 1912—1913 гг. В изданном в итоге этих работ двухтомнике

¹ Переселенческое управление. Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области. Вып. 1, стр. 1 (Предисловие). Ташкент, 1915.

² О. Шкапский. Аму-дарьинские очерки. К аграрному вопросу на нижней Аму-Дарье. Ташкент, 1900.

³ Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. I—II. Ташкент, 1902—1903.

⁴ В. Лобачевский. Хивинский район. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа. Ташкент, 1912.

«Материалов по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области» заключается ценный материал, характеризующий экономику, общественно-политическое устройство, национальный и родоплеменной состав населения Амударьинского отдела, в том числе и каракалпаков. Экономический материал, касающийся последних, частично использован П. П. Ивановым в его статье «Каракалпаки».¹

Однако полностью эти экономические данные не могут быть введены в научный обиход. Как свидетельствуют наши полевые материалы, характеризующие дореволюционное прошлое отдельных районов Каракалпакии, при проведении статистического обследования 1912—1913 гг. недостаточно учитывалась специфика патриархально-феодальных отношений каракалпаков, ввиду чего в поле зрения наблюдателей не попали, например, крупные земельные владения и тысячные стада скота феодально-родовой знати, баев и духовенства, назвавших очевидно, свои личные угодья общинными или «вакуфными». Не соответствуют действительности и данные о количестве арендуемых земель, о наемных работниках и др. В настоящей работе нами использованы проще поддающиеся учету и потому более достоверные сведения о населении Амударьинского отдела, на основании которых составлены таблица численности и расселения племен каракалпаков в 1912—1913 гг. (см. стр. 26—27) и две этнографические карты.²

Обширный материал о населении Амударьинского отдела, в том числе о каракалпаках, заключающийся в архивах канцелярии Хивинского хана (переписка его с начальником Амударьинского отдела и генерал-губернаторами за 1874—1916 гг.), канцелярии туркестанского генерал-губернатора и губернатора Сырдарьинской области находятся лишь на начальной стадии изучения. Нами сделано свыше 200 выписок и около ста копий с документов фондов Центрального исторического архива (ЦИА) УзССР и Архивного отдела турккульского городского отдела МВД, частично используемых в данном очерке.

Совершенно незатронутым экономико-статистическими работами (не говоря об историко-этнографических) оставалось в течение всего колониального периода население Хивинского ханства. Сведения о нем, приведенные в описаниях Гиршфельда и других, взяты авторами со слов хивинских сановников, обычно умышленно искажавших в целях скрытия доходов хивинской казны эти цифровые данные.

* * *

Перейдем к обзору работ, проводившихся в области изучения населения Кара-Калпакии в советский период. Непосредственно после революции и установления советской власти население бывшего Амударьинского отдела (переименованного в Амударьинскую область Туркестанской республики) было частично охвачено (южные районы) сельскохозяйственной переписью 1917 г. Летом 1921 г. была произведена перепись населения Амударьинской области, явившаяся продолжением статистических работ Всероссийской переписи 1920 г. В «Поселенных итогах» переписи³ имеются данные о национальном составе населения по волостям, сохранившим в основном дореволюционные границы. Данные этой

¹ Сб. «Сов. этнография», № 4, 1940.

² Таблица 2 и карты 6 и 7.

³ Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Перепись населения в Туркестанской республике, ч. 1-я, Поселенные итоги, вып. 2; Поселенные итоги Амударьинской области. Ташкент, 1923.

Численность каракалпакских племен и расселение их по волостям Чимбайского

№ п/п	Название племени	Число хозяйств по волостям						
		Беш- лябская	Ишим- ская	Кегей- лин- ская	Кок- узын- ская	Кун- град- ская	Па- упыр- ская	Пу- нус- ская
1	Ктай	1226	25	—	566	82	115	87
2	Кыпшак	399	5	—	196	—	68	153
3	Кенегес	—	—	536	—	—	—	—
4	Мангыт	—	—	1328	—	—	124	86
5	Муйтен	—	501	—	—	—	—	—
6	Кият	—	—	—	—	—	46	—
7	Ашамайлы	—	—	—	—	—	117	—
8	Колдаулы	—	209	—	—	—	758	—
9	Кандекли	—	10	—	12	—	298	—
10	Кос-тамгалы	—	139	—	32	—	313	—
11	Кара-мойын	—	79	—	188	—	—	—
12	Балгалы	—	—	—	—	—	—	—
13	Роды, входящие в отделение конграт-жаунгыр	—	40	—	248	34	332	—
	Всего каракалпаков с учтенной племенной принадлежностью	—	—	—	—	—	—	—
	каракалпаков с невыяснен- ной племенной принадлеж- ностью	—	—	—	—	—	—	—
	Всего каракалпаков в Чимбай- ском участке Амударьинского отдела	—	—	—	—	—	—	—
	каракалпаков в Шурахан- ском участке Амударьинского отдела	—	—	—	—	—	—	—
	Всего каракалпаков в Амударь- инском отделе	—	—	—	—	—	—	—

* Главное Управление землеустройства и земледелия. Переселенческое Управление. Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе Сырдарьинской области, вып. 2, таблицы. Ташкент, 1915.

переписи, в связи с трудностями работы в условиях гражданской войны, далеко не полны. Сведения о родо-племенном составе каракалпаков в переписи отсутствуют (табл. 3).

В 1922 г. Амударьинская область, находившаяся в составе Туркестанской республики, вместе с последней вошла в Союз Советских Социалистических Республик. Возникшие в 1920 г. в результате революционного пе-

Таблица 2

участка Амударьинского отдела Сырдарьинской области (поданным 1912—1913 гг.)*

Число хозяйств по волостям				Численность населения (из расчета в среднем 6,1 человека на хозяйство)	Распределение населения по арысам
Тал-дын-ская	Чим-бай-ская	Яны-базар-ская	Всего хозяйств		
—	1896	145	4 142	25 266	I. Арыс он-торт уру:
—	469	215	1 505	9 181	Число хозяйств 8 990
—	—	874	1 410	8 601	Численность населения 54 839
—	—	395	1 933	11 791	
—	—	—	501	3 056	II. Арыс конграт
—	—	—	46	281	Число хозяйств 4 803
163	—	29	309	1 885	Численность населения 29 298
360	—	—	1 327	8 095	
204	—	—	524	3 196	В том числе:
—	—	—	484	2 952	а) Шуллук
—	—	—	267	1 629	Число хозяйств 3 750
292	—	—	292	1 781	Численность населения 22 875
105	—	294	1 053	6 423	б) Жаунгыр
—	—	—	13 793	84 137	Число хозяйств 1 053
—	—	—	729	4 447	Численность населения 6 423
—	—	—	14 522	88 584	
—	—	—	736	4 490	
—	—	—	15 258	93 074	

реворота в Бухарском и Хивинском ханствах, Хорезмская и Бухарская народные советские республики временно остались вне этого объединения. Товарищ Сталин в своем докладе на X съезде Советов говорил: «Две независимые советские республики, Хорезм и Бухара, являющиеся не социалистическими, а народными советскими республиками, пока остаются вне рамок этого объединения только потому и исключительно потому, что эти республики не являются еще социалистическими. Я не сомневаюсь, товарищи, надеюсь, и вы не сомневаетесь, что эти республики, по мере

Таблица 3

*Численность и расселение каракалпаков, казахов и узбеков в Чимбайском уезде Амударьинской области по данным Всероссийской переписи 1920 г.**

№ п/п.	Города и волости	Численность населения	В том числе		
			Каракалпаки	Казахи	Узбеки
1	г. Чимбай	3 607	1 780	976	777
	Волости:				
2	Даукаринская	3 515	25	3490	—
3	Кегейлинская	7 489	5 994	1322	173
4	Кок-узянская	8 707	8 626	40	7
5	Кунградская	7 600	1 694	2599	3140
6	Паупырская	8 555	6 624	1930	1
7	Нукуская	8 877	2 966	4368	1530
8	Талдынская	6 659	5 574	377	6
9	Чимбайская	18 516	18 297	217	2
10	Янги-базарская	7 469	7 036	432	1
	Всего по Чимбайскому уезду . .	80 994	58 616	15 751	5637

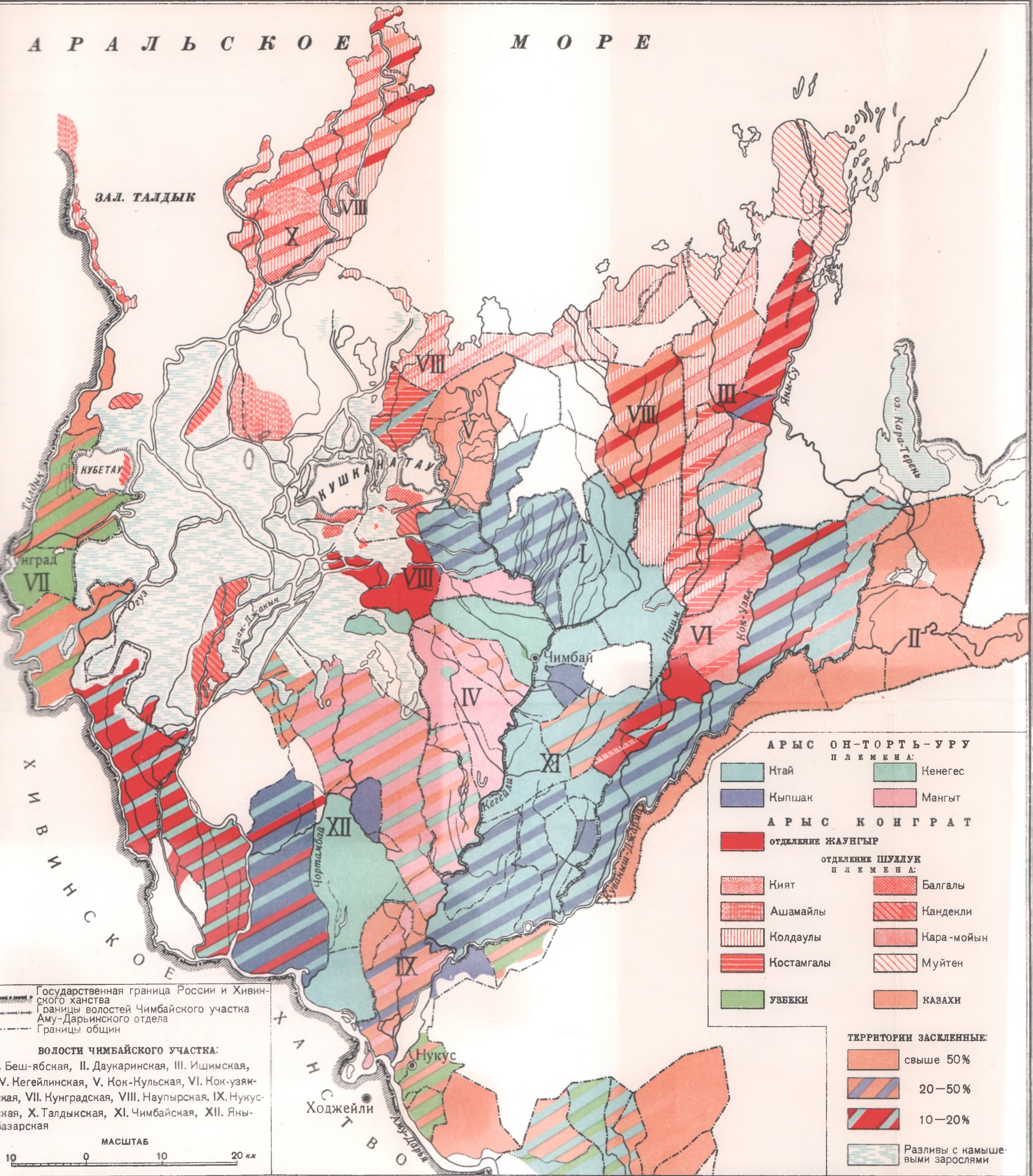
* Материалы Всероссийских переписей 1920 г. Поселенные итоги Амударьинской области (табл. 3 и 6).

внутреннего развития их в сторону социализма, также войдут в состав союзного государства, ныне образуемого».¹

К 1924 г. эти республики под руководством коммунистической партии, при братской помощи русского народа прошли тот необходимый этап экономического и политического развития, о котором говорил товарищ Сталин. В 1924 г., в итоге национального размежевания республик Средней Азии, Хорезмская народная республика, преобразованная в социалистическую, вошла в состав Узбекской ССР. Разъединенные до этого насильственно в интересах царизма и ханов народы Хорезма воссоединились. В 1925 г. была образована Кара-Калпакская Автономная область в составе Казахстана (а с 1930 г. — в составе РСФСР), преобразованная впоследствии (1932) в Кара-Калпакскую АССР. Именно в этот исторический период национального размежевания (1924) было предпринято по инициативе Среднеазиатского экономического совета статистическое обследование Бухары и Хорезма. Целью обследования являлось выяснение основных экономических данных об этих ранее совершенно не изучавшихся районах Узбекистана. Как пишет руководивший статистическими работами И. Магидович, «оказалось необходимым получить самые элементарные статистические сведения относительно Бухары и Хорезма. Однако никаких современных статистических материалов о населении и народном хозяйстве обеих республик не было. Литературные источники очень устарели и давали неполные сведения сомнительного происхождения и качества. Наконец, о некоторых районах... ровно ничего не было известно. При таких

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 151.

А Р А Л Ь С К О Е М О Р Е

КАРТА 7.

Состав каракалпакского населения по племенной принадлежности в пределах сельских общин в Чимбайском участке Аму-Дарьинского отдела Сырдарьинской области в 1912—1913 гг.
 Составили по статистическим материалам Переселенческого управления Т. А. Жданко и Б. В. Андрианов

Примечание. Белые пятна Чимбайского участка обозначают незаселенные территории

условиях единственным способом узнать что-либо была организация специального экспедиционного обследования».¹

В программу этих работ, составленную Комиссией по районированию Средней Азии, наряду с вопросами, касающимися сбора экономических данных, вошел особый раздел: «Преобладающая национальность и родовые группы по населенным пунктам».

Работа экспедиции, возглавленной Магидовичем, встретила с трудностями, повлиявшими на полноту и качество собранного материала, тем не менее имеющего большое научное значение. В опубликованных «Материалах» комиссии, в книге, посвященной Хорезму, целый раздел характеризует амударьинских каракалпаков.²

Таблица 4

*Численность и расселение каракалпаков в левобережном Хорезме по данным статистического обследования 1924 г.**

I. Каракалпаки в составе Хорезмской области Узбекской ССР, образовавшейся в итоге национального размежевания 1924 г. (число душ):

1. Гурленский уезд	71 ч.
2. Ново-ургенчский уезд	29 ч.
3. Хивинский уезд	46 ч.
Всего по Хорезмской области .	146 ч.

II. Каракалпаки в составе Кунградского и Ходжейлинского округов, отошедших в итоге национального размежевания 1924 г. к Кара-Калпакской Автономной области (число душ):

1. Кунградский округ	2802 ч. (родо-племенной состав не выяснен)
2. Ходжейлинский округ	1314 ч. (по родо-племенному составу принадлежат к отделу конграт)
Всего	4116 ч.

* Среднеазиатский экономический совет. Комиссия по районированию Средней Азии. Кн. II. Территория и население Бухары и Хорезма; ч. 2-я, Хорезм. Ташкент. 1926 (таблицы 10, 11, 13).

Беря за основу дореволюционные статистические данные Переселенческого управления по родо-племенному делению каракалпаков, И. Магидович присоединяет к ним собранные его экспедицией данные по Ходжейлинскому округу.³ О Кунградском же округе, где Комиссия не работала, он сообщает: «Родовое деление каракалпаков Кунградского округа не выяснено. По военно-статистическим описаниям большинство их — около 75% — кунградовцы».⁴

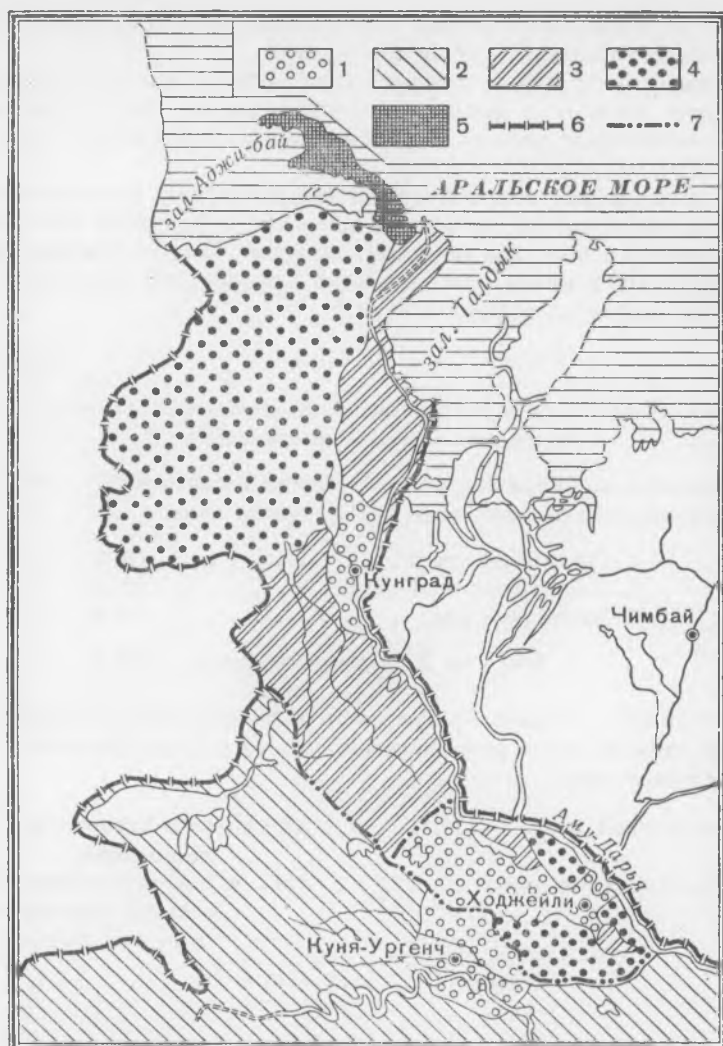
Описывая далее родо-племенной состав каракалпаков, Магидович приводит таблицу «Перечень племенных и родовых названий каракалпаков

¹ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. I, Территория и население Бухары и Хорезма; ч. 1-я, Бухара. Ташкент. 1926, стр. 3.

² Материалы по районированию Средней Азии, кн. II, Территория и население Бухары и Хорезма; ч. 2-я, Хорезм. Ташкент, 1926, стр. 108—115.

³ Таблица 4 и карта 8.

⁴ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. II, Территория и население Бухары и Хорезма; ч. 2-я, Хорезм. Ташкент, 1926, стр. 110, примечания.

КАРТА 8.

Этнографическая карта северной части бывшей Хорезмской Народной Республики по данным 1924 г.

(Выкопировка из «Административно-этнографической карты бывшей Хорезмской республики» — см. «Материалы по районированию Средней Азии», кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. II, Хорезм, Ташкент, 1926 г.)

Условные обозначения:

1 — узбеки; 2 — туркмены; 3 — каракалпаки; 4 — казахи; 5 — русские; 6 — граница бывшей ХНР; 7 — границы районов, отошедших [после национального размежевания (1924) к Кара-Калпакской Автономной области (Кунградского и Ходжейлинского)

дельты Аму-Дарьи».¹ К сожалению, в этой таблице имеются существенные ошибки, касающиеся не только искажения родовых названий, но и неправильного причисления некоторых родов к тем или другим племенам. Так, племя кара-мойын, входящее в отдел конград, отделение шулдук — в таб-

¹ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. II, Территория и население Бухары и Хорезма; ч. 2-я, Хорезм. Ташкент, 1926, стр. 111—112.

Лице считается подразделением рода бес-сары-ктай; род шуйит ошибочно включен вместо племени мангыт в кенегес и другие. Разумеется, эти ошибки отражаются и на данных о численности племен.

Не имеет никаких оснований также замечание И. Магидовича о том, что «совершенно не подтвердилось основное деление кунградовцев на «2 колена» — джаунгыр и чуллул. Последнее название нигде не встречается».¹ Как показали наши работы 1946 г., среди каракалпаков Кунградского и Ходжейлинского районов Кара-Калпакской АССР деление на жаунгыр и шуллул даже сейчас совершенно четко сохранилось не только в памяти стариков, но и молодежи, обычно правильно относящей отдельные роды арыса конграт к тому или другому из этих отделений. Несмотря на некоторые недостатки, труд Магидовича о населении Хорезма имеет большую научную ценность и интерес. Отдельные его выводы об этническом происхождении некоторых племен и родов каракалпаков подтверждаются современными этнографическими исследованиями.

В период переписи 1926 г. Кара-Калпакская Автономная область входила в состав Казахской АССР. В числе населения последней выявлено всего 118 184 каракалпаков, из которых в Кара-Калпакской Автономной области находилось 116 125 человек, прочие же оказались разбросанными небольшими группами в Уральской (1147 чел.), Сырдарьинской (505 чел.), Джетысуйской (240 чел.) и других губерниях Казахстана. Кроме того, переписью учтено 26 563 чел. каракалпаков в Узбекской ССР; общее число каракалпаков в СССР, по переписи 1926 года — 146 317 ч. Родо-племенной состав населения переписью не учитывался.²

С образованием Кара-Калпакской АССР партией и правительством был предпринят ряд мероприятий в области культурного строительства новой республики, в числе которых весьма существенную роль сыграла организация Комплексного научно-исследовательского института (КНИИ). В КНИИ сконцентрировались материалы многочисленных экспедиций и обследований республики как географо-экономического характера, так и этнографо-лингвистического. Работы по сбору фольклора, эпоса и изучения языка и истории каракалпаков велись под руководством специалистов-тюркологов С. Е. Малова, П. П. Иванова (Институт востоковедения АН СССР), Н. А. Баскакова, А. С. Морозовой и других, с участием научных сотрудников КНИИ, писателей и поэтов каракалпаков. Среди фольклорных материалов, частью оставшихся в архивах Института, частью изданных или подготовленных к публикации,³ заключается много ценных сведений о каракалпакских родах и племенах, записей легендарных родословных («шежире») и исторических преданий.

Преемником КНИИ явился К-К НИИЯЛИ (Кара-Калпакский научно-исследовательский институт языка, истории и литературы) при СНК К-К АССР, ныне преобразованный в Научно-исследовательский институт экономики и культуры Кара-Калпакской АССР в системе Академии Наук Узбекской ССР. В результате этнографических наблюдений сотрудника этого института А. С. Морозовой собран значительный материал в области родового деления и пережитков общинно-родового быта у каракалпаков.⁴

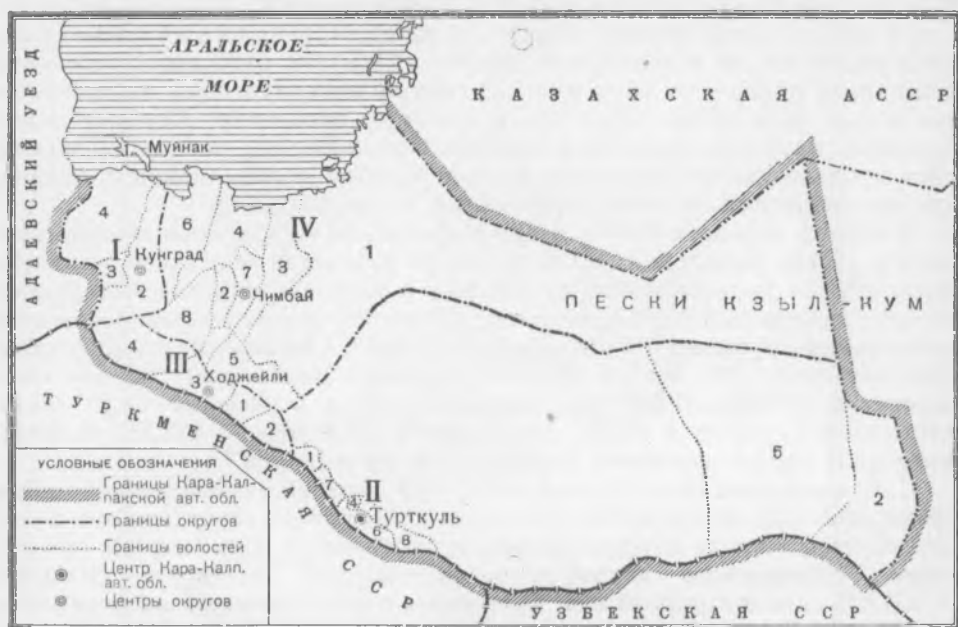
¹ Там же, стр. 113.

² Таблица 5 и карта 9.

³ Кроме изданных в Кара-Калпакии и Узбекистане произведений каракалпакского фольклора, Институт языкознания АН СССР подготовил к изданию насыщенный фольклорным материалом труд Н. А. Баскакова «Каракалпакский язык. Материалы по диалектологии».

⁴ Этнографические материалы А. С. Морозовой частично вошли в статью «Каракалпаки» издаваемого Институтом этнографии АН СССР многотомника «Народы мира».

Большое значение для изучения патриархально-феодалных отношений у народов Средней Азии, в том числе и у каракалпаков, имели труды советских ученых — П. И. Кушнера,¹ С. П. Толстова,² А. Н. Бернштама³ и других. Эти работы, основанные на полевых этнографических исследованиях и насыщенные историческим, экономическим и этнографическим материалом, противопоставляли буржуазно-националистической трактовке рода «врастающего в социализм» марксистско-ленинскую

КАРТА 9.

Схематическая административная карта Кара-Калпацкой Автономной области в период переписи 1926 г. (к табл. 5, см. стр. 33)

концессию, вскрывающую подлинную, классовую сущность так называемых «патриархально-родовых» отношений в среднеазиатском ауле.⁴

Для истории и этнографии каракалпаков в этом отношении исключительно большую роль сыграли труды крупного советского историка-востоковеда П. П. Иванова, обогатившего нашу историческую науку целым рядом глубоких исследований в области истории народов Средней Азии периода XVIII — XIX вв. и принимавшего живейшее участие в работах ИК НИИЯИЛ. Труды этого безвременно погибшего в 1942 г. во время блокады Ленинграда талантливого ученого — неопределимый вклад в историографию каракалпаков.⁵

¹ П. И. Кушнер. Горная Киргизия (Социологическая разведка), М., 1929.

² С. П. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. «Изв. ГАИМК», вып. 103, 1934.

³ А. Н. Бернштам. Проблема распада родовых отношений у кочевников Средней Азии, «Сов. этнография», 1934, № 6.

⁴ См. вторую главу.

⁵ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков. Сб. «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935; его же, Удельные земли Сейид-Мухаммед-хана хивинского. «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. VI, М.—Л., 1937; его же, Архив хивинских ханов XIX в. Л., 1940; его же, Каракалпаки. Сб. «Советская этнография», т. IV, М.—Л., 1940; его же, Новые данные о каракалпаках. «Советское востоковедение», т. III, М.—Л., 1945.

Таблица 5

Национальный состав населения Кара-Калпакской Автономной области
по данным Всесоюзной переписи 1926 г.* (число душ)

№ п/п	Территория	Населе- ние	В том числе по народностям							
			Каракал- пак	Казаки	Узбеки	Туркмены	Русские	Татары	Персы	Украин- цы
	Кара-Калпакская автоном- ная область	304 541	116 125	85 782	84 099	9 686	4 924	884	756	621
	I. Кунградский округ	27 926	7 001	8 259	10 701	—	1 295	126	3 454	—
	Гор. Кунград	3 119	493	921	1 556	—	37	99	—	2
	П. г. т. Муйнак	1 583	243	320	7	—	558	25	—	3 375
	Сельские местности	23 224	6 265	7 018	9 138	—	700	2	—	77
	(волости)									
1	Муйнакская	1 049	17	358	—	—	592	—	—	—
2	Мынжорганская	9 126	1 026	3 552	4 479	—	69	—	—	—
3	Халыбаская	8 048	370	2 988	4 629	—	38	2	—	—
4	Шургульская	5 002	4 852	120	30	—	—	—	—	—
	II. Турткульский округ	108 297	7 465	36 523	50 374	8 864	2 634	350	753	89
	Гор. Турткуль	4 207	365	503	785	29	1 904	327	21	89
	Сельские местности	104 090	7 100	36 020	39 609	8 835	730	23	732	—
	(волости)									
1	Бий-Базарская	8 580	237	4 391	3 914	15	—	—	—	—
2	Каракалпакская	1 921	967	308	646	—	—	—	—	—
3	Мынбулакская	13 085	723	12 359	—	3	—	—	—	—
4	Сарыбийская	15 053	790	1 692	10 028	1 737	12	—	721	—
5	Тамдынская	11 343	29	11 247	—	1	—	—	—	—
6	Турткульская	14 709	1 253	1 120	12 051	9	14	—	1	—
7	Шейх-абаз-валийская	24 262	1 808	3 587	16 314	1 305	704	23	8	—
8	Шураханская	15 137	1 293	1 316	6 656	5 766	—	—	2	—
	III. Ходжейлинский округ	36 936	5 155	10 403	20 259	816	107	111	—	9
1	Гор. Ходжейли	3 015	378	329	2 033	—	73	97	—	9
	Сельские местности	33 921	4 777	10 074	18 226	476	4	14	—	—
	(волости)									
1	Кипчакская	6 736	691	639	5 406	—	—	—	—	—
2	Ктайская	8 495	279	2 219	5 527	456	—	14	—	—
3	Ходжейлипская	4 883	668	761	3 450	—	4	—	—	—
4	Яны-калинская	13 807	2 139	6 455	3 843	360	—	—	—	—
	IV. Чимбайский округ	131 382	96 504	30 597	2 745	6	888	297	—	69
	Гор. Чимбай	5 388	2 572	1 602	640	6	201	291	—	43
	Сельские местности	125 994	93 932	28 995	2 105	—	687	6	—	—
	(волости)									
1	Даукаринская	10 140	228	9 893	—	—	—	—	—	—
2	Кегейлинская	12 153	10 125	1 804	211	—	—	—	—	—
3	Кок-узаякская	15 630	15 163	443	22	—	—	—	—	—
4	Науырская	18 387	14 073	4 126	—	—	10	3	—	—
5	Нукусская	12 994	3 750	7 399	1 832	—	13	—	—	26
6	Талдыкская	13 192	8 425	4 073	6	—	650	—	—	—
7	Чимбайская	31 560	30 987	531	15	—	11	3	—	—
8	Яны-базарская	11 938	11 181	726	19	—	3	—	—	26

Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. VIII, Каванская АССР, табл. X.

Составленные А. С. Морозовой списки каракалпакских родов и племен явились исходным материалом для начатых нами в 1945 г. полевых исследований родо-племенного состава каракалпаков; в процессе нашей работы они многократно проверялись, дополнялись и уточнялись путем сопоставления с историческими данными. Большое значение в анализе легендарных генеалогий и исторических традиций каракалпаков имела для нас также рукопись другого сотрудника этого института У. Кожурова, представляющая подстрочный перевод на русский язык двух вариантов (один из них — прозаический) столь популярной в Кара-Калпакии «Родословной» («Шежире») каракалпакского народа, автором которой был любимый народный поэт каракалпаков — Бердах-шаир (1827—1900).¹

* * *

Первый этнографический отряд Хорезмской экспедиции АН СССР, как уже указывалось, приступил к исследованиям под руководством автора в 1945 г., начав полевую работу с Чимбайского района К.-К. АССР, старейшего центра оседлости каракалпаков с развитой ирригационной сетью и земледелием. Наряду с общими рекогносцировочными сведениями, отряд собирал данные о родо-племенном составе каракалпаков этого района и истории его заселения.

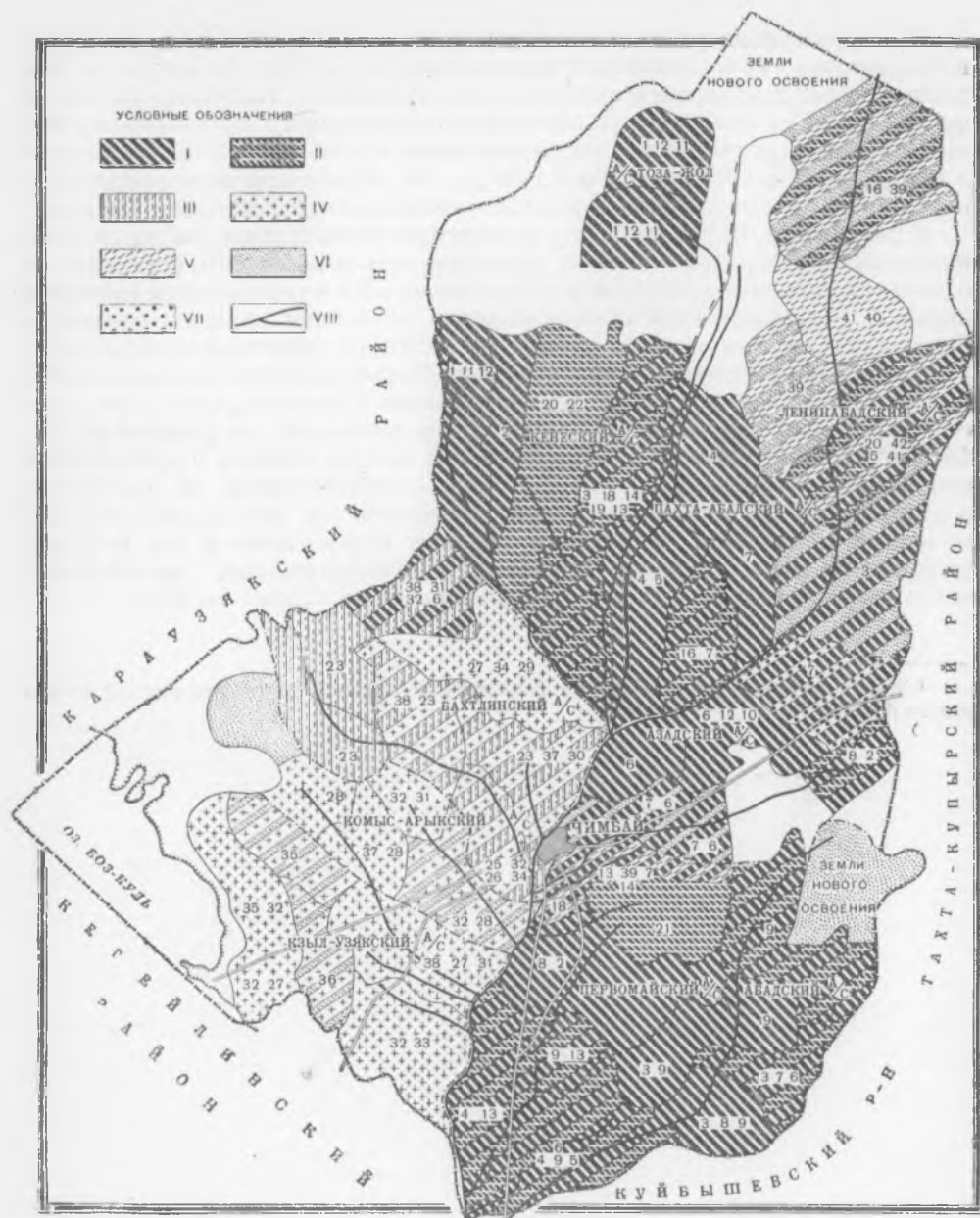
Материал, собранный в 1945 г., относился к племенам арыса он-тортуру — ктай и кыпшак. Меньше времени было уделено по условиям работы племенам кенегес и мангыт.

В 1946 г. наш отряд продолжал работы по прежней программе, но уже на территориях, являвшихся в прошлом землями каракалпаков арыса конграт, и осуществил в связи с этим два маршрута: в прилегающий к южному берегу Аральского моря Муйнакский район, каракалпакское население которого сосредоточено среди камышевых зарослей у протоков и озер дельты Аму-Дарьи и у берега моря, занимаясь в основном рыболовством, и в земледельческий Кунградский район, с прилегающим к нему на юге, в Ходжейлинском районе бассейном канала Шуманай. Эти местности, расположенные на левом берегу Аму-Дарьи, принадлежат к числу совершенно не изучавшихся до настоящего времени в этнографическом отношении областей бывшего Хивинского ханства.

В 1947 г. отряд продолжал свою работу, охватив разведкой Кегейлинский район, издавна бывший основным центром обитания племен кенегес и мангыт арыса он-тортуру.

Наконец, в 1948 г., наряду с другими задачами, включенными в программу работы Каракалпакского отряда (изучение быта и культуры колхозного аула, историко-археологические обследования районов обитания и усадеб-крепостей каракалпаков XVIII — начала XIX в.), собирались сведения о традициях родо-племенного деления в Куйбышевском, Кара-Узьякском, Кыпчакском и Тахтакупырском районах республики. Весьма интересные данные о мельчайших родовых подразделениях родов аралбай (племя ктай) и канглы (племя кыпшак) были собраны при детальном изучении дореволюционного прошлого колхоза им. Ахунбабаева в Чимбайском районе, социалистическое переустройство культуры и быта которого явилось для нашего отряда объектом монографического историко-этнографического изучения.

¹ Рукопись У. Кожурова подготавливается Институтом этнографии АН СССР к опубликованию в сборнике «Образцы народной литературы каракалпаков» (Совместное издание АН СССР и Каракалпакского научно-исследовательского института АН Узб. ССР).

КАРТА 10.

Схематическая карта расселения каракалпакских племен и родов на территории Чимбайского района Кара-Калпакской АССР (по данным, собранным этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР в 1945 г. Составила Т. А. Жданко)

Племена и роды арысаон-тортуру:

I — племя ктай. Роды: 1 — каз-аяклы; 2 — кайшылы; 3 — аралбай; 4 — бес-сары; 5 — бексым; 6 — анна; 7 — куйын; 8 — айтеке; 9 — шеруши; 10 — манжули; 11 — боклынтай; 12 — кырк; 13 — племя кыпчак. Роды: 13 — кайгалы; 14 — санг-мурын; 15 — естен; 16 — каныгалы; 17 — шунак; 18 — жагалтай; 19 — баганалы; 20 — майлы-балта; 21 — жадик; 22 — салтыр; 23 — племя кенегес. Роды: 23 — аранши; 24 — ак-тогын; 25 — омыр; 26 — мынжыр; 27 — племя мангыт. Роды: 27 — ак-мангыт; 28 — кара-мангыт; 29 — аршан; 30 — арсары; 31 — шуйыт; 32 — жаманши; 33 — ушь-бас; 34 — кара-сирак; 35 — тонг-мойын; 36 — тазикалык; 37 — мамыкши; 38 — жаллык.

Племена и роды арысаконграт:

V — племена; 39 — колдаулы; 40 — кос-тамгалы; роды: 41 — наз-аяклы; 42 — терис-тамгалы; VI — казахи; VII — узбеки; VIII — ирригационная сеть.

При проведении работ нами обращалось большое внимание на выбор информаторов, происходивший при живейшем участии руководства колхозов, актива и колхозной интеллигенции (учителей), главным образом из числа стариков, считающихся знатоками исторического прошлого отдельных племен и родов. Всего опрошено нами в 1945 г. — 22 информатора, в 1946 г. — 28, в 1947 г. — 19 и в 1948 г. — 21. Используя метод перекрестного опроса, мы стремились добиться максимального уточнения сведений.

В результате, кроме подробно исследуемой в настоящем очерке системы каракалпакских родов и племен, представилась возможность составить на основании полевых материалов (сбора сведений о национальном составе и прежней родо-племенной принадлежности населения каждого колхоза в каждом посещенном отрядом районе республики) «Этнографическую карту расселения каракалпаков в низовьях Аму-Дарьи»,¹ представляющую собой весьма интересный документ. Карта наглядно свидетельствует, при сопоставлении ее с прилагаемой картой 7 (составленной по данным 1912—1913 гг.) о происшедших в годы советской власти сдвигах в преодолении патриархально-феодалных пережитков, выразившихся, в частности, в разрушении традиционных границ родо-племенных территорий каракалпакскими колхозами, ликвидации родовой замкнутости и все большем укрупнении этих дружных трудовых социалистических коллективов, часто разнонациональных и разноплеменных по своему составу.

¹ Карта публикуется в «Трудах Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР», т. I. В печати.

Каракалпаки

Родоплеменная структура каракалпаков

Примечания: * Живут в отдалении от основного района расселения кыятов и потому не всегда включаются в число родов этого племени** Не с каракалпаками францы, **** Считают себя узбеками, но большинством информаторов каракалпаквы выли

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РОДО-ПЛЕМЕННАЯ СИСТЕМА КАРАКАЛПАКОВ ХОРЕЗМА

в конце XIX — начале XX в.

(Историко-этнографические материалы)

В результате полевых этнографических исследований, проводившихся нами в 1945—1948 гг. в Кара-Калпакской АССР, можно считать в основном восстановленной систему каракалпакских племен и родов, существовавших в период XIX — начала XX вв. (табл. 6).

В основе родо-племенной системы каракалпаков низовий и дельты Аму-Дарьи лежало деление их на две части, называемые «арыс» (буквально «оглобля»): арыс он-торт уру и арыс конграт.

По данным, относящимся к 1901 г., численность первого достигала 72 050 человек, второго — около 42 000.¹

Каждый из этих арысов во второй половине XIX в. занимал в Хорезме определенные территории.

Арыс он-торт уру располагался на правом берегу Аму-Дарьи, в бассейне канала Кегейли. Местность эта (нынешние Чимбайский, Куйбышевский и Кегейлинский районы Кара-Калпакской АССР) являлась уже тогда, как и в настоящее время, экономическим центром дельты, где было сосредоточено около половины населения и культурных земель.

Каульбарс, в 1873 г. изучавший здесь расселение каракалпаков, отметил чрезвычайную компактность расположения земель он-торт уру на канале Кегейли: «...только на самых северных частях орошаемой им местности встречаются уже аулы Кунград. Сравнительно с массой населения Он-Тёрт-Рру, стоящего на Кегейли, отдельные группы его, спорадически разбросанные среди других родов и племен к востоку и к западу, являются незначительными».² В 1901 г. из 72 050 человек он-торт уру только 5000 жили на левом берегу Аму-Дарьи, в пределах Хивинского ханства.

Арыс конграт, по выражению Каульбарса, «охватывает отдел Он-Тёрт-Рру с трех сторон, окружая широкою полосой бассейн протока Кегейли».³

Основная масса населения, принадлежащего к этому отделу, была сосредоточена в северной части дельты, на землях, прилегающих к

¹ Г и р ш ф е л ь д и Г а л к и н. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II, 1903, стр. 71. Сведения Гиршфельда и Галкина об общей численности каракалпаков в Хорезмском оазисе близки к данным переписи 1926 года.

² А. В. К а у л ь б а р с. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. Записки Русского географ. об-ва по общей географии, т. IX, 1881, стр. 509.

³ Там же стр. 514.

Аральскому морю, а также — на левом берегу Аму-Дарьи, в Кунградском и Чумикеевском бекствах Хивинского ханства. По данным Гиршфельда и Галкина, в 1901 г. из общего числа 42 000 каракалпаков конграт в Амурдарьинском отделе их было 27 400, а в Хивинском ханстве — 14 600.¹

Каждый из арысов в свою очередь делится на две части: он-торт уру — на две пары племен: ктай — кыпшак и кенегес — мангыт, конграт — на два отделения: шулдук и жаунгыр.

Шулдук и жаунгыр представляют собой названия отделений арыса конграт, родо-племенных объединений, а ктай, кыпшак, кенегес и мангыт — названия четырех племен, каждое из которых имеет свои исторические традиции, генеалогию и легендарного предка, тамгу и боевой клич — уран. Попарная связь этих племен, объясняемая населением родственной близостью их предков (предки — «сыновья одного отца»), имеет, вероятно, в действительности глубокие социальные и исторические корни.²

В соответствии с делением арысов на две части делятся и их территории. В особенности четко это проявляется у он-торт уру: между племенами ктай и кыпшак, с одной стороны, кенегес и мангыт — с другой, резкой границей проходит канал Кегейли. Первые живут по его правому берегу, а вторые — по левому. Как видно из прилагаемой этнографической карты Чимбайского и Кегейлинского районов, составленной нами на основании сведений, собранных в 1945—1947 гг. (карта 10), такой характер расселения сохранился до недавнего времени, нарушаясь сейчас все более в связи с освоением колхозами новых земель на окраинах Чимбайского района и переселением туда значительных по численности колхозных бригад. Видимо, эти четыре племени расселились попарно вдоль берегов Кегейли одновременно, непосредственно после завоеваний Мухаммед-Рахимом, ханом хивинским в 1811 г. главного центра каракалпаков он-торт уру, располагавшегося в бассейне нижней Жаны-Дарьи.

Нам рассказывали в колхозах им. Ахунбабаева и им. М. Горького историческое предание о споре, происшедшем из-за воды и земли между племенами он-торт уру во времена хивинского владычества. Говорят, что вначале ктай — кыпшаки жили на западном берегу Кегейли, а кенегес — мангыты — на восточном. Но вот наступил период маловодья. От недостатка воды по условиям орошения страдали больше земли правого, восточного берега. Тогда кенегес — мангыты направили своих представителей к хану в Хиву и настояли на переделе земель с ктай — кыпшаками. Прибывшие из Хивы для передела ханские чиновники были подкуплены кенегес — мангытами, в результате чего, после бросания жребия (шек)³ дело было решено в пользу истцов; ктай — кыпшаки вынуждены были уступить свои земли и переселиться на правый берег Кегейли.⁴

Относительно распределения территорий между отделениями шулдук и жаунгыр арыса конграт данных в литературе и источниках не имеется. Однако собранные нами во время этнографической разведки 1946 г. сведения говорят о преобладании племен шулдук на севере, а жаунгыр на юге современной левобережной территории Кара-Калпакской АССР. Все

¹ Гиршфельд и Галкин. Указ. соч., ч. II, стр. 71.

² Проблема попарной связи некоторых каракалпакских и узбекских племен рассматривается нами во второй главе. Пары племен или родов, названия которых произносятся, обычно, слитно, мы пишем через тире.

³ О технике передела общинных земель у каракалпаков путем бросания жребия см. Переселенческое управление — «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Амурдарьинском отделе ...», вып. I, стр. 179, а также нашу полевую запись № 8, 1945.

⁴ Полевые записи №№ 8 и 11, 1945.

КАРТА 11
Ирригационная сеть бассейна Кегейли в 1923 г.

(Выкопировано из карты Амударьинской области 1923 г., хранящейся в архиве Среднеазиатского научно-исследовательского ирригационного института, инв. № 124)

Условные обозначения

1. (КТ) — названия каналов, соответствующие названиям каракалпакских родов племени ктай
2. (КП) — то же — племени пыпшак.

3. (КН) — то же — племени кенегес.
4. (МН) — то же — племени мангыт.
5. (КГР) — то же — племен арыса, понграт.

каракалпакское население нынешнего обширного Муыйнакского района представляло в прошлом сплошной массив конгратцев шуллуков. На территории южной части Кунградского района шуллуков и жаунгыров жили смешанно, а в пределах нынешнего Ходжейлинского района — последние уже преобладали.

1. РОДО-ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ АРЫСА ОН-ТОРТ УРУ

Переходя к рассмотрению структуры и расселения отдельных племен арыса он-торт уру, следует прежде всего отметить отсутствие определенных границ между землями ктаев и кыпшаков, так же как и между землями кенегесов и мангытов. Земельные участки и арыки родов племени ктай перемежаются с владениями родов кыпшаков. Эта смешанность их расселения подтверждается как прилагаемой нами картой ирригационной системы Кегейли, составленной в 1923 г. и отражающей дореволюционный характер водопользования (карта 11), так и документами архива хивинских ханов XIX в. В последних мы встречаем указания на сопредельность мелких земельных участков родовых общин и отдельных землевладельцев, принадлежавших к племенам ктай и кыпшаков.¹

Племя ктай состоит из 12 родов: 1) бес-сары; 2) бексийк; 3) каз-аяклы; 4) кайшылы; 5) анна; 6) куйын; 7) айтеке; 8) шеруши; 9) аралбай; 10) манжули (вариант — манжугули); 11) боклы-ктай; 12) кырк. Подразделений родов — тире — как это видно из таблицы 6, мы зафиксировали в общей сложности около 40; число же мелких подразделений — коше, не поддается учету, так как это мельчайшие локальные группы, наименования которых можно выявить обычно лишь непосредственно в местах их обитания; в каждом ауле коше, как правило, различны.

Племя имело общую для всех родов тамгу — шомыш (половник) P и уран (боевой клич) — «Ултау!». Численность ктаев, по данным 1912 г. — около 25 200 человек. Они являлись наиболее многочисленными из каракалпакских племен, составляя до 27% всех каракалпаков правобережного Хорезма (табл. 2).

Расселены были ктай, главным образом, в двух волостях Чимбайского участка Амударьинского отдела: в Чимбайской (46.2%) и в Беш-ябской (29.9% общей численности племени).

Уран ктаев — «Ултау!» связывается легендами с названием возвышенности Улу-Тау, находящейся в центральном Казахстане, к северо-востоку от озера Челкар. Местность эта часто упоминается в исторических источниках; она славилась богатыми охотничьими угодьями и пастбищами.²

Согласно записанной нами в 1945 г. в Чимбайском районе легенде, на обширных землях Улу-Тау во времена казахского хана Тевеккея (1582—1598), по другому варианту — при хане Тауке (1680—1718), существовало каракалпакское ханство, во главе которого был хан из казахских царевичей — торе — Батыр. Вскоре после возникновения этого ханства один из 40 каракалпаков-вазирей Батыр-хана, ктай Тобет, обиженный при разделе таможенных сборов (бажа) во вспышке гнева убил хана. После этого, опасаясь мести казахам, каракалпаки, по легенде, вынуждены были покинуть Улу-Тау, и ханство распалось. Но память об обитании в районах

¹ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в. Документ № 130 (стр. 214 и след.).

² См. например «Рассказ о походе Тимура в Дешт-и-кипчак» в «Зафар-наме» Низам-ад-дина Шами; Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л., 1941, стр. 113.

роскошных улу-тауских жайлау (летних пастбищ) сохранилась у ктаев в их уране.¹

Аналогичное этим преданиям объяснение происхождения урана ктаев мы видим в «Шежире» Бердах-шаира:

Ктай-бек (предок ктаев) разводил овец,
Его овцам был тесен этот свет;
Жайлау (летовкой) его был Уллы-Тау.
«Ултау» стал его ураном.²

Не вдаваясь в анализ вопроса о доле исторической истины в легендах, повествующих о существовании каракалпакского ханства на Улу-Тау (вместе с другими собранными историческими преданиями каракалпаков они представляют собой материал для особого исследования), можно считать весьма вероятной связь между ураном ктаев и местами их кочевий: в период своего обитания в низовьях Сыр-Дарьи совместно с казахами они могли на протяжении какого-то времени оказаться владельцами знаменитых казахских пастбищных и охотничьих угодий на Улу-Тау. Ураны же как у каракалпаков, так и у казахов представляют собой чаще всего либо имена легендарных предков-родоначальников, либо названия их исконных урочищ.

Двенадцать родов ктай объединялись между собой в несколько групп.

Уже в 1873 г. Каульбарс зафиксировал следующую группировку родов среди ктаев: «Казы-Яклы, Кайчеле и Биш-Сары соединяются в одну административную группу, называемую Бек-Мамбет-Наиб; сюда же вероятно принадлежат Бек-Сиик, которые, кажется, близкие родственники Биш-Сары».³

«Род Анна-Кузан и Шереуша также соединяются в административную группу, известную под названием Адыл-аталык по имени стоящего теперь в ее главе лица. Последнее, кажется, относится и до названия группы Бек-Мамбет-Наиб».⁴

Наши материалы отчасти подтверждают остатки такой группировки родов ктай.

В колхозе им. Фрунзе Чимбайского района 73-летний Даулет Балтамурадов из рода каз-аяклы-ктай сообщил нам, что до русского завоевания роды ктай делились на следующие пять групп: 1) кайшылы и каз-аяклы; 2) кырк — боклы-ктай — манжули; 3) бес-сары — бексиык; 4) аралбай; 5) айтеке — шеруши, анна — куйын.

При этом Балтамурадов утверждал, что разделены были так ктай не по административно-территориальному признаку, а по родственному.⁵ Хотя, как мы увидим ниже, административное деление каракалпаков в Хивинском ханстве и соответствовало в основном родо-племенному, но для нас весьма важно указание на то, что в основе группирования родов были не внешние, навязанные сверху хивинской администрацией мотивы удобства управления, а внутренние, более глубокие, этнические, исторические или социальные. Это положение подтверждается и легендами-генеалогиями, касающимися двух из указанных Балтамурадовым групп.

Первая легенда-генеалогия (записанная нами у Балтамурадова из рода каз-аяклы ктай и другого нашего информатора, 73-летнего Али Ерлипесова из рода кайшылы) следующим образом трактует происхождение

¹ Полевая запись № 2, вариант № 5, 1945.

² «Шежире» Бердах. Подстрочный перевод У. Кожурова, строфа 19.

³ А. В. Каульбарс. Указ. соч., стр. 506.

⁴ Там же, стр. 507.

⁵ Полевая запись, № 15, 1945.

родов кайшылы и каз-аяклы, характерной чертой которых является наличие у них своих особых тамг, помимо общей племенной тамги «шомыш». Пока все ктай жили вместе, до их раздела, они имели общую тамгу — «шомыш», но впоследствии часть их оказалась в Бухарском ханстве. Бухарский хан устроил пир (той), на который среди других батыров были приглашены предок кайшылы Байбулат-шейх и предок каз-аяклы Сунак.

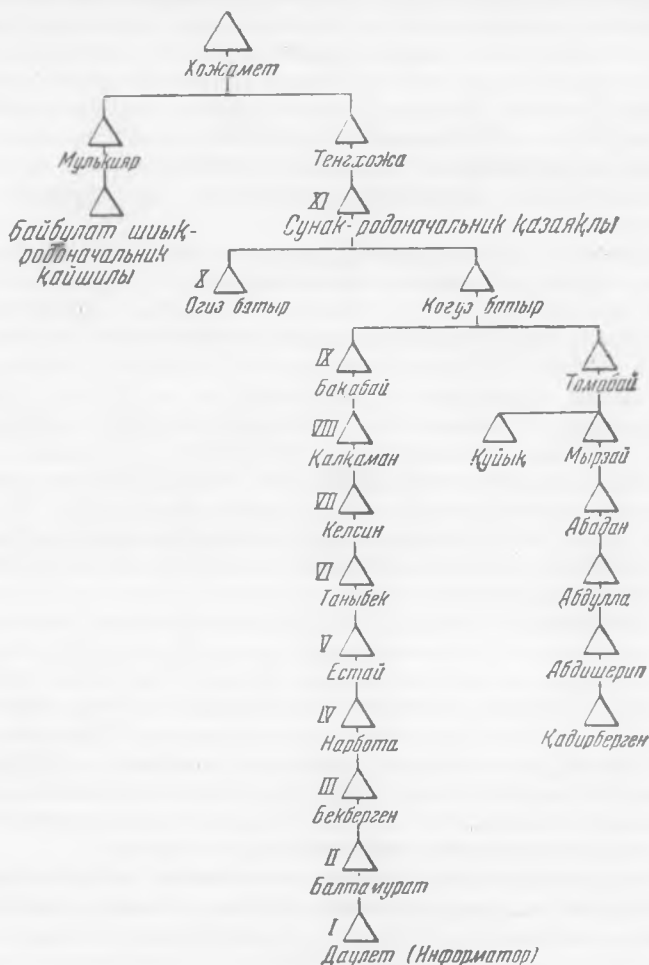

ТАБЛИЦА 7

Генеалогия родов кайшылы и каз-аяклы племени ктай
Сообщил Даулет Балтамуратов, 73 лет, Колхоз им.
Фрунзе Чимбайского района К.-К. АССР

(Полевая запись первого этнографического отряда за 1945 г. № 15).

Примечание: римские цифры обозначают счет поколений — «ата».

Каждый пришедший на этот той называл свое имя и каждому хан давал особую тамгу; этой тамгой тут же, на конюшне хана клеймили лошадь гостя, «чтоб она не спуталась с другими». Байбулат-шейху дали тамгу «кайшы» — ножницы — X, а Сунаку — «каз (газ)-аяклы» тамгу — гусиную ногу — Y. От этих тамг и происходят будто бы названия потомков Байбулата и Сунака — родов кайшылы и каз-аяклы.

По варианту Ерлипесова, Байбулат и Сунак — прозвища, настоящие имена их были Мулькияр и Тенхожа; эти два батыра были родные братья, сыновья некоего Хожимета.¹

Повидимому, эта легенда связывает возникновение указанных двух родов с уходом части каракалпаков в Бухару и принятием ими бухарского подданства. Как известно, отношения феодальной зависимости среднеазиатских тюркских племен от бухарского, хивинского и кокандского ханов выражались прежде всего в обязательстве включения своих военных отрядов в войска этих ханов. Образование же воинских частей производилось по родо-племенному признаку и сопровождалось клеймением лошадей определенными тамгами. Раздача ханом тамг батырам — очевидно военачальникам — и клеймение их лошадей в ханских конюшнях напоминает картину формирования конных отрядов хивинских нукёров, какой она представляется на основании документов из «Архива хивинских ханов XIX века».²

Наш информатор Балтамуратов, изложив генеалогию каз-аяклы, довел ее от предка рода — Сунака — до себя (табл. 7), при этом между ними оказалось 11 поколений (ата — отцов). Учитывая принятое в среднеазиатской исторической литературе соответствие одного колена родословных 25 годам, можно полагать, что каракалпакские роды каз-аяклы и кайшылы возникли, примерно, 275 лет назад, т. е. в 70-х годах XVII в. Эти родовые названия, связанные с соответствующими тамгами, встречаются и у других тюркских народов, в частности у ногайцев, с которыми каракалпаки были связаны территориально еще задолго до конца XVII в. Имеется родовая группа каз-аяклы и в арысе конграт.

Возможно, роды эти существовали у каракалпаков и ранее, предание же отражает глубоко запечатлевшееся в памяти народа историческое событие — обособление части этих родов и переход их в подданство бухарскому хану. В период 70-х годов XVII в. каракалпаки, жившие в районе Туркестана, не только в значительном числе входили в состав народов, подвластных Бухаре, но, по сообщению Бориса Пазухина, среди ратных людей «Бухарской земли» наиболее «надежными» в бою считались «подданные Бухарскому царю царевичи каракалпакские».³ Прозвище легендарного предка каз-аяклы — «Сунак», вероятно, связано с городом Сыгнак на Сыр-Дарье, где каракалпаки обитали и были под политическим влиянием Бухары еще в конце XVI в., как об этом свидетельствуют уже упоминавшиеся нами «сыгнакские документы».

Не менее интересна вторая легенда-генеалогия, объединяющая в одну родственную группу четыре рода: анна, куйын, айтеке и шеруши. Легенда записана нами в колхозе им. Горького Чимбайского района у знатока каракалпакского фольклора Жулдаса Бабаева. Варианты ее рассказывали нам 86-летний Косыбак Нуруллаев из того же колхоза и 69-летний Тлеумбет Абдиев (ктай — айтеке).

Предком этих родов считают некоего Танке, выходца из казахского племени чумекей. Изгнанный из своего рода за какое-то преступление, он нашел приют у каракалпаков и был покровительствуем Ормамбет-бием (по другому варианту Орус-бием), который, сделав Танке своим братом (очевидно, приняв в род), дал ему скот, и Танке занялся пастушеством. В одном из своих нападений на калмыков (по другому варианту — на туркмен-помудов) каракалпаки захватили в плен молодую беременную жен-

¹ Полевые записи №№ 15 и 18, 1945.

² П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX века, стр. 198 и след., глава «Конский состав и вооружение войск».

³ Из статейного списка Бориса Пазухина. См. Русская историческая библиотека, 1891, т. 15, стр. 61.

щину; Ормамбет-бий отдал ее в жены Танке. Первый сын этой женщины по отцу был калмыком (по другому варианту иомудом); его называли Ток-Полат. Ток вырос, женился на каракалпачке, сыном его был Куйын (родоначальник рода куйын), сыновьями же Танке и пленницы-калмычки (иомудки) были Айтеке, Шеруши, Анна, от которых произошли соответствующие роды. По другому варианту этой легенды (Косыбака Нуруллаева), все четверо были сыновьями Тока и каракалпачки, и потому в народе

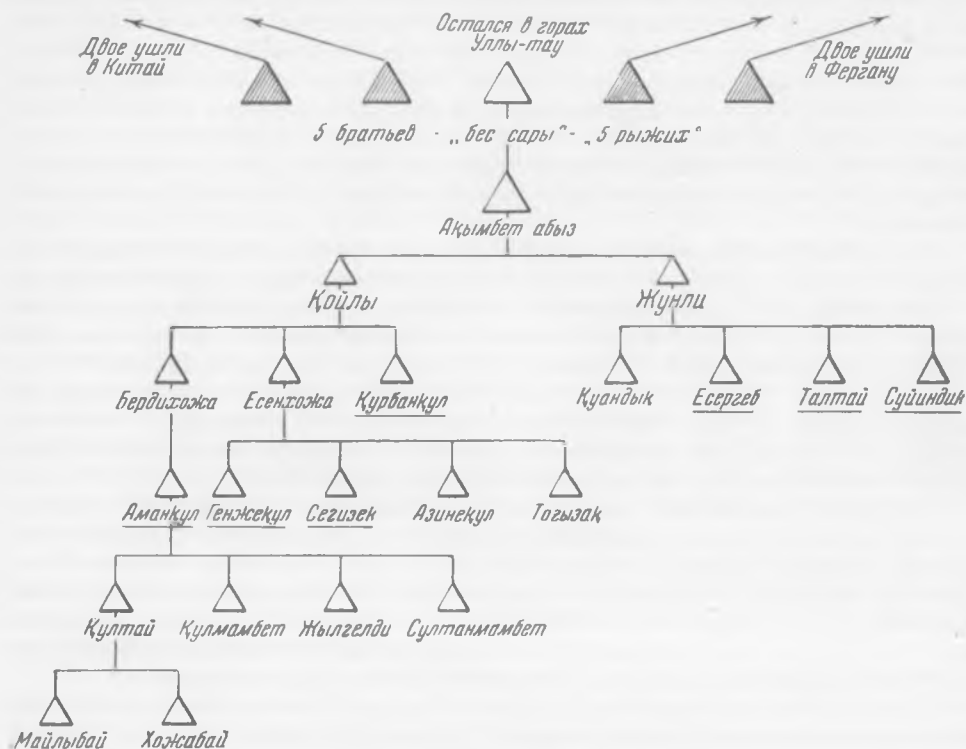

ТАБЛИЦА 8

Генеалогия рода бес-сары племени ктай

Сообщил Жулдас Бабаев. Колхоз им. М. Горького Чимбайского района К.-К. АССР (Полевая запись Первого этнографического отряда за 1945 г. № 3).

Примечания: 1. Крупным шрифтом выделены имена, соответствующие двум подразделениям (тире) рода бес-сары. 2. Подчернуты имена, соответствующие названиям мелких родовых подразделений (конце) рода бес-сары.

сложилась поговорка: «айтеке — шеруши, анна — куйиннынг бабасы Ток, Токтынг аржагы жок», т. е. «предок айтеке — шеруши, анна и куйинов — Ток, а у Тока нет предков».¹

При перечислении родов этой группы и до настоящего времени, подобно тому как это мы видим в приведенной поговорке, айтеке всегда связывается с шеруши, а анна — с куйын. Эта группа четырех родов, называемая танке, является, вероятно, одной из наиболее давних в составе племени ктай. Характерно, что излагаемые в легенде о ее происхождении события связываются с именами известных по источникам XVI в.

¹ Полевые записи №№ 3 20 и 1, 1945

ногайских мурз — Оруса и Ормамбета. Первое письменное упоминание о каракалпаках «тенге-хтаях» встречается в хивинских хрониках при описании похода Мухаммед-Рахим-хана Хивинского на Жаны-Дарью для завоевания каракалпаков в 1809—1810 гг.¹

Там же встречаем впервые названия рода бес-сары: «глава беш сарыг хытайцев Хасан бий...» и т. д.²

Легенда о происхождении рода бес-сары, как и о происхождении группы танке, говорит об иноплеменности предков этого рода и о тяготении их к восточной части Средней Азии и даже к Китаю.

Предком бес-сары называют тоже Орус-бия. У него было пять сыновей, все рыжие (белокурые) — сары. Эти мальчики остались сиротами. Их воспитал и вскормил один каракалпакский аул: день они ели в одной семье, день — в другой, поочередно. Когда каракалпаки переселились к Улу-Тау, два брата из числа бес-сары ушли в Китай, два — в Фергану и Коканд, а пятый остался в горах Улу-Тау и стал родоначальником рода бес-сары.

Далее наш информатор изложил генеалогию бес-сары, в которой находят место все крупные и мелкие подразделения этого рода³ (табл. 8).

Интересно, что в исторической литературе встречаются такие подразделения бес-сары, которые уже неизвестны современному населению, например в «Архиве хивинских ханов XIX века» фигурирует название «бешсары-чана», а в статистических материалах переселенческого управления зафиксирована в Кок-узянской волости группа «биссары-хора».⁴ На это название обратил внимание Магидович, предложив сравнить его с рядом хоринских наслогов в нескольких якутских улусах⁵.

Из других родов ктай надо отметить манжули (манжугули) и кырк.

Род манжули весьма уважаем. Его предком считают легендарного философа-мудреца, жившего среди каракалпаков и казахов, Асана-кайгы. Сыновья потомка Асана-кайгы — Манжи-бия, от имени которого получил название род, — Кара-шейх и Сары-шейх (см. табл. 6) по преданию жили при Тевеккель-хане, который будто бы направил их к каракалпакам в качестве духовных наставников. Оба шейха почитались как святые.⁶

Род кырк считают прикочевавшим из Бухары, присоединившимся к каракалпакам еще во времена ногаев. Существует фантастическая легенда о его происхождении, в которой интересно указание на это передвижение с юга. В Бухаре жила женщина по имени Жупар. Она, будучи осемена благодатью Хазрети Хызра,⁷ рожала 10 раз по одному «мес» (бурдюк из бараньей кожи), в котором заключалось по 10 сыновей. Так она родила 100 сыновей. Когда муж Жупар женился вторично, его вторая жена также стала рожать «мес» с сыновьями, и у нее таким образом за четыре раза

¹ Сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 109.

² Там же.

³ Полевые записи №№ 3 и 1, 1945.

⁴ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX века, стр. 215; Переселенческое управление, «Материалы по обследованию кочевого и оседлого хозяйства и землепользования в Амударьинском отделе...», вып. II, Поаульные таблицы, стр. 110.

⁵ Материалы по районированию Средней Азии, кн. II, Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 2-я, Хорезм. Ташкент, 1926, стр. 111, примечания.

⁶ Полевые записи №№ 3 и 1, 1945.

⁷ Хазрети Хызр — святой Хызр; по представлениям мусульман, один из сорока невидимых святых — покровителей рода человеческого. «...Каждое утро эти невидимые покровители мира молятся на гробе Мухаммеда и расходятся потом по земле, чтоб подавать людям помощь, когда их призывают» (Н. С. Лыкошин. Полжиани в Туркестане. П., 1916, стр. 178, примечания). См. также М. С. Андреев. Чильтаны в среднеазиатских верованиях. Сб. В. В. Бартольду, Ташкент, 1927, стр. 334.

родилось 40 сыновей. Так возникло в Бухаре племя «кырк-жуз» (кырк — сорок; жуз — сто); часть кырк-жоз переселилась затем на север и стала предками рода кырк, вошедшего в состав каракалпакского племени ктай.¹

Многочисленный племенной союз кырк-жоз (свыше 20 000 человек) зафиксирован статистической экспедицией 1924 г. среди узбеков в Бухарском оазисе и в долинах Кафирнигана, Сурхан-Дарьи и Кашка-Дарьи. Магидович считает его остатком какой-то племенной организации, повидимому военного характера, причем напоминает о сообщениях историков Чингис-хана, указывающих на получение Джучием в составе наследственного улуса четырех тысяч (сорока сотен) коренных монголов.²

Род аралбай — также пришлый род, поселившийся на Кегейли позже других, всего четыре поколения назад. Переселение его связывается с временем жизни известного знатного каракалпака — Фазыль-бек-бия, упоминавшегося в хивинских хрониках в качестве одного из крупных и отличавшихся своей храбростью военачальников Хивинского хана Рахим-Кулихана (1842—1846).³ По рассказам стариков приход аралбаев на Кегейли вызвал борьбу за землю и воду с другими, жившими здесь уже давно родами — айтеке, шеруши и кайшылы. Борьба прекратилась, когда аралбаи провели из Кегейли свой оросительный канал — Аралбай-жаб, на берегах которого они поселились.⁴ Период деятельности Фазыль-бек-бия — 40-е годы XIX в. — совпадает с рассказами о времени переселения в бассейн Кегейли аралбаев (4 «ата» — около 100 лет). Однако значительное количество представителей этого рода в других местностях Хорезма, в частности на левом берегу Аму-Дарьи, в бывшем Кунградском бекстве, а также частое упоминание аралбаев в документах архива хивинских ханов, ставит под сомнение вопрос о позднем их приходе в Хорезм. Вероятнее, что собранные нами данные относятся к какому-то передвижению рода из другой местности Хивинского ханства.

Не останавливаясь на характеристике более мелких родовых подразделений племени ктай, число и названия которых ясны из прилагаемой таблицы 6, перейдем к описанию тесно связанного территориально и генеалогически с ктайми племенем кыпшак.

П л е м я к ы п ш а к включает в свой состав 14 родов, внутри которых нами учтено в общей сложности 29 родовых подразделений — тире. Роды кыпшаков следующие: 1) канглы; 2) санг-мурын; 3) естек; 4) канжыгалы; 5) шунак; 6) басар; 7) толыс; 8) жабъ (или ябъ); 9) арык; 10) жагалтай; 11) баганалы; 12) майлы-балта; 13) жадик; 14) салтыр. Общая численность племени, по данным 1912 г., около 9200 человек. При численности значительно меньшей, чем у ктаев, расселены были кыпшаки не так компактно: 31.2% каракалпак-ов этого племени жили в Чимбайской волости, 26.6% — в Бешаябской, 14.3% — в Яны-базарской, значительное количество (10—14%) — в Кок-узякской и Нукусской волостях Чимбайского участка Амударьинского отдела. Как и ктай, кыпшаки имели свою общеплеменную тамгу — / (алип) и уран — «Токсаба!». Уран «Токсаба» объясняют обычно как составное слово из «ток» — сытый, полный — и «саба» — бурдюк для изготовления кумыса. При этом считают, что в отличие от «самых старших» каракалпак-ов — ктаев — «самые богатые» — кыпшаки — занимались не овцеводством, а коневодством, и изготовлением в связи с этим кумыса.⁵

¹ Полевая запись № 15, 1945.

² Материалы по районированию Средней Азии, кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 1-я, Бухара, стр. 203.

³ См. извлечения из «Зубдет-ут-таварих», соч. Агехи. Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, Изд. АН СССР, М.—Л., 1938, стр. 497.

⁴ Полевая запись № 4, 1945.

⁵ Полевая запись № 5, 1945.

Эта распространенная трактовка кыпшацкого урана отражена и в «Шежире» Бердаха:

Кыпшак разводил лошадей,
К шестам жеребят привязывал,
Для кумыса бурдюки приготавлиал,
«Токсаба» ураном кыпшаков стал.¹

Такое объяснение является типичным примером «народной этимологии» — позднейшим истолкованием названия, первоначальные источники которого давно забыты. Ниже мы пытаемся дать другую трактовку урана «Токсаба», вытекающую из исторических связей каракалпаков с половцами, в племенном составе которых зафиксировано источниками это имя.

Четырнадцать родов племени кыпшак составляют две группы: а) алтыата (6 отцов) — роды: санг-мурын, естек, канжыгалы, шунак, басар, толыс; б) жети-коше (7 коше) — роды: жабь (ябь), арык, жагалтай, баганалы, майлы-балта, жадик и салтыр.²

Особняком стоит род канглы, который многими исследователями³ до недавнего прошлого рассматривался как самостоятельное племя, имеющее много разветвлений; зафиксированные нами подразделения рода канглы в большинстве соответствуют названиям крупных племен каракалпаков конграт: ашамайлы, ыргаклы, кият, тараклы. Эти факты подтверждают существующую в современной литературе точку зрения, что племена и роды канглы у народов Приаралья представляли собой остатки одноименного родоплеменного союза XII в.

Генеалогия и легенды кыпшаков, собранные нами в 1945 г., дают возможность несколько глубже рассмотреть взаимоотношения между родами этого племени.

Внутри группы жети-коше намечаются несколько родов давнего образования и несколько — вероятно, позднейшего, при этом последние объединены общей генеалогией — происхождением от некоего Толыбая. Старейшими в племени кыпшак считают роды жабь (ябь) и жагалтай. Баимбет Мирзаев 86 лет, из колхоза им. Ахунбабасва, кыпшак рода жагалтай, рассказывал нам, что, по преданию, когда племя кыпшак отделялось от ногаев, первой отделилась группа кара-кыпшак, а из нее в свою очередь выделились жабь кыпшаки, жившие в Кара-Куме (Казахстан). В дальнейшем выделился род арык-кыпшак, а затем — род жагалтай, насчитывающий свыше 11 поколений.⁴

По другому варианту, записанному от информатора Калибека Ушемуратова, самый старший из родов кыпшак — санг-мурын. Так звали каракалпацкого бия, жившего во времена хана ногаев и каракалпаков — Жаныбека⁵ — в Крыму. Бий Санг-мурын будто бы возглавил каракалпаков, когда они ушли от жестокого Жаныбека в Туркмению («в Ашхабад»), а затем — в Туркестан.⁶ Таким образом, в обеих группах племени кыпшак наиболее старые роды возводятся преданиями ко времени ногаев — концу XIV — XVI вв. — и говорят о политическом объединении с последними под властью общего хана.

Имеется еще одно предание, по которому Санг-мурын со своими четырьмя сыновьями прикочевал в Хорезм из Бухары.

¹ «Шежире» Бердаха. Перевод У. Кожурова, строфа 20.

² Полевая запись № 8, 1945.

³ См. напр. Г и р ш е л ь д и Г а л к и н. Указ. соч., т. II, стр. 71, примечание.

⁴ Полевая запись № 11, 1945.

⁵ О Жаныбек-хане см. стр. 128 и сл.

⁶ Полевая запись № 13, 1945.

Род естек признают близко родственным санг-мурынам; его родоначальник считался младшим братом Санг-мурына, несколько раньше, чем последний, перекочевавшим из бухарских владений в низовья Аму-Дарьи.¹

Приемным сыном и воспитанником Санг-мурына, согласно генеалогиям кыпшаков, был Толыбай, общий предок родов майлы-балта, жадик и салтыр. По одной версии, Толыбай приехал из Коканда, где остались его

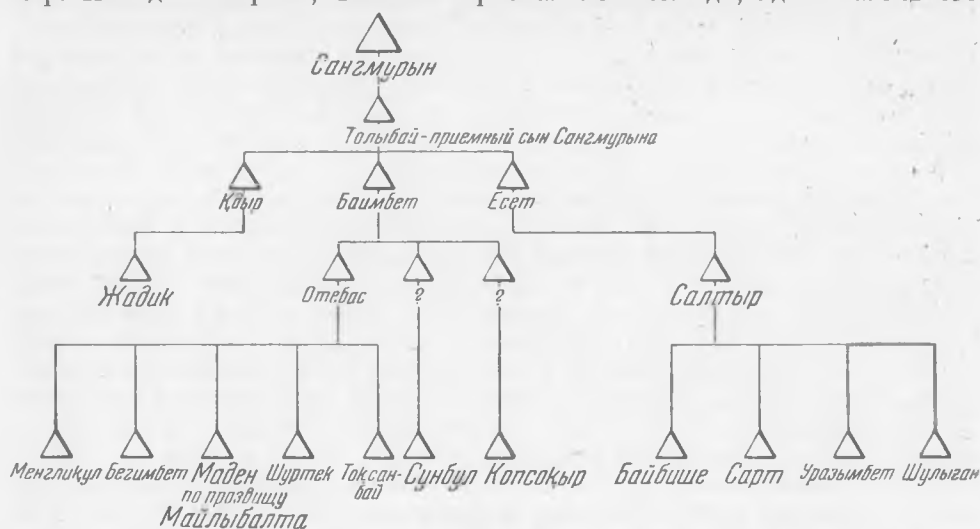

ТАБЛИЦА 9

Генеалогия родов майлы-балта, салтыр и жадик племени кыпшаков
Сообщил Бердымурат Бегимбетов, 75 лет. Колхоз им. Куйбышева Чимбайского района К.-К. АССР

(Полевой записи Первого этнографического отряда за 1945 г. № 14).

Примечание: Крупным шрифтом выделены имена, соответствующие названиям родов и родовых подразделений племени кыпшаков

родители, а воспитывался Санг-мурыном в Хорезме;² по другой — он родился во время перекочевки каракалпаков, ушедших от ногаев «к Ашхабаду».³ После смерти Санг-мурына он стал бием кыпшаков. У Толыбая было три сына, один из них — Баимбет — имел прозвище «Майлы-балта», что означает «жирный топор»; говорят, он был мясником, с чем и связано это прозвище. Жадик и Салтыр, родоначальники соответствующих родов, являлись, согласно генеалогии, детьми двух других сыновей Толыбая — Кдыра и Есета (табл. 9). Один из информаторов нам сообщил, что у рода салтыр есть, кроме общеплеменного урана, свой уран — «Толбай!», сохранивший имя предка рода.⁴ По свидетельству другого старика, в 5—6 км к востоку от Чимбая есть остатки крепости Толыбай-кала, которая более известна, впрочем, как Ереджеб-кала, по имени Ереджеб-бия, тоже происходящего из кыпшаков и ставшего бием последних после смерти Толыбая.⁵

Род баганалы считается «не чисто-каракалпакским», а происходящим от туркестанских ходжей; представителям этого рода запрещалось вступать в брак с потомками рабов.⁶

¹ Полевая записи № 19, 1948.

² Полевая записи № 14, 1945.

³ Полевая записи № 13, 1945.

⁴ Полевая записи № 10, 1945.

⁵ Полевая записи № 13, 1945.

⁶ Полевые записи №№ 12 и 9, 1945.

В составе племени кыштак имеется еще одна родовая группа, представлявшая особую социальную прослойку и, вместе с тем, характеризовавшая этническую смешанность каракалпакских родо-племенных объединений; это — так называемые таза-канглы.

В 1947 г., приехав в колхоз «Сталинабад» Кегейлинского района, мы были удивлены необычным внешним обликом окруживших нашу машину колхозников; большая часть из них не имела ничего общего с антропологическим типом каракалпаков. Как оказалось, 20 хозяйств этого колхоза составляют потомки хивинских пленников, рабов-иранцев. Первый же наш информатор — старый каракалпак из рода канглы (племя кыштак) сообщил: «Кроме нас — каракалпаков канглы, в колхозе есть еще таза-канглы — новые канглы. Это не каракалпаки, а бывшие рабы; таза-канглы — так они называли себя сами... Все они причисляют себя к разным каракалпакским родам: они считают себя принадлежащими к тому роду, к которому относился их бывший владелец. Есть среди них называющие себя аралбай, кенегес и другие. А поскольку в этом ауле больше всего каракалпаков — канглы, они, кроме того, называют себя таза-канглы. С каракалпаками они не смешиваются, женятся друг на друге — даже близкие родственники, лишь бы у новобрачных было отдельное хозяйство, юрта. Живут совсем, как каракалпаки».¹ Вскоре к нам пришел для беседы старик таза-канглы — 69-летний Ходжа-Мурат Сапиев. Он рассказал, что его отца в семилетнем возрасте хивинцы взяли в плен (в 1824 г.) и продали каракалпаку Курбан-ниязу жуз-басы (сотнику) из племени кенегес. Выросший среди кенегесов, раб-иранец стал считаться кенегесом, как и его сын, Ходжа-Мурат, наш информатор. Отец Ходжи-Мурата обрабатывал земли Курбан-нияза. Когда пришли русские и освободили всех рабов,² ему, как и многим другим, дали участок земли, и он остался здесь жить, женившись на бывшей рабыне — также персиянке. В 1890 году отец умер — Ходже-Мурату было тогда 12 лет. Персидского языка он не знает. «Никакой разницы с каракалпаками в языке ни у меня, ни у отца нет и не было, в религии тоже нет разницы. Я помню, что отец молился вместе с каракалпаками, наши муллы были каракалпаки; в обычаях, в быту у нас все, как у каракалпаков».³

В Кегейлинском районе есть еще один колхоз — им. Орджоникидзе, где большую часть населения составляют потомки рабов-иранцев. Там они носят общее название не «таза-канглы», а «бексины», соответствующее названию рода соседних с ними каракалпаков племени ктай.

Наличие бывших рабов — кул — в Хивинском ханстве и Амударьинском отделе фиксировалось всеми исследователями начала XX в.: по Гиршфельду и Галкину, в Хивинском ханстве они составляли 0.6% населения, а в Амударьинском отделе — 0.9%. По данным 1912—1913 гг., в Амударьинском отделе было 206 их хозяйств, сконцентрированных в Шураханском участке, в Сары-бийской и Турткульской волостях.⁴ В тех же местностях, населенных узбеками, на землях, где когда-то были расположены крупные поместья хивинской знати, застает иранцев перепись 1926 г. (756 человек в Кара-Калпакской Автономной области, из них 721 — в Сары-бийской волости, остальные также в Турткульском округе).⁵

¹ Полевая запись № 12, 1947.

² После завоевания Хивинского ханства Россией рабство здесь было отменено и все рабы освобождены.

³ Полевая запись № 14, 1947.

⁴ Выборка из таблиц, опубликованных в вып. II «Материалов» Переселенческого управления.

⁵ Выборка из данных переписи 1926 г. по Кара-Калпакской Автономной области

Таким образом, встреченные нами группы потомков иранцев на левобережье Кегейли, давно живущих среди каракалпаков и ассимилировавшихся с ними по культуре и языку, еще не были отмечены в литературе и статистических переписях. Между тем, исследование их прошлого, их положения в каракалпакском обществе, представляет большой интерес для истории социального строя каракалпаков. Если историки Казахстана указывают на некоторые черты своеобразных пережитков домашнего (патриархального) рабства у казахов, то у каракалпаков, вероятно, эти пережитки были значительно сильнее, свидетельством чего является важный факт — принадлежность рабов к роду их владельцев, т. е. включение их в родовую общину владельца. Исторические источники XVIII в. неоднократно упоминают о русских рабах у каракалпаков, которые, «обасурманысь», «живут своими домами и к возвращению в Россию охоты не имеют», «некоторые уже и поженились на каракалпачках и на калмычках», а некоторые «выслужили от хозяев своих свободу» и т. д.¹ Ниже мы сообщаем, что в 1946 г. среди каракалпакско-конграт Муйнакского района нам встретился род калмак, представляющий собою, по словам жителей, потомков группы пленников-калмыков, оставшихся жить среди обративших их в рабов каракалпаков.

Все эти материалы говорят о том, что следы патриархального рабства у каракалпаков в XIX — начале XX в. заслуживают специального изучения, как одна из многих черт, составлявших у них специфику патриархально-феодалного строя.

Племена кенегес и мангыт. В состав племени кенегес, по нашим данным, входят 8 родов: 1) аранши; 2) ак-тогын; 3) омыр; 4) тараклы; 5) добал; 6) оймаут; 7) домбазак; 8) нокис. Нами учтено 21 подразделение (тире) этих родов. Численность их в 1912—1913 гг. достигала 8601 человека; расселено было племя в двух волостях: Яны-базарской (62.4%) и Кегейлинской (37.6%).

В составе мангыт — 19 родов, разделенных на четыре группы: а) каратай — роды: кара-мангыт, кара-сирак, ак-мангыт, мамыкшы, косар, кылкалы (иногда произносят хылхалы); б) сары-тай — роды: аршан, жанлык, ток-мангыт, арсары, таз-жаллык, шуйит, жаманша, есеби, тамгалы, тонг-мойын, темир-ходжа; в) боз-тай, которая, как говорят, была прежде крупным объединением родов, но сейчас в ней насчитывается лишь несколько хозяйств, принадлежащих к одноименному роду; г) жетим-тай — также оставшиеся лишь в одном колхозе, в составе рода ешбуга. Общая численность племени мангыт выражалась в цифре 11 791 человек, из которых около 70% жили в Кегейлинской волости.

Тамгой у кенегес является X (крест — аша), а у мангыт — f (сабля — клыш). Ураны этих двух племен, как и самые их названия, произносятся всегда вместе: «Шаули-шаухай!». Точного перевода значения общего урана выяснить не удалось, но «шаули» связывается с названием мелкого ястреба-самца; так, по словам одного из стариков, прозвали сына легендарного хорезмского стрелка Арык-мергена.

Кенегес и Мангыт, родоначальники племен, по народным генеалогиям родные братья, сыновья некоего Сары-Мазина, женившегося на фантастическом существе — красавице пери, покинувшей его вскоре после рождения сыновей и возвратившей их отцу в местности «Мангыслау» (Мангышлак?), куда Сары-Мазин приехал за детьми.² Традиции нераздельности

¹ «Красный архив», 1938, № 6, стр. 238, «Указ Казанскому губернатору А. Салтыкову — 1722 г.»; 1939 г. № 1, стр. 189, «Выписка из доклада о принятии в подданство каракалпаков — 1743 г.».

² Полевая запись № 1, 1947.

кенегес — мангытов и общности их исторических судеб отражаются и в «Шежире» Бердаха, который описывает Мангыта и Кене (Кенегеса) как родных братьев, детей легендарного сына Каракалпака — Узбека от его седьмой жены,

Узбек еще жену себе взял,
Число его калымов до семи дошло.
У нсе — трое детей было:
Теке, Кене и еще один — Мангыт.¹

Как уже указывалось выше, кроме общего урана и традиций общего происхождения от одного предка пережитки связи племен кенегес и мангыт как у каракалпаков, так и у узбеков выражаются еще в их чрезвычайно последовательном смежном расселении. Каракалпаки кенегес — Еангыты считают себя родственно близкими (жакын) с узбеками этих племен, живущими в Бухарской области и бассейне Кашка-Дарьи тоже очень компактно и на смежных территориях.

Весьма интересной оказалась группировка родов племени мангыт. Еще в 1928 г. экспедиция Общества по изучению Казахстана² выявила деление многочисленных родов мангыт на три группы («болим» — отделение): ак(белый)-мангыт, кара (черный)-мангыт и тай (жеребенок)-мангыт. Интересно, что бухарские узбеки — мангыт делились также на три группы: ак-мангыт, кара-мангыт и ток-мангыт.³ Повидимому, у этих двух одноименных племенных объединений каракалпаков и узбеков, подобно некоторым другим, например, конграт, намечаются в прошлом значительные исторические и этнические связи.

Нам, однако, удалось выявить более архаическое деление мангытов, связанное, как мы думаем, с реликтами тотемических представлений: кара-тай, сары-тай, боз-тай (черный, рыжий и серый жеребенок). В двух разных колхозах сообщили нам легенду о том, как три брата ехали на черном, белом и сером жеребятах и встретили святого Кыдыр-ата, представившегося бессильным стариком и просившего юношей подвезти его. Ехавшие на черном и рыжем жеребенке согласились, за что получили благословение, и потомство их было многочисленно и знатно. Третий же, на сером жеребенке, ответил отказом, и в наказание род его пресекся — сейчас мангытов боз-тай всего несколько хозяйств.⁴ Интересно, что в соответствии с представлениями патриархального общества уже давно, видимо, древнее тотемическое представление о предке-жеребенке заменилось предком-человеком, ездившим на этом жеребенке. Аналогичная трансформация легендарного предка наблюдается в народной этимологии этнонима конграт, объясняемого как конгыр-ат (буквально «гнедая лошадь»): предком каракалпаков (и узбеков) конграт легендарные генеалогии называют не самую лошадь, а Майкы-бия, ездившего на гнедой лошади.

Ассоциации древних тотемических представлений отражаются и в других названиях родов и родовых подразделений каракалпакской родоплеменной структуры. Один из стариков, подтвердив легенду о происхождении кенегес — мангытов (от Сары-Мазина и пери) добавил: «А еще я слышал от стариков, что предком кенегесов был Ак-буталы Ходжи-бий (т. е. Ходжи-бий, имеющий белого верблюжонка).⁵ Среди других каракал-

¹ «Шежире» Бердаха, перевод У. Кожурова, строфа 25 и 26. Теке, брат Кенегеса и Мангыта, по «Шежире», был родоначальником туркмен-текинцев.

² Этнографическая экспедиция Общества по изучению Казахстана основное внимание уделяла исследованию материальной культуры каракалпаков. По родовому составу каракалпаков имеется только одна черновая запись.

³ Н. Х а н ы к о в. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843, стр. 58.

⁴ Полевая запись № 16, 1947.

⁵ Полевая запись № 3, 1947.

пакских родовых подразделений мы встречаем названия: жел — ветер, куйын — смерч, карга — ворона, карлы-марал — снежный марал и т. д.¹

Характеризуя родовой состав кенегес — мангытов, необходимо в заключение остановиться на роде нокис.

Нукус, или нокис, — несомненно узбекский род, включенный совсем недавно — в конце XIX в. — в структуру каракалпакского племени кенегес. Живущие сейчас в колхозах им. Андреева и им. Жданова нокисы считают себя частью той большой группы узбеков данного рода, которая находится в окрестностях г. Нукуса. По рассказам стариков, раньше обе эти группы жили вместе возле Карабайлы, а после затопления этой местности выселились оттуда: часть к Ерназар-аталыкку, т. е. к кенегесам нынешнего Кегейлинского района, которыми управлял Ерназар во второй половине XIX в., а часть — к современному Нукусу; «Те нокисы, которые в Кегейлинском районе, — наши родственники, узбеки», — так рассказывал нашему информатору узбек рода нокис, живший в 1937 г. близ г. Нукуса.

Поселившись среди кенегесов и подчиняясь возглавлявшему их аталыкку, нокисы были включены в родо-племенную структуру этого племени, и теперь часть живущих в соседстве с ними каракалпаков уже забыла об их узбекском происхождении. Другие же указывали нам: «Нокис в состав кенегесов не входят; они были присоединены к нам, но если будете писать историю каракалпаков — к кенегесам их не причисляйте, это — узбеки».² Колхозники колхоза им. Андреева сами также уверяли нас, что они узбеки. К сожалению, нам не удалось поработать среди этой интересной группы населения для выявления особенностей ее быта и культуры и выяснения степени ее ассимиляции с окружающим сплошным каракалпакским населением.

2. РОДО-ПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ АРЫСА КОНГРАТ

Выше мы уже упоминали, что основу структуры арыса конграта составляет деление его на две части — шулдук и жаунгыр.

Независимо от этого деления, все племена и роды, объединенные в арыс конграт, имели общий уран — «Жаилган!». Общей тамги у каракалпаков-конгратов нет. Видимо, эта утеря тамги явилась следствием изменения социального содержания: конграт превратился у каракалпаков (как и у узбеков) из племени в объединение племен; у казахов, где конграты сохраняли значение племени, существовала и тамга для них, имеющая форму П и называемая «босага».³

В состав отделения шулдук входят 8 племен:

1) кият; 2) ашамайлы; 3) колдаулы; 4) кос-тамгалы; 5) балгалы; 6) кандеклы; 7) кара-мойын; 8) муйтен.

К и я т состоит из трех родов: 1) ушь-тамгалы; 2) тараклы; 3) балгалы-кият. Нами учтено, кроме того, 14 тире, на которые разделяются роды кият.

В а ш а м а й л ы входят 13 родов: 1) саху (часто произносят саку); 2) кара-ходжа; 3) жаланг-аяк; 4) айыллы; 5) кабасан; 6) туркмен-кара; 7) жапар; 8) сары; 9) абыз; 10) акай; 11) панг-кара; 12) ушь-бас; 13) курама. Тире учтены только у рода кабасан (4) и ушь-бас (1).

В к о л д а у л ы входят 16 родов: 1) бес-кемпир; 2) майшы-шалы; 3) кал-каман; 4) гайып-караган; 5) сары-тон; 6) кулки-кожак; 7) жаримбет;

¹ Ср. с названиями туркменских родов. См. С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистического общества», 1935, № 9—10.

² Полевая запись № 5, 1947.

³ О тамге казахов-конграт см. Н. И. Гродеков. Киргизы и кара-киргизы Сырдарьинской области, т. I. Ташкент, 1889, приложение № 2, «Список тамг», стр. 6.

8) жаман-конграт; 9) жука; 10) кзыл-аяк; 11) кара-сирак; 12) жел-караган; 13) улкен-борик; 14) шулжуит; 15) калмак; 16) жаман-аул. Тире зафиксированы только у калмак (2).

В племени кос-тамгалы — 7 родов: 1) жанкельди; 2) шир-жеген; 3) ага-бегли; 4) карын-жуан; 5) кара-курса; 6) казаки; 7) кос-тамгалы.

В племени балгалы — 11 родов: 1) ак-балгалы; 2) нур-балгалы; 3) туркмен; 4) жаман-аул; 5) шомышли; 6) токумбет; 7) таз-балгалы; 8) кос-тамгалы; 9) кара-талшы; 10) асан; 11) арзыкул.

В племени кандекли — 4 рода: 1) курама; 2) киикши; 3) ток-полат; 4) кырк-садак.

В племени кара-мойын — 6 родов: 1) анна-ходжа; 2) сабалак; 3) котелек; 4) кареке; 5) карлы-марал; 6) булкилдек.

В племени муйтен — 4 рода: 1) самат; 2) тели; 3) абыз; 4) кенг-танау (вариант кентенау). Три тире кентенау (барын, итак, жекен-сал) некоторые информаторы тоже называют родами.

Отделение жаунгыр составляют семь родов (не племен): 1) терис-тамгалы, 2) баканлы (объединяемый обычно с шеужейли); 3) тиекли, 4) ыргаклы; 5) баймаклы; 6) каз-аяклы; 7) уйгыр. Число тире, учтенных нами у родов жаунгыр — 13.

О численности и расселении родов и племен арыса конграт в XIX — начале XX в. точных данных у нас не имеется, так как значительная часть их располагалась на левом берегу Аму-Дарьи, в пределах Хивинского ханства, где не проводилось ни переписей, ни статистических обследований. Исключение составляет племя муйтен, полностью (3056 человек) входившее в состав населения Ишимской волости Чимбайского участка Амударьинского отдела; повидимому, полностью или почти полностью концентрировалось в русских владениях также многочисленное (8095 хозяйств) племя колдаулы, жившее в Наупырской и Талдыкской, а частью по соседству с муйтенами, в Ишимской волостях. В тех же волостях жили в значительном количестве (от 1.5 до 3 тыс. человек) конгратские племена кандекли, кос-тамгалы, балгалы, кара-мойын (табл. 2), а также часть ашамайлы, основная масса которых вместе с киятами обитала в Хивинских владениях — в северо-западных районах дельты Аму-Дарьи. Роды жаунгыр располагались южнее г. Кунграда, в Чумикеевском бекстве Хивинского ханства.

Соответственно с числом составных частей, шулдук обычно называют: «сегиз тамгалы шулдук», т. е. «8-тамговый шулдук», а жаунгыр — «жети тамгалы жаунгыр» — «7-тамговый жаунгыр». Действительно, если сейчас часть тамг забыта — старики уже не могут их изобразить, — то даже самые названия большинства племен конграт, происходящие от тамг, указывают на наличие их в недавнем прошлом у каждого из этих родоплеменных объединений: например, название ушь-тамгалы означает — с тройной тамгой, кос-тамгалы — с двойной (парной) тамгой; балгалы — с тамгой в виде молота (балга); терис-тамгалы — с обратной тамгой — перевернутой; баканлы — с тамгой в виде бакана — шеста для открывания и закрывания войлоком верхнего отверстия юрты; ыргаклы — с тамгой в виде крючка (ыргак), тараклы — с тамгой в виде гребня (тарак) и т. д.

Перейдем к описанию родо-племенного состава каждого из отделений арыса конграт:

Отделение шулдук представляет собой весьма сложную систему, требующую тщательного изучения. В 1946 г. нами был собран ориентировочный материал по народным традициям, касающийся главным образом четырех племен: муйтен, кият, ашамайлы, колдаулы. Первые два, по всей вероятности, лишь недавно стали считаться входящими в шулдук. Каждое из них еще имеет собственный уран: кияты — «Арухан!»

а муйтены — «Ак-шолпан!». В качестве самостоятельных племен, существующих вне этого отделения, муйтен и кият довольно часто фигурируют у исследователей. Так, А. С. Морозова еще в 1945 г., на основании опроса муйтенов в Тахта-Купырском районе, выделила эти два племени из шулдук и считала самостоятельными, непосредственно входящими в конграт.

В «Шежире» также есть указания именно на такой характер связи их с остальными конгратами:

Уран муйтенов «Ак-шолпан»,
Уран киятов «Арухан»,
От Майкы пошли конграты,
Они соединились

и далее:

«Нагадай-би ага (старший) журта
Всех конгратов предок.
Он отец тридцати сыновей...
С ураном жайылган все конграты—
Потомки этих тридцати сыновей...
Отличный (иной) от жайылгана уран имеющими
Муйтен и кият были...»¹

Тем не менее, наши материалы, собиравшиеся в разных районах и среди разных племен конграт, свидетельствуют упорно о включении в начале XX в. киятов и муйтенов в систему шулдук.² Это явление, вероятно, такого же позднего порядка, как и включение кантлы в систему племени кыпшак. Некогда многочисленное, политически сильное племя, ослабев и уменьшившись, теряет свою самостоятельность и соответственно меняет место в подвижной и неустойчивой родо-племенной структуре.

П л е м я м у й т е н, стоящее, как видим, несколько особняком в системе объединения шулдук, представляет собой большой интерес для этнографии каракалпаков. Местное население считает его, вследствие географической изолированности от южных, тесно связанных с Хорезмским оазисом районов дельты, посетителем наиболее стойко сохранившихся национальных каракалпакских обычаев, эпоса, старинных форм материальной культуры и предметов искусства (ковровых изделий, вышивки).

Это племя издавна жило у берегов Аральского моря и на его островах, сочетая земледелие с рыболовством. Тамгой муйтенов является «шавышкы» — У — острога, орудие рыболовства у каракалпаков. Уран этого племени, как уже упоминалось, «Ак-шолпан» (Белая Венера). Записанные нами предания, как и «Шежире» Бердаха, связывают происхождение этого урана с женщиной по имени Ак-шолпан.

Весьма любопытным с точки зрения наличия пережитков матриархата в родо-племенной структуре каракалпаков являются женские ураны конгратских племен муйтен и кият, поскольку уран этих последних — «Арухан» (или «Аружан») также представляет собой, по легенде, имя женщины-родоначальницы — матери Кията. В «Шежире» Бердаха имеется следующая строфа:

Уран киятов «Аружан...» (в др. месте — Арухан)
Уран муйтенов «Ак-шолпан».
Женщины уранами
были, оказывается...
Говорят, что они благородного происхождения;
Я видел об этом указания в Шежире.
Хотя они женщинами были —
Умом они даже превосходили мужчин...³

¹ «Шежире» Бердаха. Подстрочный перевод У. Кожурова, строфы 79, 108—110.

² Полевая запись № 27, 1946 и другие.

³ «Шежире» Бердаха. Подстрочный перевод У. Кожурова, строфа 111.

Эти строфы народного поэта, женатого на муйтенке и весьма близко знакомого в связи с этим с историческими традициями своих «куда» (свои-ственников), невольно напоминают образ Гулаим — мудрой и храброй военачальницы 40 амазонок, героини древнего эпоса «Кырк-кыз», записанного среди каракалпаков-муйтенов.

По первому варианту легенд, Ак-шолпан была царевна, по другому — рабыня, приютившая и воспитавшая двух мальчиков муйтенов, оставшихся случайно живыми после разгрома и всеобщего уничтожения этого племени каким-то жестоким ханом. Воспитанники Ак-шолпан — муйтены Барша и Байлар — имели: первый — трех сыновей (Самат, Кенг-танау и Абыз), а второй — одного (Тели). От них произошли названия четырех основных родов муйтенов (табл. 10). Разросшиеся многочислен-ные подразделения кенг-танау — барын, итак и жекен-сал в настоящее время, как уже указывалось, часто тоже считают самостоятельными родами, насчитывая таким образом 7 муйтенских родов.¹

Весьма своеобразен открытый нами факт существования у муйтенов до недавнего времени (до русского завоевания) деления, помимо родов, на токсаны (токсан — 90). Муйтенов было «бес токсан», т. е. «5 токсанов», которые включали: 1) большой, многочисленный род самат, кроме подразделения байбише; 2) подразделение рода самат — байбише и род абыз; 3) род тели (кроме его подразделений тлеуберди и аллаберды); 4) род кенг-танау; 5) подразделения тели — тлеуберди и аллаберды.

В настоящее время сложилось мнение среди населения, что это было административное разделение муйтенов хивинским правительством для удобства взимания налогов; действительно, оказывается, что по токсанам взимался с муйтенов в ханские времена саллыг (салгыт, узб. салгут), по токсанам же распределялась земля и от токсана выделялись нукеры. Изучая в 1949 г. архив Ал. Куна, исследовавшего население Хорезмского оазиса в 1873 г., Б. В. Андрианов обнаружил материал, свидетельствующий, что деление на токсаны было и у узбеков северного Хорезма, в частности у племен уйгур, найман, джелаир и нукус.

Некоторые старики утверждают, что каракалпаки-муйтены уже пришли в Хорезм 5-ю токсанами.² Слово «токсан» можно расшифровать двояким образом: как число 90 (так его сейчас обычно и понимают), либо как «ток сан» — «полное число», «полный сан».³

Деление на «саны» у каракалпаков упоминается в русских документах XVIII в., связанных с принятием их в подданство России. Так, в письме, которое каракалпакские ханы и бии отправили ко двору русской императрицы в 1742 г., они объявили: «мы нижней каракалпакской народ четыре сана, то-есть сорок тысяч со всею морскою волостию в подданство пришли...»⁴

В другом документе этой же серии, уже упоминавшемся нами списке принявших присягу «нижних» каракалпаков, расшифровывается, что в состав «Морской волости» входили «ябинский» и «кунратский» роды. Вероятно, в последний входили и муйтены, имя которых, как мы видели, значится в перечне родов нижних каракалпаков, составленном Мухаммедом

¹ Полевые записи №№ 1—4, 1946.

² Полевые записи №№ 2 и 3, 1946.

³ Например, в денежной системе Хорезма было принято считать, что 60 тенге = 1 сану. См. полевую запись № 19, 1948. Тенге — хивинская серебряная монета, стоимость которой равнялась русским 20 коп.

⁴ «Красный архив», 1939, № 1, стр. 181.

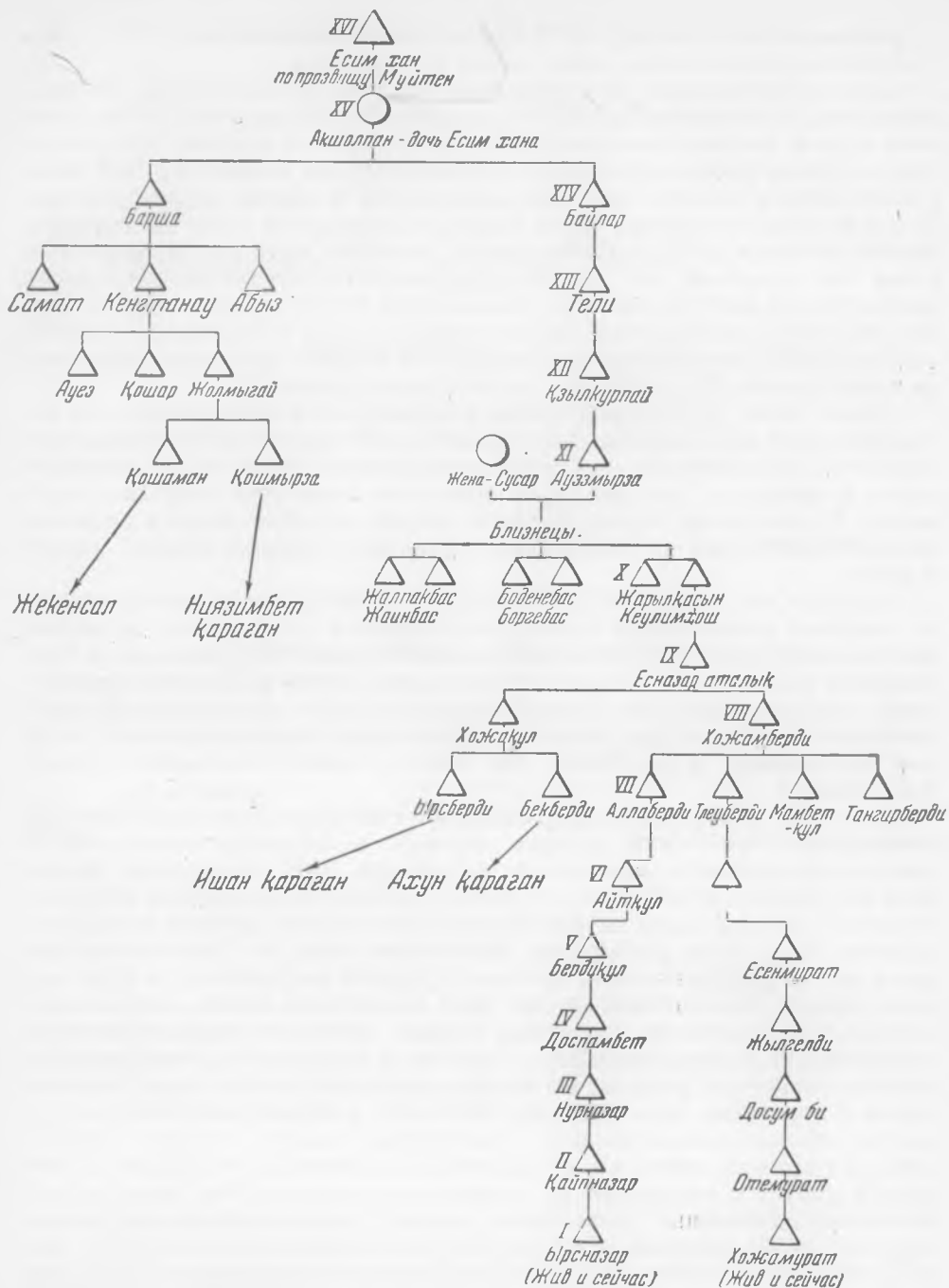

ТАБЛИЦА 10.

Генеалогия родов и родовых подразделений племени муйтен
Сообщил Абдулла-мулла. Колхоз «Кзыл аскер» Муйнакского района К.-К. АССР
(Полевая запись Первого этнографического отряда за 1946 г. № 4)

Примечания: 1. Крупным шрифтом выделены имена, соответствующие названиям родов и родовых подразделений племени муйтен 2. Римские цифры обозначают счет поколений — «ата».

Нурлиным по заданию поручика Гладышева и относящимся к 1740 г. Аналогичное значение слово «сан» имело у ногайцев.¹

Все вышеизложенное дает основание полагать, что деление на токсаны, являющееся специфической чертой, сохранившейся у каракалпакского племени муйтен, не было вызвано произволом хивинских властей, избравших такую систему административного управления этим племенем в XIX веке, а издавна было присуще муйтенам, так же как и другим каракалпакским объединениям, входившим в так называемые «морские волости» сырдарьинской дельты в XVIII в. Слово токсан, очевидно, имело значение не «90», а ток сан — полный сан, являвшийся каким-то подразделением — административным или военным, и равнявшийся 10 000 хозяйств. Для создания «полного» («ток») сана вероятно допускалась передвижка родовых подразделений, составление его, как мы это видим в традициях муйтенов, из частей родов или, наоборот, из нескольких родов.

Однако лишь привлечение новых исторических и этнографических материалов даст возможность сделать какие-либо научно-обоснованные выводы о том, распространялось ли это своеобразное явление на всех каракалпаксов в прошлом, или оно было типичным лишь для указанной группы их. В последнем случае придется искать его объяснения в различии исторических судеб и этнических элементов каракалпакских племен и родов.

П л е м е н а к и я т и а ш а м а й л ы объединяются парной связью; их названия произносятся слитно (подобно «ктай — кыпшак»); до настоящего времени почти во всех местах своего обитания в Муйнакском и Кунградском районах они сохранили традицию жизни на смежных территориях или смешанно — на одной территории. Это совместное обитание отметил еще Каульбарс: описывая расселение каракалпакских родов под заголовком «Род Кият», он пишет: «стоят смешанно с родом Ашамайлы».²

Население объясняет связь этих племен отнюдь не родством их (подчеркивают, что «это — дети разных отцов»), а большей частью — исторически сложившейся смежностью территорий. Так, Назметулла из колхоза им. Калинина Муйнакского района (бывший до революции аталыком у киятов) сообщил нам: «кияты обычно упоминаются вместе с ашамайлы; причина этого — их совместное переселение сюда из Туркестана, они жили всегда вместе — очень дружно».³ Другой информатор, в Кунградском районе, также объяснял этот факт «соседством земель ашамайлы — киятов».⁴ Исторические предания, однако, отрицают одновременность переселения в Хорезм ашамайлы — киятов и говорят о том, что ашамайлы пришли несколько раньше, но кияты поселились после своего прихода рядом с ашамайлы, провели арык Кият-жаб, которым пользовались совместно: землями правого берега — ашамайлы, а левого — кияты. В первое время по приходе кияты имели общего бия с ашамайлы.⁵ Возможно, этот приход киятов к ашамайлы, их совместное поселение были лишь восстановлением социальных связей этих племен, установившихся еще ранее, в других местах обитания. Ниже, при историческом обзоре некоторых тюрко-монгольских племен мы увидим, что в монгольскую эпоху связи племен кият и киреев (в состав которых, очевидно, входил род ашамайлы) были вполне реальны.

¹ См. напр., у Н. А. Баскакова — «Ногайский язык и его диалекты», М. — Л. 1940, стр. 137. «Джетисан — семь по 10 000 — семь десятков тысяч».

² Каульбарс. Указ. соч., стр. 512.

³ Полевая запись № 19, 1946.

⁴ Полевая запись № 27, 1946.

⁵ Полевая запись № 24, 1946.

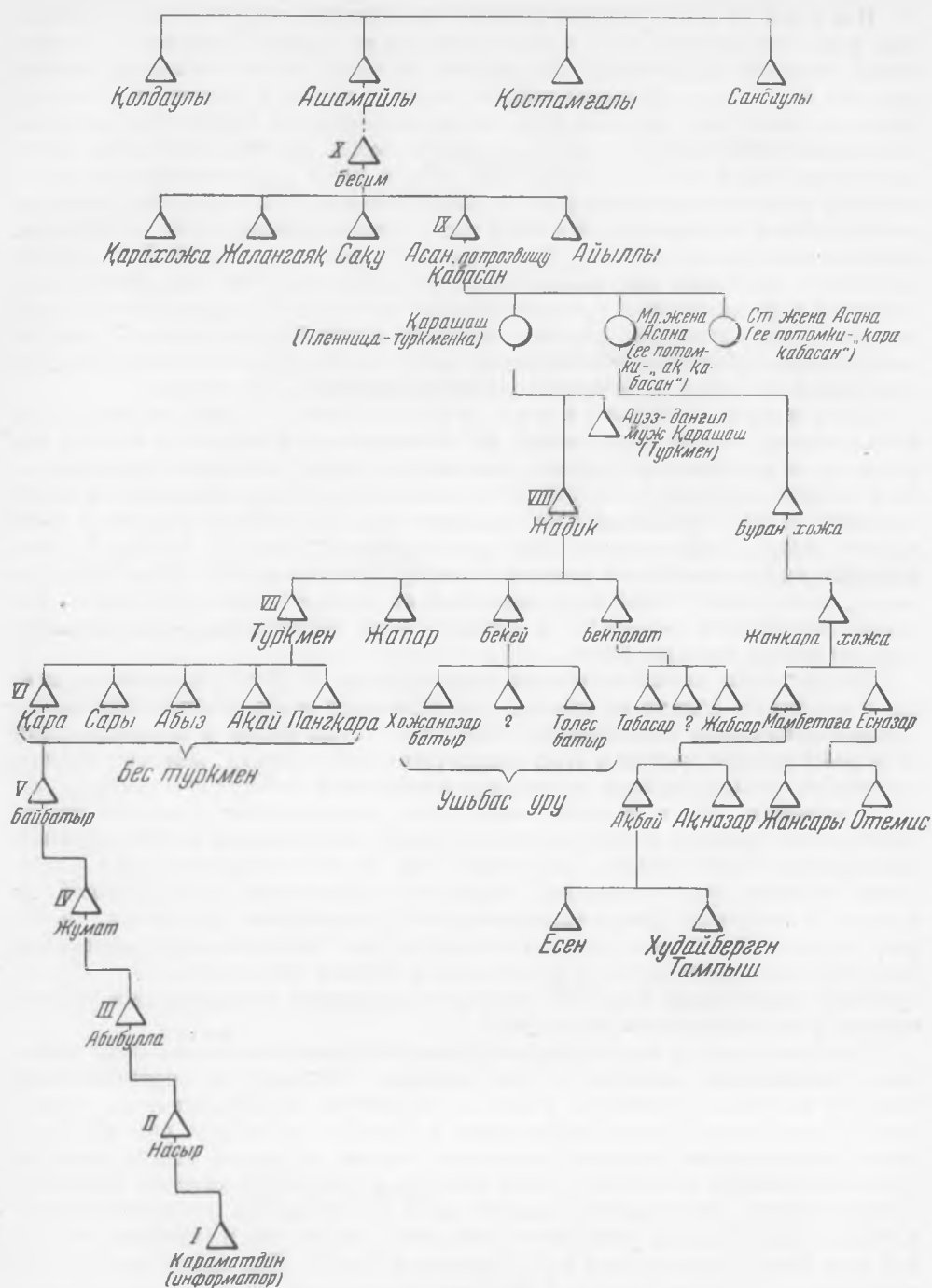

ТАБЛИЦА 11.

Генеалогия родов и родовых подразделений племени ашамайлы
Сообщили: Бабажан Жусупов, колхоз им. Ворошилова, Муйнакский район, Утеген
Матканов и Караматдин Насыров, колхоз им. Казилина, Муйнакский район
(Полевые записи Первого этнографического отряда за 1946 г., №№ 7, 21 23, 24).

Примечания: 1. Крупным шрифтом выделены имена, соответствующие названиям родов и родовых подразделений племени ашамайлы 2. Римские цифры обозначают счет поколений — «ата».

П л е м я к и я т весьма сложно по составу; внутри него мы видим три рода под названиями, соответствующими тамгам каждого: ушь-тамгалы, тараклы и балгалы. Основными из этих родов считаются первые два; что же касается балгалы-киятов, то их не всегда и включают в систему племени кият; как сообщил нам старик информатор Разбек (из балгалы, подразделение токимбет), это — часть племени конграт—балгалы, поселившаяся среди киятов, связавшая себя с ними родственными узами и поэтому часто считающаяся уже составной частью этого племени, несмотря на отсутствие подлинного родства с ним.¹ Подразделения кият — балгалы, однако, совершенно не совпадают, как это видно из таблицы 6, с родами конграт — балгалы. Мы видим среди их подразделений, например, кыпшакский род сангмурын; среди кыпшаков же (канглы) существуют подразделения кият, тараклы; видимо, какие-то исторические причины, еще не выясненные, обусловили сближение этих групп каракалпакских родов, повлекшее за собой отмеченную нами смешанность их состава.

П л е м е н а ш а м а й л ы, к о л д а у л ы и к о с т а м г а л ы связываются общей генеалогией, их возникновение относят к одному периоду и даже событию—разделу имущества между четырьмя братьями,—их родоначальниками, с сопутствовавшим этому разделу клеймением скота каждого из них определенными тамгами: первый клеймил тамгой в виде креста «аша» (перекрестия или разветвления), второй — тамгой, ставящейся на передней ноге животного (кол); третий—двойной тамгой (кос—пара); четвертый — тамгой, ставящейся на задней ляжке животного; это племя называлось сандаулы и когда-то тоже существовало у каракалпак-ков, но теперь его уже нет.²

Прилагаемые нами генеалогические таблицы № 11 и 12 племен ашамайлы и колдаулы далеко не полны, они отражают лишь взаимозависимость и хронологическое соотношение отдельных групп родов и подразделений и не дают полной картины этих исключительно сложных, многостепенных и, видимо, разнообразных по составу этнических элементов племен.

Разумеется, как и во всех генеалогиях, историческое значение может иметь лишь средняя и нижняя часть схемы, отражающая действительные взаимоотношения родов, верхняя же часть генеалогических схем носит обычно фантастический характер и является вымышленной, а иногда и заведомо фальсифицированной правящими классами, которые пропагандировали соответствующую их политическим интересам историческую концепцию о родственных связях или наоборот — об отсутствии этнической близости между отдельными народностями и племенами в их отдаленном прошлом.³

Сочетание легенд и родословных племени ашамайлы весьма ярко выявляет инородный элемент в его составе. Наряду с перечислением четырех основных (негизги) родов — старинных и, так сказать, коренных — саху, кара-ходжа, жаланг-аяк и асан,— мы видим род айыллы, постороннего происхождения: предание говорит о выходе одной девушки ашамайлы замуж за мужчину рода айыллы в Байсун (Бухарское ханство). Уехав к мужу, она после рождения сына возвратилась к родным вместе с ребенком, собираясь у них лишь погостить, но как раз в это время ее родной аул начал перекочевку из Туркестана в Хорезм. Она присоединилась и оказалась в Хорезме вместе с родственниками; сын же ее, принадлежавший по отцу к айыллы, стал родоначальником одноименного рода в

¹ Полевая запись № 9, 1946.

² Полевая запись № 30, 1946.

³ См. журн. «Сов. этнография» № 2, 1950. Выступления по докладу С. М. Абрамзона на сессии Ин-та этнографии, посвященной истории родового строя.

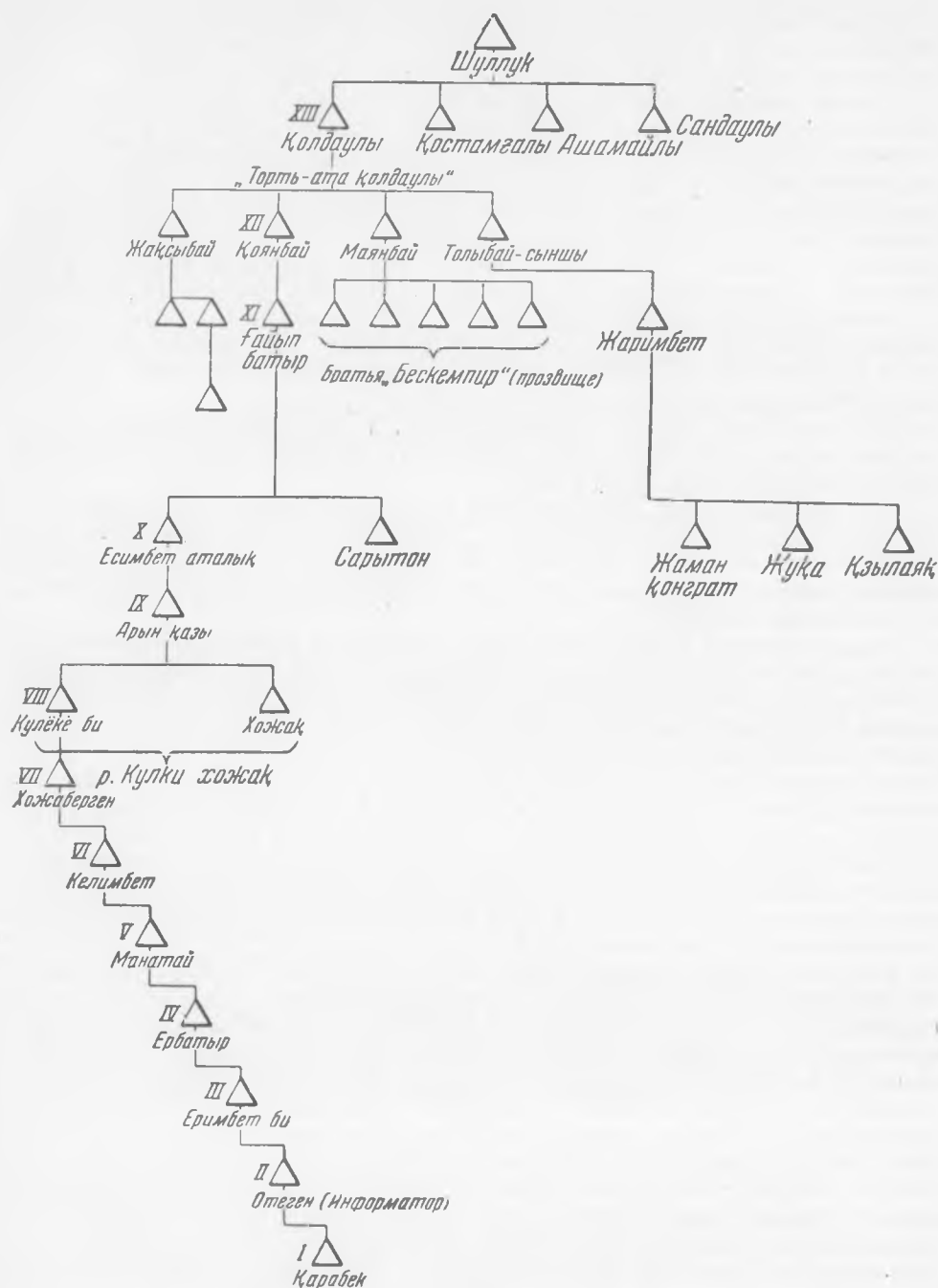

ТАБЛИЦА 12.

Генеалогия родов и родовых подразделений племени колдаулы
Сообщил Отеген Ермбетов 70 лет, колхоз «Кенес» Муйнакского района К.-К. АССР
(Полевая запись Первого этнографического отряда за 1946 г., № 16).

Примечания: 1. Крупным шрифтом выделены имена, соответствующие названиям родов и родовых подразделений племени колдаулы, 2. Римские цифры обозначают счет поколений — «ата».

составе ашамайлы.¹ Как известно, племя айыллы до недавнего времени существовало среди байсунских узбеков — конграт. Видимо, предание говорит именно о вкраплении узбеков — айыллы в состав ашамайлы.

Весьма интересно второе предание, записанное нами среди ашамайлы — о происхождении рода кабасан, многочисленного и разделяющегося на множество крупных и мелких подразделений. Согласно генеалогии, 9 «ата» (назад тому в первой четверти XVIII в.) родоначальник этого рода, носивший имя Асан, после одного из походов в составе войска хивинского хана в Бухару, захватил там в плен красивую молодую женщину по имени «Карашаш» (черноволосая). Она была замужем и беременная. Муж ее происходил из местных туркмен. Асан увез пленницу в Хиву и женился на ней; поколение, происшедшее от ее старшего сына Жадика, туркмена по отцу, составляет основное содержание записанной нами родословной и, видимо, весьма значительную часть всего численного состава ашамайлы.

Старшего сына Жадика звали Туркмен, а пять родов, происходящих от него (кара, сары, абыз, акай, пангкара), объединяются в группу под общим названием «бес (5) туркмен».

Как заключил свое повествование наш информатор — 67-летний Косбаулы из колхоза им. Ворошилова — все роды, происходящие от Жадика, «по крови» не являлись родственными ашамайлы, но «по тамге и урану» они все равно все считались ашамайлы и были совершенно равноправны с остальными родами.²

Род жаланг-аяк («босоногие») также считается происходящим от инородца — бездомного приемыша, воспитанного в одном из аулов ашамайлы и ставшего впоследствии родоначальником. В этой же легенде, записанной нами в Тахта-Каире (на Кият-жабе), весьма характерно проявляется отношение каракалпаков к принятым в род чужеземцам и инородцам; «в то время пришедшего в другой род не попрекали тем, что он безродный, не считали чужим, а то он ушел бы и роду было бы обидно, что от них ушел человек... И потомки его считались уже настоящими ашамайлы».³

В племени колдаулы такой чужеродный элемент, очевидно, менее значителен. Нам удалось его проследить лишь в роде калмак, происходящем, по преданию, от захваченных в плен каракалпаками и постепенно ассимилировавшихся с ними калмыков.⁴

По родословной и легенде, записанным в колхозе «Кенес» (Кара-кала, Муйнакский район) у 70-летнего Утегена Еримбетова из рода колдаулы — кулки-кожак — в основе структуры крупного племени колдаулы снова традиционные четыре брата-родоначальника: Жяхсыбай, Коянбай, Майнбай и Толыбай. Сказание повествует, как возглавленная этими четырьмя баями часть колдаулы покинула свои земли на Жапы-Дарье и поселилась близ берега моря у Ак-Дарьи и Майлы-узяка. Эта часть племени получила известность под названием «торт ата колдаулы» («колдаулы четырех отцов»). Нам удалось записать, как это видно из прилагаемой генеалогической схемы, потомков лишь одного из них — Коянбая; родословная доведена до нашего информатора Утегена и его сына, причем между последним и Коянбаем насчитывается 12 поколений — около 300 лет. Можно думать, что колдаулы «четыре отцов» в данном районе весьма давние обитатели.

¹ Полевая запись № 30, 1946; вариант, также говорящий о чужеродности происхождения айыллы — Полевая запись № 23.

² Полевая запись № 6, 1946; вариант № 7: легенда об Асане и Карашаш и истории переименования Асана в «Кабасана».

³ Полевая запись № 23, 1946.

⁴ Полевые записи №№ 10 и 12, 1946.

В 1948 г. в Кара-узьякском районе нам представилась возможность более детально, чем в 1946 г., ознакомиться с преданиями и родословными потомства Маянбая, от которого считают происходящим род «бес-кемпир» («пять старух»). По легенде, название рода связано с тем, что эти пять сыновей Маянбая были безбородыми и, состарившись, стали похожи на старух.¹ Род бес-кемпир, один из основных и главных в составе колдаулы, выделил из своей среды многих известных в истории каракалпаков выдающихся деятелей, в том числе возглавивших восстания каракалпаков против Хивинского владычества в середине XIX в. — Айдост-бия и Ер-назара; из него же происходил замечательный каракалпакский народный поэт — Бердах-шаир (1827—1900).

Остальные племена объединения шулук — кос-тамгалы, балгалы, кандекли и кара-мойын были нами обследованы очень поверхностно, так как основные территории их обитания не были захвачены маршрутами отряда.

Род балгалы считают прибывшим из Байсуна и родственным узбекам одноименного рода; территории этих двух родов (каракалпакского и узбекского) в Хорезме находились в ханские времена на противоположных берегах Аму-Дарьи, друг против друга. В пределах бывшего Бухарского ханства осталась значительная часть каракалпаков этого рода и существовала еще недавно связь между обеими группами каракалпаков балгалы — хорезмской и бухарской.²

Основные места обитания племен кандекли и кара-мойын расположены на правом берегу Аму-Дарьи; наша разведка 1946 г. встретила лишь небольшое число их в колхозе Кызыл-жар у возвышенности Кубе-тау. Оба эти племена фигурируют в «Шежире» Бердаха, анонимный экземпляр которого, переведенный на русский язык Кожуровым и принадлежавший, видимо, представителю кара-мойынов, представляет собой тщательную сводку всех сведений о них, разбросанных в «Шежире».

Происхождение своего рода кара-мойын («черные шеи») связывают, согласно «Шежире», с периодом правления хивинского инака Аuezа (конец XVIII — начало XIX в.); рассказывается о восстании каракалпаков против Хивы, возглавленном кара-мойынами, которые вступили в битву против хивинцев с боевым кличем «Жаилган»; согласно «Шежире», тамгой кара-мойынов является — Т — «тугыр» (подставка, на которую сажают ловчую птицу и держат во время охоты в руке).³

Отделение жаунгыр в противоположность шулuku, невелико по численности населения и по числу родов и подразделений. Составляющие его семь родов никак не группируются, за исключением двух — баканлы и шеужейли, которых обычно объединяют вместе, как это отмечается не только нашими наблюдениями, но и сведениями Каульбарса.⁴

Общей тамги и урана, отличного от общекумградского у жаунгыра нет; видимо, каждый из родов имел в свое время особую тамгу, память о которой сохранилась в его наименовании.

Основным родом является терис-тамгалы, знать которого играла весьма крупную политическую роль в судьбах каракалпаков во времена ханского владычества. Первый беглер-беги — правитель всех каракалпаков,

¹ Название имеет, возможно, и более глубокие корни и связано с гережитками матриархата.

² Полевая запись № 9, 1946.

³ «Шежире» Бердаха, анонимный (прозаический) вариант. Перевод У. Кожурова; рукопись, стр. 6—8.

⁴ Полевые записи № 35, 37, 1946, а также Каульбарс. Указ. соч., стр. 503, 512.

входящих в состав Хивинского ханства, был назначен из рода терис-тамгалы.¹

С другой стороны, генеалогии приписывают старшинство родам шеужейли и баканлы, родоначальники которых среди других «братьев», родоначальников родов жаунгыр, — считаются старшими, детьми старшей жены — байбише.²

В общем же система семитамгового жаунгыра весьма устойчива, разнотамгалей относительно состава ее родов не встречается, за исключением рода уйгыр, который зачастую вовсе исключается из этой системы и тогда седьмым оказывается шеужейли, в этих случаях занимающий самостоятельное место. Вероятно, неустойчивость рода уйгыр в родо-племенной системе каракалпаков вызвана отличием его этнического происхождения и недостаточно глубокой последующей ассимиляцией с последними. Жаунгыры считают себя ранними обитателями культурных земледельческих районов Хорезма; в отношении племени шулдук они применяли выражение — «балыкши (рыболовы) шулдук», имевшее в их представлении несколько презрительный оттенок.

¹ См. легенду о назначении Кабиль-бия терис-тамгалы на должность беглер-бегн; Полевая запись № 22, 1946 г.

² Полевая запись № 37, 1946.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОДО-ПЛЕМЕННАЯ СИСТЕМА КАРАКАЛПАКОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИХ СОЦИАЛЬНОГО СТРОЯ в XIX — НАЧАЛЕ XX века

1. ВОПРОС О СОЦИАЛЬНОЙ СУЩНОСТИ КАРАКАЛПАКСКОГО «РОДА» в XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Во введении к настоящему очерку мы уже останавливались на вопросе о патриархально-феодальных пережитках в социальном строе у некоторых народов колониальных окраин Российской империи. Преодоление этого тяжелого исторического наследия стало одной из основных задач ленинско-сталинской национальной политики партии и советской власти после Великой Октябрьской социалистической революции. И. В. Сталин, характеризуя в тезисах своего доклада на X съезде РКП(б) уровень общественного развития большинства народностей Туркестана, Кавказа и Поволжья, указывал: «Задача партии по отношению к трудовым массам этих народов... состоит в том, чтобы помочь им ликвидировать пережитки патриархально-феодальных отношений и приобщиться к строительству советского хозяйства...» Вместе с тем, товарищ Сталин указывал, что для успешного выполнения этой задачи коммунистическим организациям необходимо уметь учитывать в своей работе среди таких народов «все особенности конкретной экономической обстановки, классового строения, культуры и быта каждой данной национальности...»¹

До революции вопрос об особенностях классового строения отдельных народов, входивших в состав царской России, был весьма мало изучен.

Правда, этнографическая и историческая литература XIX — начала XX в. широко освещала «патриархально-родовой быт» тюркских народов Средней Азии, но большей частью в трудах дореволюционных авторов пропагандировалась теория всеобъемлющего господства именно патриархально-родовых отношений и не замечалось или затушевывалось классовое содержание так называемых «родовых» социальных институтов у этих народов.

Так, в 1896 г. известный тюрколог Н. А. Аристов писал: «...при патриархально-родовом быте тюрков-кочевников роды и сочетания родов и их частей в родовые и племенные союзы действительно имели преобладающее во всех отношениях значение.

Сильный, многочисленный, дружный род имел большую возможность занимать лучшие пастбища, оказывать своим членам верную и

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 5, стр. 25.

действительную защиту от внешних врагов, доставлять своим родоначальникам прочное политическое влияние в делах племени и государства и обеспечивать большую долю добычи или даней, поступивших в пользу племени или государства».¹ Н. А. Аристов не только архаизировал социальные отношения внутри племен и родов у тюркоязычных народов России в XIX веке, но, кроме того, разделял идеалистические взгляды на развитие государства из семьи, которая превращается в род, род — в племя и племя — в государство.² Как известно, это положение утверждалось народниками, и В. И. Ленин, назвав его «ребяческим вздором», подверг блестящей критике в своей брошюре «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов», вышедшей в 1894 г.³ В свое время взгляды Аристова на значение рода вызвали возражения и среди некоторых буржуазных историков. В частности, В. В. Бартольд в своей рецензии на труд Аристова уже в 1899 г. раскритиковал его взгляды, квалифицируя их как «крупное недоразумение, проходящее через всю историческую часть книги», в которой «г-н Аристов едва ли не все явления истории тюрков выводит из родового быта», и тут же сформулировал свою точку зрения на необходимость искать объяснений описываемых Аристовым событий исторической жизни кочевников «в классовой борьбе, а не в борьбе между отдельными родами и племенами».⁴ Однако лишь в послереволюционный период в трудах советских историков и этнографов был окончательно вскрыт классовый характер социального строя как тюркских племен Средней Азии в XVIII—XIX вв., так и предшествовавших им и вошедших в их состав этнических элементов — средневековых и древних народов и племен, в том числе древних тюрков VI—VIII вв.

Эти историко-этнографические исследования были вызваны вышеуказанными насущными политическими задачами советского и национального строительства в отсталых районах нашей страны, находившихся до революции на положении колоний царской России.

Проведение в жизнь национальной политики партии и советской власти в Средней Азии, политики отстранения всех туземных эксплуататорских элементов от влияния на массы,⁵ столкнулось в лице казахской, киргизской, туркменской, каракалпакской феодально-родовой верхушки с яростным классовым врагом, использовавшим все свое влияние и авторитет среди закабаленных, зависимых от нее бедняков-дедхан для борьбы с советизацией аула. В особенности ярко проявилась эта борьба в период выборов в Советы в 1926 г. Некоторые документы из партийных архивов Казахстана иллюстрируют эти факты.

В докладе Джетысуйского губкома в июле 1926 г. ЦК ВКП(б) сообщает: «Избирательная борьба проявилась в казахском ауле главным образом на почве родовой борьбы — «моему роду быть у власти»; доходило до того, что иногда кончали борьбу по миролюбивому соглашению: «Ваш род в прошлом году правил, в этом году нужно править нашему роду...» В других документах мы читаем: «Все слои казахского населения — батраки, беднота, середняки, байство — проявляют при выборах активность; но это актив-

¹ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, стр. 283.

² См. критический разбор этих взглядов Н. А. Аристова у А. И. Бернштама, — Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII веков, М.—Л. 1946, стр. 25.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 4, стр. 136—137.

⁴ «Записки Восточного отдела Русского археологического общества», т. XI, вып. I—IV, стр. 341—356.

⁵ И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. М., 1936, стр. 208.

ность не классовая, а родовая...»¹ Иными словами, байство всемерно раз-
жигало родовую борьбу, чтобы тем самым затушевать борьбу классовую.

Не менее ожесточенной, чем при выборах в Советы, была враждебная
деятельность эксплуататорской феодально-родовой верхушки аула у наро-
дов Средней Азии в период колхозного строительства. Эта вредительская
деятельность проявилась и на идеологическом фронте. Буржуазные на-
ционалисты алаш-ордынцы выступили с «теорией вранья рода в социа-
лизм», пытались доказать, что родовые отношения сводят на-нет противо-
речия между байством и беднотой, что интересы баев и бедноты совпадают,
что наличие родового уклада делает казахский аул почти коммунисти-
ческим.²

Назрела необходимость разоблачить миф о господстве рода и о «доклас-
совой» идиллии у народов Средней Азии, вскрыть сущность так называе-
мого патриархального рода в условиях XIX—XX вв., сущность сталинского
термина «патриархально-феодальные отношения», указывающего на
наличие пережитков патриархально-родового быта в условиях феодаль-
ных, т. е. классовых, отношений.

Именно в этот период, в 30-х годах наши советские ученые включились
в борьбу с проясками буржуазного национализма, пытавшегося исполь-
зовать в своих политических целях пережитки родовых традиций и со-
здали ценные, насыщенные конкретным историческим, экономическим и
этнографическим материалом труды, в которых вскрывалась подлинная,
классовая сущность так называемых патриархально-родовых отношений
в киргизском, туркменском, казахском аулах.

В основе этих исследований³ лежал известный тезис Энгельса о том, что
в процессе исторического развития, уже в эпоху развивающейся из родового
строя военной демократии «органы родового строя постепенно отрываются
от своих корней в народе, в роде, в фратрии, в племени, а весь родовый
строй превращается в свою противоположность: из организации племён для
свободного регулирования своих собственных дел он превращается в ор-
ганизацию для грабежа и угнетения соседей, а соответственно этому его
органы из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы
господства и угнетения, направленные против собственного народа».⁴

В исторической обстановке XIX — начала XX в. у народов Средней
Азии этот процесс превращения родовых институтов в классовые, начав-
шийся еще в древности и раннем средневековье, достигает максимальной
степени: под оболочкой рода скрываются глубокий классовый антагонизм
и многообразные формы эксплуатации.

* * *

Характеризуя основные черты, отличающие древнюю родовую общину
от территориальной — сельской (земледельческой) общины, К. Маркс
указывал, во-первых, на то, что первобытная община всегда поκειται на

¹ Материалы партархивов ИМЭЛ и Института Истории партии при ЦК КП(б)К.
Цит. по А. Кучкину, Советизация казахского аула (1926—1929 гг.), «Вопросы исто-
рии», 1946, № 10, стр. 8.

² См. об этом ст. С. П. Т о л с т о в а, Генезис феодализма в кочевых скотоводче-
ских обществах.

³ См. выше, обзор литературы и источников (стр. 32), а также работы М. Вят-
кина по истории казахов и обобщающую исследование по данному вопросу статью
Л. П. Потанова — Ранние формы феодальных отношений у кочевников. (Записки
Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории,
вып. 1. Абакан, 1947.)

⁴ Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства.
М., 1947, стр. 185.

кровном родстве своих членов, а сельская — разрывает «эту сильную, но узкую связь» и включает посторонних членов; во-вторых, — в сельской общине появляется элемент частной собственности, в первую очередь на дом и усадьбу; в то же время «хотя пахотная земля остается общинной собственностью, она периодически переделывается между членами земледельческой общины, так что каждый земледелец обрабатывает своими силами назначенные ему поля и присваивает себе лично плоды этой обработки, между тем как в более древних общинах производство ведется сообща и распределяются только продукты».¹

Остановимся прежде всего на вопросе о том, присущ ли был каракалпакской общине отмечаемый К. Марксом «дуализм» — характерный для сельской общины, т. е. сочетание в ней частной собственности с элементом коллективным, общинным. У каракалпаков община была земельно-водной; подобно туркменам, у них очень устойчивое родо-племенное деление сочеталось с оседлостью и земледелием, основанным на искусственном орошении. Как земля, так и каналы считались принадлежащими родам. Материалы предыдущей главы и прилагаемые карты свидетельствуют, что родовые группы действительно сохраняли компактность расселения, единство территории не только до русского завоевания, но в значительной степени и в колониальный период. В Амударьинском отделе, в каракалпакских районах, в начале XX в. основной экономической (и административной) ячейкой являлась «группа хозяйств, связанных общей системой орошения полей»,² т. е. расположенный по одному арыку или ветви арыка родовой аул (по терминологии Переселенческого управления — «хозяйственный аул»). Следующим, более широким хозяйственным объединением каракалпаков по данным обследования Переселенческого управления, — была «о б щ и н а», представлявшая собой несколько хозяйственных аулов, объединенных пастбищными интересами, т. е. имеющих общие пастбищные угодья; при этом указывалось, что «границы пастбищ были еще давно установлены старыми родовыми традициями и обычно обозначают собою землепользование крупных основных родов».³ По тем же данным, 1912—1913 гг., в Чимбайском районе, почти сплошь каракалпакском по составу населения, около 50% общин совпадали с хозяйственным аулом; в этих случаях, следовательно, родовой аул кроме своего канала и поливных угодий, имел также и обособленное от других родов пастбище. Население такого аула состояло большей частью из одного или нескольких «тире» определенного рода (уру). По отношению к каракалпакам, как и некоторым другим народам Средней Азии, нельзя говорить о полном изживании той «сильной, но узкой» связи кровного родства членов сельской общины, которую К. Маркс, так же как и В. И. Ленин⁴ считают совершенно уже исчезнувшей, например, в русской сельской общине рассматриваемого периода. В исторически сложившемся хозяйственном укладе каракалпаков, в сохранявшей родовую оболочку сельской общине, состоявшей в основном из родственников, имелись еще предпосылки для консервации специфических форм патриархально-феодалных отношений и для пережитков родовой идеологии в общественном и семейном быту, обычаях, мировоззрении.

Однако, даже самый первоначальный, основанный на скудном и мало еще изученном материале анализ социального содержания так называемого «рода» у каракалпаков — выявляет в последнем противоречия, ха-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVII, стр. 680—681.

² Переселенческое управление. Материалы по обследованию..., вып. I, стр. 148.

³ Там же, стр. 149.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 137—138.

ракторные именно для «дуалистического» характера территориальной, земледельческой, классово дифференцированной сельской общины.

При изучении карт старых ирригационных систем, построенных каракалпаками, подобно тому, как это наблюдается и у туркмен, — бросается в глаза отражение в названиях каналов родо-племенной структуры: от магистрального канала или непосредственно из реки отводили каналы, строили плотины и головные сооружения целые роды, а иногда и племена; эти каналы в свою очередь разветвлялись, в соответствии с разделением рода на крупные и мелкие подразделения, каждое из которых коллективно копало канал и отводило воду для орошения своих угодий. Остаток такой системы землепользования, чрезвычайно перациональной с точки зрения планомерного использования водных ресурсов для ирригации и технически несовершенной, отражен на схематической карте бассейна Кегейли, относящейся к 1923 г. (карта 11). Однако обычай общинного пользования водой, также как и землей, в XIX — начале XX в. стал у каракалпаков фикцией; феодально-байская верхушка аульной общины фактически полностью захватила в свои руки распоряжение оросительными каналами. Это положение подтверждается множеством наших полевых записей, касающихся водопользования у каракалпаков как в Хивинском ханстве, так и в Амударьинском отделе. Так, например, в уже упоминавшемся колхозе им. Ахунбабаева (Чимбайский район), нам рассказывали о Шарип-ишане, захватившем до революции право распределения воды канала Аралбай, сооруженного в XIX в. одноименным родом и орошавшего земли всех аулов этого рода. Несмотря на то, что обязанность поочередного распределения воды лежала на выбиравшемся общиной мирабе, без санкции ишана не давали ни капли воды населению, часть которого вынуждена была в связи с этим переселиться в другую местность.¹

Подобный же случай произошел с родом баганалы, угодья которого ныне также вошли в колхоз им. Ахунбабаева. Водой сооруженного коллективно канала Баганалы-джаб стал распоряжаться возглавлявший род бий Срым (ставший затем аталыком). «Когда копали канал — в работах участвовали все, а когда канал был готов — Срым стал пользоваться водой один». Оказавшись без воды, баганалы частью откочевали вверх по течению Аму-Дарьи, к Шаббазу и Турткулю и вернулись на свои земли только после смерти Срыма.²

В связи с развивающейся собственностью на землю и воду все более изживались переделы общинных земель. Из числа обследованных Переселенческим управлением в 1912—1913 гг. в Амударьинском отделе 145 общин — 121 (83,5%) пользовались пашней на основе подворно-наследственного права и лишь в 10 (6,9%) сохранялась общинная форма землепользования. В остальных существовали смешанно обе формы.

Но и в этих 10 общинах земля переделялась не регулярно, а лишь в годы маловодья, когда «у населения выступает на сцену вопрос об «уравнении» и поля переделяются с таким расчетом, чтобы каждому хозяйству достались и хорошо, и плохо орошаемые участки. Наоборот, в годы обильные водой, вопроса о переделе не возникает».³ Изживание общинных порядков сказывалось не только в редкости переделов, но и в распространности случаев продажи земельных участков. Изучавшие этот вопрос статистики Переселенческого управления свидетельствуют, что «в среде населения нет однообразного представления о праве собственности на

¹ См. Т. А. Жданко. Быт каракалпакского колхозного аула, журн. «Сов. этнография», № 2, 1949, стр. 38.

² Полевая записка № 4, 1948 г.

³ Переселенческое управление. Материалы по обследованию..., вып. I, стр. 175—176.

землю»: в части волостей «не только думают, что им можно продавать свои участки, но и осуществляют это право фактически»; в других же — сохраняется еще представление о том, что земля не подлежит продаже.¹ Это не мешало, однако, баям и ростовщикам осуществлять скупку земли под видом возмещения за долги и тому подобными приемами. Факты продажи земельных участков каракалпаками зафиксированы во многих архивных документах колониального периода.

Формы патриархально-феодальной эксплуатации бедняков-сородичей господствующей верхушкой каракалпакской сельской (аульной) общины были сходны с теми, которые существовали у других народов Средней Азии.

Если обратиться к «Архиву хивинских ханов XIX века»,² отражающему социально-экономические отношения в каракалпакском обществе под властью хивинских ханов, первое впечатление, создающееся при рассмотрении земельных документов этого архива, относящихся к каракалпакам, — это сохранение среди последних общинно-родовой формы землевладения, при которой земельные участки являются общественной собственностью рода.

В самом деле, в документе № 130 мы читаем о землях рода аралбай в количестве 1333,5 танапа, канглы в 4900 танапов, об обширном участке (13000 танапов) земель на Кок-узьяке, принадлежащем «совместно 5-ти родам племени ктай — беш-сары, череучи, ана, коюн и кайчили» и т. д.³ Однако при ближайшем рассмотрении, как пишет П. П. Иванов, оказывается, «что власть родо-племенной общины над принадлежащей ей землей (также и пастбищами) была фиктивной и что фактически всеми земельными угодьями распоряжалась феодальная родовая знать», что «большинство культурных земель в дельте Аму-Дарьи составляло фактически частную собственность отдельных лиц, в частности биев, правителей отдельных родовых ячеек». ⁴ Так, свыше 6 тыс. танапов из числа «общинных» земель рода каз-айклы оказываются принадлежащими бию этого рода — Абдулле, причем есть указания на продажу (передачу) им 800 танапов этой земли нескольким лицам отдельными участками. В числе крупных землевладельцев перечисляются и бии рода бес-сары — Жаныбек, рода еки-шейх — Назар и др. Кроме биев, земля концентрировалась в руках у других эксплуататорских групп — служилой военной знати (сотников-юзбаши), духовенства (ишанов, мулл, шейхов) и, наконец, богатых баев. Некоторые баи владели земельными участками от 2 до 3 и выше тысяч танапов (например, Юлли-бай из кыпчаков-ябы имел 3,5 тыс. танапов).

«Данные ханского архива показывают, — писал П. П. Иванов, — что концентрация земельной собственности в руках феодально-родовой и служилой знати достигала среди каракалпаков к началу второй половины XIX в. максимальных размеров, следствием чего являлись крайняя бедность массы крестьянского населения и зависимость его от численно небольшой группы крупных землевладельцев».⁵

Кроме зависимого, закабаленного крестьянства, эксплуатируемая часть каракалпакского общества, как мы уже отмечали выше, характеризовалась в первой половине XIX в. также наличием рабов, захваченных во время военных походов и аламанов казахских, бухарских, а затем

¹ Переселенческое управление. Материалы по обследованию вып. I, стр. 172—173.

² П. П. И в а н о в. Архив хивинских ханов XIX века, стр. 208 и сл.

³ Там же, стр. 216—218. Танап — около 900 кв. саж.

⁴ П. П. И в а н о в. Новые данные о каракалпаках. Сб. «Сов. востоковедение», т. III, М.—Л., 1945, стр. 67.

⁵ П. П. И в а н о в. Новые данные о каракалпаках, стр. 68.

хивинских хапов, в которых принимали участие и их вассалы — каракалпакские знатные бии и батыры со своими отрядами.

Еще большей остроты достигает расслоение родовой общины каракалпачков в колониальный период. Рост внутреннего рынка, проникновение элементов капиталистических отношений усиливает процесс развития частной собственности на землю. Чрезвычайно яркий материал в этом отношении получен нами в результате изучения дореволюционного прошлого аулов Канглы и Аралбай, вошедших в состав нынешнего передового колхоза им. Ахунбабаева (Чимбайский район).¹ Мрачная картина массового безземелья и малоземелья, кабалы и нищеты представляется во всей ее полноте, когда старики-колхозники перечисляют и описывают стоявших во главе каждого родового аула богачей баев, жадных ростовщиков, мулл, ходжей и ишанов, взяточников-аксакалов и указывают, какие земли колхозных угодий принадлежали в прошлом каждому из этих угнетавших их «сородичей».

Путем этнографических изысканий удастся установить существование в недалеком прошлом у среднеазиатских народов архаических обычаев помощи рода своему члену, прикрывающих разные формы феодальной ренты, отработок. Таков саун у казахов и киргиз — отдача богатым баем своего скота на выпас беднякусородичу и, с другой стороны, сдача на выпас малоскотными бедняками своего скота баям, за что бедняк оставался у зимовки обрабатывать байские земли или шел к нему пастухом. У каракалпачков тоже были распространены саун и др. формы эксплуатации пастухов — отработки за право пользования молоком или шерстью скота. Таков ювар у туркмен, наблюдавшийся А. Н. Бернштамом еще в 1930 г.: бай, имевший большие посевы, которые он не мог убрать силами своей семьи, призывал на помощь весь род. «Для этого надо было только устроить лучшее угощение... совершенно ясно, что ювары больше распространены на полях в хозяйствах кулаков, чем у бедных, и тем более у батрака, которому не в чем помогать».² Аналогичен ювару, несомненно, обычай родовой взаимопомощи — комок у каракалпачков. Во время этнографической разведки нам рассказывали, как, используя этот родовой обычай уже в годы советской власти, проникшие в первые годы коллективизации в колхозы бай срывали работы на колхозных полях, созывая дехкан на комок для постройки своих домов в разгар уборочного сезона и организовывая в связи с этим угощения — тои.

Старики, которых мы расспрашивали о старых дореволюционных порядках, нам сообщали, что у крупных баев наряду с издольщиками и батраками работали сородичи комокши. Слепой 67-летний Косбаулы из колхоза им. Ворошилова (Муйнакский район К.-К. АССР) рассказывал о богаче «болысе» (болыс — волостной управитель) Кулене. У него было больше ста таянов земли, кроме того, он пользовался значительной частью общинных земель рода кос-тамгалы. Он имел также около сотни голов рогатого скота, маслобойное производство (майжуаз). На полях Кулена работали крестьяне-издольщики (жарымшылар), батраки-поденщики (кунликшилар) и родственники, обрабатывавшие его посевы на условиях комок (комекшилар).³

¹ См. Т. А. Жданко. Быт каракалпакского колхозного аула, журн. «Сов. этнография», № 2, 1949, стр. 37 и сл.

² А. Бернштам. Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии. «Сов. этнография», № 6, 1934, стр. 112.

³ Полевая запись № 5, 1946. Кулён-болыс, прославившийся своим богатством, скупостью и злостью, описан в стихотворении каракалпакского народного шайра Нурлыбая Ерманова «Девятнадцать». Альманах каракалпакской литературы «Возрожденный народ». Турткуль, 1940, стр. 76.

Во многих байских хозяйствах бедняки работали целыми годами за калынг (калым), т. е. обещание бая женить своего неимущего работника, уплатив за его невесту калым. Разумеется, это также рассматривалось как помощь сородичу.

В разнообразных формах издольщины также имелся типичный для патриархально-феодальных отношений элемент маскировки кабального найма. Такова, например, форма «егиншерик» — термин, намекающий на равноправие обеих сторон, бая и работника, тогда как на деле он обозначал в конкретном записанном нами случае работу дехканина в хозяйстве бая в течение всего сельскохозяйственного сезона за $\frac{1}{10}$ урожая.

«Именно этот факт обложения феодальной ренты в традиционную мистическую оболочку «родовой взаимопомощи» обуславливает крепость и устойчивость родовых пережитков в условиях вполне сложившегося феодального общества. Этим же определяется та роль, которую родовые пережитки играли и продолжают играть в процессе классовой борьбы в кочевом и полукочевом ауле. «Род» и феодализм сосуществуют не отдельно один от другого: они органически слиты в одно целое. «Род» перестал быть родом в собственном смысле, он превратился лишь в форму развитого феодального общества, скрывая внутри себя глубоко развитые антагонистические отношения».¹

У каждого из народов, сохранявших, как и каракалпаки, патриархально-феодальные отношения, эти последние имели, наряду с общими, и своеобразные черты, составляющие специфику общественного строя данного народа в его дореволюционном прошлом. В зависимости от исторических судеб и условий хозяйственно-бытового уклада более устойчивыми оказывались те или иные остатки ранних форм общественного строя, большее или меньшее реальное значение имели они в общественной жизни и домашнем быту народа.

Для истории социального строя каракалпаков, кроме указанных выше, но еще недостаточно изученных с точки зрения их местных особенностей патриархально-феодальных форм эксплуатации (саун, комек, и др.), представляют значительный интерес некоторые явления, связанные с исследуемой нами каракалпакской родо-племенной структурой, в частности такие характерные черты, как сохранение экзогамии, соответствие административной системы управления каракалпаками (в Хивинском ханстве) основным звеньям родо-племенной системы и наличие древних традиций дуальной организации общества в структуре арысов, племен и родов у каракалпаков.

2. ЭКЗОГАМИЯ И ЕЕ СВЯЗЬ С РОДО-ПЛЕМЕННЫМ ДЕЛЕНИЕМ

Экзогамия являлась одним из наиболее устойчивых пережитков общинно-родового строя у каракалпаков Хорезма и местами сохранилась до наших дней. Лица, принадлежащие к одному и тому же роду, не вступали в брак даже в том случае, если они входили в состав различных подразделений этого рода — тире (не говоря уже о копе, члены которого обычно являлись действительными кровными родственниками).

В противоположность другим народам Средней Азии (казахам, киргизам), у которых брачные запреты внутри рода обычно распространялись лишь на определенное число поколений кровных родственников, — у каракалпаков экзогамия была неограниченной и не зависела от числа поколений, отделявших по отцовской линии кровного родства юношу и

¹ С. Н. Толстов. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах. стр. 190.

девушку. Достаточно было им принадлежать к одному и тому же роду, чтобы брак считался безусловно невозможным. В то же время разрешался и даже поощрялся брак между самыми близкими родственниками по материнской линии, например женитьба на всегда принадлежавшей к иному роду, чем юноша, двоюродной сестре — дочери брата матери. Желательными считались также браки между «булё» — детьми родных сестер — разумеется, в том случае, если мужья последних не принадлежали к одному и тому же роду.

Экзогамия не имела локального характера — она распространялась на всех членов рода независимо от местонахождения их аулов. Нарушение закона экзогамии считалось прежде тяжёлым преступлением и позором и влекло за собой не только осуждение виновников общественным мнением, но и суровую кару. Даже при советской власти, в 1928 г. в Чимбайском районе был случай бегства в другой аул (а следовательно, и род) вступивших в брачную связь джигита и девушки из разных подразделений рода майлы-балта (племя кыпшак), брак между членами которых запрещен по обычаю экзогамии. Бегство было вызвано тайным предупреждением о грозившем этой паре наказании за совершенное ими «преступление», якобы опозорившее род. Разумеется, блюстители экзогамии действовали негласно, опасаясь кары советских законов. Впоследствии нарушитель обычая вернулся в родной аул и стал членом организованного там колхоза.

В племени ктай 11 родов (в сельских местностях и до настоящего времени) строго экзогамны. Браки между лицами, входящими в их родовые подразделения, крупные и мелкие, не допускаются.

В роде бессары имеется легенда, относящаяся к запрету брака между лицами, принадлежащими к его двум крупным и, вероятно, давно возникшим разветвлениям — жуңли и койлы; отец предков этих родовых подразделений, Акымбет Апыз, сказал будто бы своим сыновьям — Койлы и Жуңли — что их потомству нельзя вступать между собой в брак и что если они этот запрет нарушат, то заболеют проказой.¹

Исключение составлял род кайшылы, между членами девяти подразделений которого свободно разрешались браки. Однако существуют две легенды, пытающиеся оправдать и объяснить нарушение закона экзогамии в данном случае. Первая (записана в колхозе им. Фрунзе Чимбайского района, у упоминавшегося уже Ерлипесова из рода кайшылы) объясняет это тем, что предок кайшылы — Байбулат стал шейхом в Туркестане, и ему было присвоено право, как и всем шейхам, жениться внутри своего рода.² Второй вариант говорит, что когда Байбулат был шейхом, ему во сне было предсказано, что у него будет девять сыновей, потомству которых разрешается вступать между собой в брак.³

В племени кыпшак экзогамны все роды, кроме канглы; что же касается последних, то, по выражению информаторов, «канглы берут (в жены) канглы». Это исключение из общих правил население объясняет многочисленностью и распыленностью рода; изолированная друг от друга жизнь его групп как бы отчуждает их и оправдывает в глазах приверженцев старых обычаев нарушение экзогамии. Однако, это объяснение сомнительно, так как у канглы разрешаются браки внутри рода даже между жителями одного и того же аула. Мы склонны объяснить это тем, что, как излагалось выше, канглы не столь давно считались еще племенем, а его подразделения — самостоятельными родами или частями родов, не

¹ Полевая запись № 3, 1945.

² Полевая запись № 18, 1945.

³ Полевая запись № 15, 1945.

связанными друг с другом традициями, вытекающими из кровного родства.

Изучение взаимоотношений между родами с точки зрения допустимости браков между ними проливает свет на вопрос о причинах их группирования в отмеченные нами объединения и подтверждает наше предположение об исторических, а не внешних, административно-политических истоках этой группировки. Большая часть родов, входящих в группы внутри ктай или кыпшак, сохранила не только общие генеалогические предания, но и воспоминания о недавней экзогамии, а иногда и остатки экзогамии.

Так, четырем родам группы тапке еще лет 50 назад запрещалось вступать в брак друг с другом. Наш информатор Абдиев, 69 лет, из рода айтеке еще помнит об этом запрете.¹

Подобный же запрет существовал между манжули и боклыктай, предки которых «были родными братьями, сыновьями одного человека».²

Из родов племени кыпшак на памяти наших информаторов экзогамны были роды группы жети-коше: жадик и салтыр, баганалы и жагалтай.³

Старики расходятся в мнениях о возможности или запрете браков между сангмурын и естек. Между родами толыс и басар брак и сейчас запрещается.⁴ Повидимому, эти группы можно рассматривать как распавшиеся родовые объединения.

Сбор сведений об экзогамии и фиксация браков в некоторых обследуемых нами селениях, проводившиеся попутно с изучением родо-племенной системы арыса конграт, помогли нам разобраться в особенностях этой системы. Оказалось, что в отделении шулдук все восемь так называемых «родов» конграт являются, по существу, не родами, а объединениями экзогамных родов, племенами; браки, в которых обе стороны принадлежат к ашамайлы, муйтенам, колдаулы, свободно разрешаются обычаем и даже преобладают, в то время как внутри их подразделений, например в роде кабасан (у ашамайлы) или самат (у муйтенов), — не допускаются. Названия шести племен (кроме муйтен и кият) шуллука, происходящие от тамг, скорее свойственны были бы родам, чем племенам, этнонимы которых большей частью ассоциируются с историческими племенами и народностями. Между тем отсутствие экзогамии и сложный этнический состав наиболее крупных из них (ассимилировавшиеся с каракалпаками туркменские, узбекские группы) заставляют полагать, что это первоначальные роды, разросшиеся, объединившиеся с другими и превратившиеся в племена, которые в свою очередь создали еще более крупное объединение — шулдук. Обратный процесс, вероятно, происходил с племенами кият и муйтен, сейчас весьма малочисленными, потерявшими свою былую самостоятельность и присоединившимися к «восьми-тамговому шулдуку».

Другая картина представляется при рассмотрении с этой точки зрения подразделений жаунгыр: это — объединение не племен, а экзогамных родов; внутри терис-тамгалы, тиекли и других браки запрещены.

Следовательно, оказывается, что в противовес установившемуся в литературе мнению о конграт как о каракалпакском племени,⁵ последний являлся родо-племенным объединением, состоящим из восьми племен шулдук и семи родов жаунгыр.

¹ Полевая запись № 20, 1945.

² Полевая запись № 15, 1945.

³ Полевые записи №№ 10, 11, 12, 14, 1945.

⁴ Там же.

⁵ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 52.

Подытоживая наши наблюдения по пережиткам экзогамии у каракалпаков, следует заключить, что, будучи непосредственно связан с родо-племенным делением, этот архаический обычай был одним из основных факторов, определявших семейно-брачные отношения, и, распространяясь на все слои населения, являлся существенной чертой социально-бытового уклада каракалпаков в дореволюционный период.

С другой стороны, неустойчивость, подвижность родовых объединений, подчиненных обычаю экзогамии, перенесение экзогамии с одних групп на другие на протяжении нескольких десятилетий на памяти стариков-информаторов, — лишний раз подтверждает несоответствие между формой и социальным содержанием каракалпакского рода в XIX — начале XX в.; разумеется, родовое объединение этого периода давно уже не имело ничего общего с древним кровно-родственным экзогамным объединением и сохраняло лишь его традиции, в том числе экзогамию, перенесенную на исторически сложившиеся, связанные между собой экономической и территориальной общностью группы, именуемые «родами» — «уру».

3. СВЯЗЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ С РОДО-ПЛЕМЕННОЙ СТРУКТУРОЙ КАРАКАЛПАКОВ В ХИВИНСКОМ ХАНСТВЕ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

В труде Гиршфельда и Галкина, относящемся к 1901—1902 гг., довольно обстоятельно характеризуется система управления каракалпаками в Хивинском ханстве: как говорят эти авторы, «каждая из народностей ханства имеет свои обычаи и различным образом обложена податями». Управление каждой из этих народностей вверяется также особому лицу. Так, в 1901 г. киргизами (казахами. — *Т. Ж.*) и каракалпаками ведал сановник Юлус Ясаул-баши.

Все каракалпаки Хивинского ханства «принадлежат к двум крупным родам (арысам. — *Т. Ж.*) — Кунград и Уп-дурт-ру (Оп-торт уру. — *Т. Ж.*)». Каждым из них управляет свой беклер-беги; должность беклер-беги не наследственна, это «не представитель рода, а особый ханский чиновник, назначенный для заведывания крупной родовой единицей. Беклер-беги непосредственно подчиняется тому ханскому сановнику, который ведал казахами и каракалпаками».

Кунград «в свою очередь делится на 2 крупных отделения — Джаунгур и Чулдук, во главе которых стоят аталыки, причем в роде Джаунгур, как очень большом, таких аталыков 2». Аталыки подчинены беклер-беги. Аталыки управляют более крупными родовыми отделениями, состоящими из нескольких мелких колен, во главе которых стоят подчиненные аталыкам бии. Должности родовых старшин (биев и аталыков) наследственны, но для занятия сыном должности отца требуется ханское утверждение.

При родовом устройстве населения «эти старшины, как представители родов, имеют громадное влияние на своих сородичей. Этим их влиянием пользуются в Хиве сановники для прекращения разных недоразумений и дел, возникающих между лицами подведомственного им населения и соседними народностями, а иногда и для умиротворения населения, возбужденного несправедливыми действиями хивинских властей, которые в этих случаях стараются разными подарками задобрить родовых старшин и потушить дело, вследствие чего жалобы на своеволие и излишние поборы хивинских властей редко доходят до хана».¹

¹ Г и р ш ф е л ь д и Г а л к и н. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, т. II, Ташкент, 1903, стр. 26—27.

Описанная Гиршфельдом система административных должностей, полностью совпадающих с основными звеньями родо-племенной структуры каракалпаков, при ближайшем рассмотрении, однако, оказывается в значительной своей части искусственно созданной хивинским правительством.

Так, должности возглавляющих племена аталыков, так же как и беглер-бегл, были введены у каракалпаков лишь в XIX в., после подчинения их Хиве. Старики рассказывают: «раньше аталыков не было, самым старшим был бий, а потом уж главная власть перешла у каракалпаков к аталыкам и беглер-бегл».¹

Действительно, в каракалпакском эносе и в исторических преданиях отсутствуют эти термины; в них встречаются в качестве возглавляющих каракалпакские роды и племена в первую очередь б и и — родовая знать, а затем — могущественные богачи б а п и военачальники б а т ы р ы.²

В «Хивинских хрониках», при описании завоеваний каракалпаков хивинским Мухаммед-Рахим-ханом (начало XIX в.), мы также встречаем лишь эти термины. Наконец, в преданиях о переселении в Хорезм отдельных каракалпакских племен и родов, записанных нами в разных районах Кара-Калпакской АССР, также упоминаются лишь указанные термины; так, у балгалы — киятов сохранилось воспоминание об их приходе в Хорезм во главе с Маркаш-батыром и Секер-баем; эль ашамайлы переселился во главе с Маман-бием; одна из групп многочисленных колдаулы возглавлялась четырьмя братьями баями и т. д.

«Каракалпаки в начале XIX в. представляли собою конгломерат отдельных разрозненных племен, во главе с несколькими враждебными друг другу биями», — пишет П. П. Иванов; далее, подчеркивая роль биев в сношениях каракалпаков с хивинским правительством, он продолжает: «...учитывая отдаленность каракалпакских районов и не имея возможности создать здесь собственный административный аппарат, хивинские ханы стремились укрепить свою власть над каракалпаками при помощи каракалпакских же биев и стремились поэтому всячески усилить их власть над народом».

«Каракалпакский бий утверждался в своей должности ханом и являлся деятельным помощником ханского правительства в части собирания налогов, получая за это соответствующие материальные выгоды. Часть биев выдвигалась на службе в хивинских войсках, что также было связано с приобретением власти среди своих соплеменников и получением соответствующих привилегий от центральной власти...».³

В этой консервации Хивинским ханством экономической мощи и политического авторитета биев П. П. Иванов видел одну из основных причин столь длительного сохранения родовых пережитков в общественной жизни каракалпаков.

Однако поддержка могущества биев была вынужденной мерой в политике Хивы, и через всю историю ее владычества над каракалпаками красной линией проходит противоположная тенденция — к централизации власти над этими окраинами и к превращению полунезависимых феодалов-биев, с которыми ханам приходилось постоянно считаться и итти на уступ-

¹ Полевая запись № 21, 1946.

² О социальной организации каракалпаков в период XVIII — начала XIX в. и, в частности, о проблеме наличия у них, кроме биев, своих ханов и султанов см. П. П. И в а н о в. Очерк истории каракалпаков, стр. 52—59.

³ П. П. И в а н о в. Новые данные о каракалпаках, стр. 72—73.

ки, в покорных чиновников, полностью подчиняющихся воле и распоряжениям центрального правительства.¹

Именно этой линией политики хивинских ханов следует объяснить введение ими двух новых звеньев в систему управления каракалпаками — должностей аталыков и беглер-беги, кандидатуры которых и назначение зависели целиком от хана.

Несомненно, эти дополнительные звенья уменьшали влияние родовой знати — биев, а, с другой стороны, назначенные ханами сановники, будучи проводниками их политики, обеспечивали рост власти Хивы над каракалпаками.

У нас собраны весьма интересные повествования об истории введения должностей аталыка у ашамайлы и киятов.

После поселения в местности Сор-Куль (к северу от Кунграда, западная часть современного Муйнакского района) этими племенами управлял один бий из ашамайлы — Ельгельды. После него сменились четыре бия, его преемники (Есенгельды, Мулла-Хораз, Ауэз-бий, Торе-мурат-бий), и только последний из них впервые получил от хивинского хана звание аталыка. Еще до этого события кияты (очевидно, их господствующая верхушка) обратились к хану с просьбой назначить им своего бия, так как ашамайлы их притесняют; так появился первый в Хорезме бий киятов — Йигилик-бий (из ушь-тамгалы). Узнав о назначении аталыка из ашамайлы, кияты возбудили вопрос о том, что и им, для защиты интересов племени, полагается аталык, поскольку по численности их даже больше, чем ашамайлы (последних 900, а киятов — 1000 хозяйств). Показательно, что просить о введении этой должности отправился к хану богач-бай Утепберген-кият, с молодым джигитом Садыком, очевидно своим ставленником. Дальнейшее описание событий ярко обрисовывает классовое лицо аталыков и беспощадный грабеж ими населения, которому был назначен милостью хана новый «законный» эксплуататор:

«Хан утвердил Садыка аталыком. Но он был злой, и народ его не любил. Однажды один из его подчиненных, Йиналы (кият-тогызак) пришел к нему с просьбой разобрать земельный спор. Садык не удовлетворил его иска. Недовольный им Йиналы очень рассердился. Через некоторое время он поехал в Хиву, занял денег, подкупил чиновников, и его назначили аталыком вместо Садыка.

Но новый аталык — Йиналы — оказался еще более жестоким, чем Садык. Он приехал к киятам, собрал всех старшин-киятов и потребовал с них 500 тилля, которые ему нужны были для возвращения долга. Он велел 1000 хозяйств киятов обложить сбором по 0,5 тилля. Это была очень большая сумма, народу нигде было взять такие деньги. Бии и другие начальники стали отговаривать Йиналы, советовали отменить этот побор, тогда народ будет за него молиться, а в противном случае народ озлобится. Но Йиналы заявил, что ему не нужны молитвы, а нужны деньги, которые он истратил на взятки, чтоб снять Садыка и стать аталыком. Так Йиналы возбудил ненависть народа.²

Сопоставление описываемых событий и имен с историческими данными позволяет отнести их к середине XIX в. Имя кията Садыка мы видим в документе № 131 архива хивинских ханов XIX в. среди других представителей каракалпакской знати, управляющих племенами и родами и ответственных за сбор налога.³

¹ Были случаи умерщвления непокорных каракалпакских биев; см. Полевую запись № 37. 1946, об отравлении в ханском дворце Турум-бия.

² Полевые записи №№ 25, 26, 1946.

³ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX века, стр. 220.

Не менее интересны сохранившиеся среди населения воспоминания об учреждении среди каракалпаков должности беглер-беги, впервые введенной для Кабыля из рода терис-тамгалы (конграт, жаунгыр). Кабыль и Ауезберген, по преданию, были сыновьями Есенбай-бия — терис-тамгалы. Впоследствии Ауезберген стал бием; Кабыль же был охотником. Однажды, охотясь в степи на джейранов (диких коз), он встретил всадников — джигитов, оказавшихся воинами хана. Хивинский хан возвращался из одного из своих походов, и на обратном пути, заблудившись, его войско осталось без воды. Джигиты, встреченные Кабылем, были посланы на розыски эля (поселения) и воды. Кабыль пошел с ними к хану и привел его с войском в свой аул, находившийся у Кум-жола (один из спусков с Устюрта в долину Аму-Дарьи). В награду за спасение жизни хана и войска, погибавших от жажды, Кабылю была пожалована высокая должность беглер-беги.

Вариант этой легенды говорит о том, что предварительно хан приблизил Кабыля к себе, сделав его своим хальфе (ловчий, знаток охотничьих птиц), и затем, убедившись в его дарованиях, поставил выше всех ата-лыков и биев, введя для него новую должность.

Затем описывается постройка летнего дворца «шардары» по приказу хана для нового сановника — Кабыля; на эту повинность — падшалык — все каракалпаки Хорезма обязаны были выделить от каждых четырех хозяйств по одному бельдару (рабочему с лопатой). Шардара строилась в местности близ Кум-жола, озера Айбугир и Кызылча-калы. Остатки этого строения сохранились до настоящего времени.¹

Тот факт, что Кабыль беглер-беги из терис-тамгалы был исторической личностью, не вызывает сомнений. Его имя неоднократно встречается в документах архива хивинских ханов XIX в. О том, что его власть распространялась и на конгратов правого берега, свидетельствуют указания Каульбарса: на составленной им карте от низовий Наупыра ответвляется арык Беглер-бек-яб, на берегу которого помещены развалины укрепления «Кабуль беглер-беги»; на странице же 512-й своего труда Каульбарс сообщает, что по обоим берегам этого арыка кочуют каракалпаки терис-тамгалы.

В итоге всего вышеизложенного становится ясным, что описанная Гиршфельдом и Галкиным административная система каракалпаков представляет собой в значительной степени новейшее и навязанное им извне политическое устройство. На более ранних этапах истории подчинения каракалпаков Хивинскому ханству система управления очевидно, была непосредственнее связана с конкретно существовавшими, исторически сложившимися группами родов и племен. Бии не всегда управляли одним родом: иногда они объединяли несколько родов, иногда же, наоборот, управляли частью рода.

Выше нами упоминались свидетельства Каульбарса об объединении в 1873 г. части родов из племени ктай (каз-аяклы, кайпылы бес-сары и бек-сийк) в одну административную группу, возглавленную Бекмамбет-наибом. Эта административная единица упоминается и в документах архива хивинских ханов XIX в.² В той же серии документов встречаются сведения о второй описываемой Каульбарсом административной единице внутри племени ктай, состоящей из четырех родов танке (анна, куйын, айтеке, шеруши) и возглавленной Адыль-аталыком.³ Пережитки объединения

¹ Полевые записи №№ 28, 22, 1946.

² Например, документ № 42, относящийся к 1870 г. — «Курень Бек-Мухаммед-найма».

³ Документ № 208, относящийся к 1871 г. — «Дефтер закята с каракалпаков», стр. 209.

этих четырех родов отражены в наших записях: уже в колониальный период, во время выборов в волостные управители, одного общего волостного должны были избирать жившие на смежных территориях роды аралбай и группа танке. Как рассказывал нам старик из аралбаев, при выборах в связи с этим происходила борьба: «У нас был спор с шеруши — они хотели волостным управителем Давлет-яра, а мы Халиля; победили шеруши. Они из танке, многочисленны: все их родичи за Давлет-яра поднимали руки: апила, куйын, айтеке и шеруши».

В наших полевых записях есть сведения также о том, что при аталыке ктаев было 4 бия, — по числу групп, а не 12, как это можно было бы ожидать, исходя из числа родов этого племени.¹

Весьма ценны с этой точки зрения данные документа № 131 из архива хивинских ханов XIX в., представляющего собой запись сбора налога салгут с каракалпаков. В нем приведены списки всех каракалпакских племен и крупнейших родов, перечислены имена возглавлявших каждый из них аталыков и биев, а также указано число «атлы» для каждого рода. Как известно, «атлы» или «атлык» был низшей податной единицей у каракалпаков Хивинского ханства; в него входило 12 хозяйств, обязанные выставлять по требованию хана одного вооруженного всадника (наукер). Численность рода исчислялась Хивинской администрацией по атлыкам, при этом, если в каком-нибудь роде после деления на атлыки оставалось несколько лишних хозяйств — из таких остатков составлялись соединенные атлыки, называвшиеся «курама» (смешанные).²

В упоминаемом нами документе № 131 число атлыков для каждого рода весьма различно, колеблясь от 25 до 114; при этом, однако, указано совершенно одинаковое число атлыков у родов, входящих в прослеженные нами в данном исследовании группы родов и племен; так, несмотря на известную нам неодинаковую численность родов группы танке, мы видим в документе, что у айтеке, шеруши и куйын исчисляется равное число — по 37 атлыков на каждый род; у каз-аяклы и кайшылы — по 52 атлыка; у ашамайлы и киятов — по 87 атлыков. Это говорит о том, что, видимо, налог начислялся огулом на всю группу и затем распределялся по числу родов поровну.³

Следует полагать, что дальнейшее изучение архива хивинских ханов XIX в., так же как и других среднеазиатских и русских архивных материалов, наряду с накоплением новых этнографических данных, поможет вскрыть конкретные исторические причины существовавшей в прошлом группировки некоторых родов у каракалпаков внутри племени и даст возможность восстановить истоки этой особенности их общественного устройства.

4. ОСНОВНЫЕ ЗВЕНЬЯ РОДО-ПЛЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ КАРАКАЛПАКОВ И ТРАДИЦИИ ДУАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Одной из характерных черт родо-племенной структуры каракалпаков является *неравномерность числа звеньев в ее арысах и отделениях*.

Как это видно из вышеизложенного материала и, в особенности наглядно, из таблицы № 6 — арыс он-торт уру имеет 5 звеньев:

I — арыс, например, — он-торт уру;

II — племя — ктай;

¹ Полевые записи №№ 4, 8, 1945.

² Полевая запись № 7, 1946.

³ П. П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX века, стр. 218—224.

III — род (уру) — бес-сары;

IV — крупное родовое подразделение (тире) — жуңли;

V — мелкое родовое подразделение (коше) — есергеб.¹

Эти пять звеньев, как правило, имеются во всем арысе он-торт уру, и если у нас они зафиксированы более или менее полно только для нескольких родов, то это объясняется не отсутствием более мелких подразделений — коше — у других родов, а лишь тем, что они у нас не записаны, что вызвано было необходимостью на первом этапе нашей работы сконцентрировать внимание на изучении основных, главнейших звеньев структуры и взаимоотношений между ними. К тому же названия мелких коше, как мы уже отмечали выше, приходится собирать в каждом пункте обитания данного рода или его части.

Иная картина представляется при взгляде на схему арыса конграт. Тут бросается в глаза резкое различие построения каждой из двух частей арыса. Сложна, громоздка и многостепенна система отделения этого арыса — шулук.

Взяв для примера одно из ее племей — например, ашамайлы или муйтен, мы насчитываем не 5, а 6 звеньев: между племенем (ашамайлы) и арысом (конграт) существует, по сравнению с он-торт уру, дополнительное звено — название отделения — шулук.²

В противоположность шулuku, как можно заключить из собранных в 1946 г. сведений, чрезвычайно проста структура жаунгыр: здесь всего 4 звена: арыс (конграт), отделение арыса (жаунгыр), род (например, теристамгалы), и одно из родовых подразделений — коше или тире (например, хангельды). Выше мы уже указывали, что каждое из семи подразделений жаунгыра представляет собой не племя, а экзогамный род; таким образом, четвертое снизу звено — племя — здесь отсутствует, так же как и обычное двухступенное деление рода. Нам подчеркивали при опросах эту ограниченность делений родов жаунгыр: баканлы, шеужейли вовсе не делятся, остальные роды имеют по несколько (2—6) коше; так, например, Абдиев Емберген из колхоза им. Энгельса, Кунградского района (род ыргаклы) сообщил, что «ыргаклы делятся на 4 коше: атанай, ешкили, байбура и сары-тон».³

Констатируя наличие разнообразия внутри родо-племенной структуры каракалпаков, мы не имеем возможности в настоящее время дать научно обоснованное объяснение этого явления; однако можно полагать, что такое различие структуры сложилось в результате различия территорий, исторических судеб и этнической среды, в условиях которой формировалось каждое из трех рассмотренных нами крупных родо-племенных объединений каракалпаков. Шулук впитал в себя множество различных групп родов и племен; жаунгыр, вероятно, был более изолирован и устойчив. Возможно, впрочем, объяснить это явление изживанием родо-племенной организации, сохранением лишь части ее звеньев.

Следующий вопрос, на котором следует остановиться, — это неустойчивость у каракалпаков специальных терминов, обозначающих отдельные звенья родо-племенной структуры.

¹ Пример основан на конкретном материале — наш информатор из колхоза им. Горького, Чимбайского района, Нуруллаев Косыбак определил нам свою родовую принадлежность как «ктай, бес-сары, жуңли, есергеб».

² Наш информатор в Тахта-Каире (Муйнакский район) Насыров Караматдин определил свою родовую принадлежность как «ашамайлы, кабасац, туркмен-кара». Называть верхние звенья — конграт и шулук — при подобных определениях не принято.

³ Полевая запись № 33, 1946.

Прежде всего приходится отметить, что не каждое из этих звеньев имеет соответствующий абстрактный термин: если более или менее определенны названия «арыс», «уру», «тире» и «коше», то особых терминов для племени, а также для отделения арыса не существует. Чаще всего племя называют так же, как и род, — «уру» или «улкен уру» (большой род). Неопределенность узбекской терминологии в Хорезме, обозначающей родоплеменные единицы, отмечал П. П. Иванов, столкнувшийся с этим фактом при изучении хивинских хроник и документов: «...нередко одна и та же родовая группа обозначается различными словами (эль, халк, кабаиль, ахшам, таванф и пр.). Подобная же неопределенность терминологии встречается и при обозначении мелких родовых ячеек (уруг, таифе, табакэ, тире, кабиле и т. п.)».¹ Впрочем, у каракалпаков, сравнительно с узбеками и туркменами, наличие экзогамии помогает отличать род от племени. Род, как мы уже указывали (за редкими исключениями), всегда экзогамен.

Во время наших полевых этнографических работ, после прибытия в какой-либо аул, обычно, когда происходило знакомство научных сотрудников отряда каракалпаков с местными жителями-стариками, привлеченными в качестве информаторов, примерно следующим образом выяснялась родоплеменная принадлежность каждого: после традиционных приветствий и объяснений цели приезда следовали вопросы:

В о п р о с :

О т в е т :

1. «Кайсы уру?»	«Ашамайлы»
2. «Ашамайлыныг кайсысы?»	«Кабасан»
3. «Кабасанынг кайсысы?»	«Тампыш»
4. «Тампыштынг кайсы кошеси?»	«Ерназар кошеси»

Свою принадлежность к арысу или отделению в большинстве случаев при этом не указывают — она сама собою подразумевается, поскольку есть указание на род.² Ответ может звучать просто: «мен ашамайлы, кабасан, тампыш», т. е. происходит перечисление названий племени, рода и подразделения в нисходящем направлении, без привлечения вспомогательных абстрактных терминов.

Среди последних большой интерес представляет термин «арыс».

Мы уже указывали выше, что в переводе с каракалпакского арыс — оглобля. Это же слово обозначает оглоблю, дышло в турецком, казахском, ногайском языках.³ В казахском оно имеет, кроме того, несколько переносных значений, перечисляемых В. В. Радловым в его «Опыте словаря тюркских наречий»; приведем полностью выдержку из последнего:

«Арыс (kir. = арыш).

1. Westl. Dial. — боковой шест у пурта телери — die obere Seitenstange am Wagenkorbe.

2. Östl. Dial. — оглобля — die Femerstange; арыстаи джатты — он лежал, растянувшись во весь рост — er lag lang ausgestreckt da; арыс агаши — матица — Hauptdachbalken.

¹ П. П. И в а н о в. Примечания к переводам отрывков из хивинских хроник «Фирдаусу-ль-икбаль» Муниса и Агехи. Сб. «Материалы по истории каракалпаков», М.—Л., 1935, стр. 92.

² На этом примере, записанном со слов научного сотрудника этнографического отряда т. Бердымуратова, отражается отсутствие особого термина для племени, замещающего здесь термином уру — род.

³ Турецко-русский словарь сост. Д. А. Магазинник. М., 1945, стр. 38 («arış» — оглобля, дышло). П. А. Б а с к а к о в. Ногайский язык и его диалекты. М.—Л., 1940, стр. 235 (арыс — оглобля).

3. Отдел племени — Abtheilung, Unterabtheilung von Geschechtern; бир арыс халк — один отдел народа — eine Abtheilung; алты арыс Бай-Терәк — шесть отделений Бай-Терекцев — die sechs Abtheilungen der Bai-Täräk». ¹

Таким образом, здесь мы встречаемся с переносным значением слова «арыс», идентичным каракалпакскому.

В представлениях каракалпаков сохранилась исключительно тесная, можно сказать, непосредственная связь между прямой и переносной семантикой слова «арыс». В «Шежире» Бердаха следующим образом трактуется происхождение этого наименования: каракалпаки решили пригласить на ханствование в свой разоренный и распадающийся юрт Шынгыза, родившегося будто бы среди них, но изгнанного своими братьями в далекую страну. ² Посланные на поиски Шынгыза 40 представителей «от элей и уругов», во главе с предком каракалпаков-конграт Майкы-бием, разыскали его и «подняли ханом»; но везти его в каракалпакский юрт надо было на арбе, которой у них не было. И вот —

К о н г р а т нашел одну оглоблю,
М а н г ы т нашел одну оглоблю,
Все остальные деревянные части
Поручено было найти другим;
Тогда К а н г л ы стал мастерить,
Стуча, прикрепляя, построил арбу.
А Ш у й ы т шуй (чекү) вложил
Оттого стал называться Шуйыт.

На выстроенную таким образом арбу, в которую впрягли гнедую лошадь Майкы-бия (конгыр ат), сели Чингис-хан с Майкы-бием и отправились в каракалпакский юрт. ³ Эта легенда о постройке каракалпаками арбы для Чингис-хана встречается не только у Бердаха; вариант ее был записан Беляевым в Нукусе в 1903 г. у неграмотного каракалпака. ⁴

Характерно, что свою старинную арбу каракалпаки резко отличают по типу от хивинской и называют «телеген-арба». Возможно, это название связано с монгольским термином «tergen» — повозка. ⁵ У монголов же мы видим примеры символизации оглоблей, как устоев государства: согласно «Сокровенному сказанию», Чингис-хан приказывает передать Ван-хану керейтскому: «...мы с тобой — что две оглобли у кибитки; когда поломится одна, быку не сvezти кибитки; мы с тобой, что два колеса у кибитки; сломайся одно — ей не двинуться...» ⁶ В применении к каракалпакской родо-племенной системе термин «арыс» имеет, видимо, приблизительно такое же значение, подчеркивая объединение в этой системе двух неразрывно связанных друг с другом частей одного народа.

Большой интерес представляют и так называемые коше. Вот как нам характеризовали отличительные черты коше: «Это — самое мелкое отделение рода; землю в Хивинском ханстве для каждого рода получали

¹ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. I, стр. 277.

² Появление в историческом фольклоре каракалпаков имени Чингис-хана, образ которого не имеет здесь ничего общего с историческим Чингис-ханом, можно объяснить лишь позднейшим наслоением на древнее предание, связанным, вероятно, с влиянием монгольско-золотоордынской идеологии.

³ «Шежире» Бердаха, перевод У. Кожурова, строфы 98—100.

⁴ Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии, Ашхабад, 1917.

⁵ Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов. Л., 1934, стр. 41—42, текст и примечание 10.

⁶ Сокровенное сказание. «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866, стр. 91.

бии и делили ее по коше; мельче, чем по коше, земля уже не делилась; все в коше были кровные родственники, дети одного отца, размножившиеся, разделившиеся и выросшие в коше, во главе которого стоял старшина. Имя этого старшего присваивалось всему коше.¹

В 1948 г. мы записали в Куйбышевском районе от группы стариков такое объяснение понятия «коше»: аул делится на несколько коше, а коше делится на хозяйства. Коше составляются из 5—6 шанграков (круг сверху юрты, образующий дымовое отверстие, в данном случае означает семью, хозяйство). Свое название коше получает от имени старшины этого коше, распоряжающегося его хозяйством. Слово «караган», обычно сопутствующее имени в названии коше (см. таблицу № 6), имеет два значения: а) в распоряжении такого-то; б) происходящий от такого-то.

Во втором значении это слово раньше употреблялось применительно к людям, а сейчас так говорят только в отношении скота (например, телята, происходящие от такого-то быка).

В близком этому смысле встречается слово коше в других полевых записях; так, например, одна из них рассказывает о ссоре крупного бая из киятов — Утепберген-бая с батыром Мулла-Примом. Рассердившись на последнего, Утепберген-бай с 10 юртами своих ближайших родственников откочевал на другой берег Аму-Дарьи, к северу от Чимбая. Там он поселился; потом взял арбы и приехал за остальной частью своего коше — перевез еще 10 юрт.²

Можно полагать, что большое коше Утепберген-бая свидетельствует о его богатстве и большом количестве зависимых от него родственников, обслуживающих его хозяйство.

В дореволюционной литературе имеются указания на наличие больших семей у каракалпаков, достигающих нескольких десятков человек. Очевидно, речь идет в таких случаях именно о коше, своеобразной каракалпакской поздней форме большой патриархальной семьи.

Весьма возможно, что при дальнейшем изучении социальной сущности коше оно будет отождествлено с патронимией, открытой у удмуртов и различных народностей Кавказа профессором М. О. Косвеню. В одном из своих последних трудов М. О. Косвен пишет: термином патронимия «уже давно именовались названия, обозначающие группу близких родственников, ведущих свое происхождение от общего памятного предка; названия эти сделались впоследствии фамилиями, а также названиями поселений, топонимиями. Мы предложили называть этим термином и самую группу...

Основные черты патронимии состоят в следующем. Это — группа семей, образовавшихся в результате сегментации одной большой семьи, по красному осетинскому выражению «от одного огня разошедшиеся». Как сказано, в целом ряде отношений эти родственные семьи сохраняют хозяйственное, общественное и идеологическое единство, хотя каждая семья и представляет собой самостоятельную единицу.

Общность патронимии выражается в частности в том, что некоторыми видами земли и некоторыми угодьями патронимия владеет и пользуется коллективно.

Единство патронимии выражается и в том, что дворы составляющих патронимию семей расположены в селении смежно, образуя особый квартал. Патронимия хранит память о своем общем предке, все люди патронимии — «одного отца дети», и эта память сохраняется дотолде, доколе сама патронимия сохраняет общность и известное единство.

¹ Полевая запись № 21, 1946.

² Полевая запись № 25, 1946.

Патронимия осталась мало изученной и почти совершенно неисследованной, между тем ее роль в общей системе внутривидовых отношений, ее общественно-историческое значение весьма велики».¹

У нас есть уже сейчас этнографические данные, говорящие о наличии в каждом селении каракалпаков группировок усадеб, владельцы которых связаны друг с другом кровно-родственными узами. Такие группировки зафиксированы нами в колхозах Муйнакского района — «Кзыл аскер» (население — муйтены), «Кенес» (население главным образом муйтены и колдаулы), в Тахта-Каире (население ашамайлы и кияты) и др.

Что касается связи названия патронимии с топонимикой, являющейся, по определению М. О. Косвена, одной из отличительных черт последней, то в Кара-Калпакии эта связь несомненно проявляется не только в названиях мелких аулов и урочищ — летних пастбищ (жайлау), которые здесь зачастую называют собственными именами, но и в старых названиях мелкой ирригационной сети. Подобно тому, как более крупные арыки (жаб) именуются по названиям родов, построивших их, так сальма — мельчайшие ответвления каналов — называют собственными именами, во многих случаях соответствующими названиям коше. В соответствии приведенными высказываниями М. О. Косвена, каракалпакское коше имеет ряд черт, характерных для патронимии, если рассматривать последнюю как своеобразный пережиток родовых традиций в общественной жизни — большую семью, дающую начало при своем распаде вновь образуемому мельчайшему родовому подразделению.

Перейдем к описанию еще одной существенной черты каракалпакской родо-племенной структуры; она выражается в тенденции членения всей совокупности родов и племен на 2 и 4, а также в парной связи большинства племен и многих родов.

Действительно, из материалов, изложенных в первой главе и графически выраженных в таблице № 6, видно, что все каракалпакские роды и племена делятся на 2 арыса; арыс конграт — на 2 отделения; каждое из его племен в большинстве случаев (ашамайлы, колдаулы, муйтен) ведет свою родословную от четырех легендарных предков; арыс он-торт уру делится на 4 племена, связанных попарно; внутри некоторых из них, в особенности ктай, эта закономерность проходит сквозь все звенья; 4 основные группы (если условно отбросить позднее присоединившиеся роды кырк и аралбай) имеют по 4 (танке) или по 2 (бес-сары — бексийк, каз-аяклы — кайшылы; манджули — боклы-ктай) рода в каждой; и далее — бес-сары делится на 2 тире (жунли и койлы), бексийк — на 4, манджули — на 2 и т. д.

Деление всей совокупности племен, составляющих родо-племенную систему, на две части и преимущественно парное членение расположенных ниже звеньев этой системы — племен и родов — не может рассматриваться как случайное, единичное, свойственное лишь каракалпакам явление. Подобное же деление характерно, например, для киргизов и туркмен. Обратившись к историческим свидетельствам древних и средневековых авторов и к дошедшим до нас генеалогическим сказаниям, мы сможем проследить это явление далеко в глубь веков, среди тех многочисленных и этнически неоднородных племенных союзов, которые участвовали своими элементами в этногенетическом процессе народов Средней Азии.²

Не менее ярко, чем у каракалпаков, проявляется деление на две части у киргизов. Все они по своей родовой принадлежности делятся на 2 крыла

¹ М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа «Сов. этнография», № 2, 1946, стр. 119.

² См. гл. III настоящей работы, к стр. 109 — о «печенежском» и «огузском» типах членения родовой структуры по С. П. Толстову.

(кол): — «он» — правое и «сол» — левое. Третья составная часть киргизов — объединение ичкилик — считается инородной группой.

Современный исследователь киргизов С. М. Абрамзон по этому поводу пишет: «Как известно, помимо племенного деления у киргизов имеется еще деление на два «крыла»: «он» — правое и «сол» — левое. Почти все киргизские племена распределяются между этими крыльями. Это деление аналогично существующему у монгольских племен и, вероятно, на своей более поздней стадии было связано с военной организацией (правый и левый фланги войска)». И далее: «...один из исследователей, Н. Ф. Ситняковский впервые отметил существование деления на «он» и «сол» внутри крупных племенных союзов отуз-уул и ичкилик, которые он называет родами.

Вопреки утверждениям некоторых исследователей, что племенной союз ичкилик находится вне двух киргизских «крыльев», автор убедительно показывает, что племенной союз ичкилик сам распадался на 2 группы — правую и левую... внутри крыла «он» мы снова обнаруживаем деление на две группы, названия которых народные предания связывают с именами их родоначальников: Тагай и Адыгыш». ¹

С. П. Толстов, давший глубокий и всесторонний анализ родо-племенной структуры туркмен, пишет: «туркмены как в Средней Азии, так и в местах их позднейших поселений, в частности в Египте после сельджукских завоеваний, сохраняют деление на 2 основных отдела — «бузук» и «учук». ²

Эти названия объясняются Рашид-эд-дином в смысле «сломанное» (бузук) и «три стрелы» (уч ук) и связываются им с преданием, согласно которому сыновья легендарного предка туркмен Огуз-кагана однажды нашли золотой лук и три стрелы и спросили отца, как им разделить найденное. Огуз-каган дал трем старшим сыновьям лук, разломав его на три части, а трем младшим — по стреле. ³

Наблюдения С. П. Толстова над группировкой племен и родов у туркмен привели его к заключению о наличии у них тенденции симметричного деления племени и его крупных подразделений на две части (tajfa). Такое деление, как он указывает, имеют 10 из 24 туркменских племен; анализ же генеалогий, выявление позднее присоединившихся родов и т. д. позволяют, восстановив первоначальную структуру деления, еще увеличить число таких племен.

Дальнейшее деление колен и родов повторяет тот же принцип: например, 2 тайфы племени теке делятся каждая на 2 уруга, а из трех тире уруга бек первые два правильно делятся: кунгур на ак-кунгур и кара-кунгур, геокча на кара-геокча и яры-геокча. ⁴

Новейших трудов на интересующую нас тему, касающихся казахов, нет. Однако изучением родов и племен и сбором генеалогических сказаний у казахов занимались в свое время такие крупные ученые, как Н. А. Аристов, А. Харузин и др. Собранные ими богатые материалы дают возможность проследить тенденцию к четному членению и у казахов. По мнению Н. А. Аристова, Большой Жүз составил в основном из двух древних родов (племен. — Т. Ж.) канглы и дулат, образовавших

¹ С. М. Абрамзон. К семантике киргизских этнонимов. «Сов. этнография», № 3, 1946, стр. 125.

² С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, стр. 28.

³ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», т. I, Л., 1929, стр. 30.

⁴ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, стр. 8—9.

впоследствии сложные роды с частями родов усуней.¹ Согласно генеалогии казахов этого жуза, составленной бисм Дикамбай-батыром (умершим в 1876 г.), потомок предка «Большой Орды» Байчуры-Тюбей имел четырех сыновей; старший из них, Майкы, также имел четырех сыновей, в числе которых упоминается Канглы в качестве родоначальника этого рода. У старшего брата Канглы Бахтияра было 2 сына: Уйсун и Сергеле

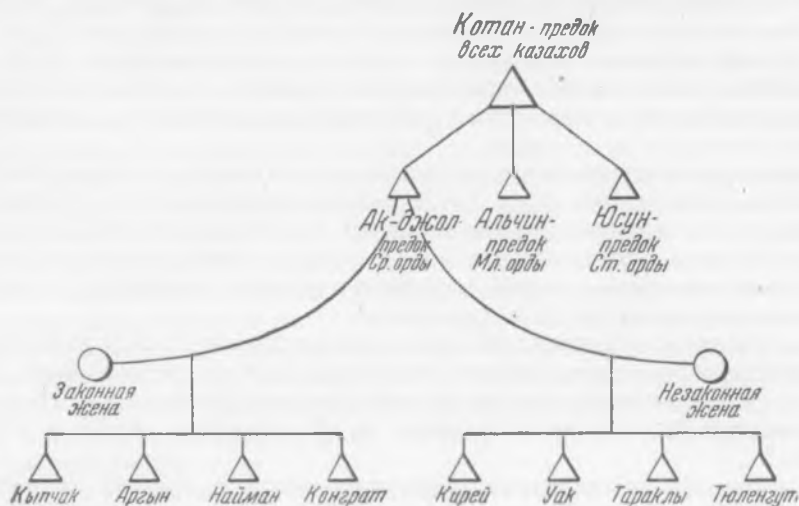

ТАБЛИЦА 13.

Генеалогия казахов Среднего жуза по преданиям, исследованным Н. Аристовым.

См. Н. А р и с т о в. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, «Живая старина», 1896, ч. III—IV, стр. 371—373.

П р и м е ч а н и е: Имена родоначальников даны в транскрипции Н. Аристова.

(также родоначальники); у Уйсуну — 2 сына: Ак-сакал и Джансакал и т. п.²

Генеалогия, записанная в Среднем жузе (см. табл. 13), называет предком племен последнего Акджола, у которого были 2 жены: законная и незаконная. От первой жены у него было 4 сына, носящих имена, соответствующие названиям крупнейших племен этого жуза: Кыпчак, Аргын, Найман, Конграт; от незаконной также 4 сына, родоначальники других четырех племен — Кирей, Уак, Тараклы, Тюленгут.³

Менее всего изучена родо-племенная структура узбеков. Отсутствие материалов по так называемым народным историческим традициям — легендам и генеалогиям — и современных этнографических исследований их родо-племенной структуры не дает возможности выявить несомненно имеющиеся и среди узбеков группировки племен и исследовать их взаимную связь.

Имеющиеся в литературе списки узбекских родов, составленные авторами 40-х—60-х годов XIX в. (Ханыков, Борнс, Вамбери, Гребенкин и

¹ Н. А. А р и с т о в. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, стр. 350.

² Н. А. А р и с т о в. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов. СПб, 1895, стр. 5.

³ Н. А. А р и с т о в. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, стр. 371—373.

др.)¹ частью на основе личных наблюдений, частью извлеченные из восточных рукописей, представляют собой бессистемное нагромождение названий, часто вводящее читателя в заблуждение, поскольку названия крупных племен в них включены вперемежку с названиями родов и мелких подразделений. Не вошли еще полностью в научный обиход и новейшие весьма ценные данные о родо-племенном составе узбеков, извлеченные А. А. Семеновым из исследуемых им рукописей «Михман-намэ и Бухара» Рузбехана Исфагани, «Шейбани — намэ» Мулло Беннаи и «Абулхайрханской истории» Масуд бен-Осман-и-Кухистани, относящихся к XVI в.²

Все же, даже на основании исследований, касающихся узбекского населения отдельных районов, мы можем проследить и среди узбеков парное членение их родо-племенной структуры.

Так, по материалам К. П. Васильева, собранным в 1926 г., у узбеков Кунград в юго-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР первое из называемых им крупных племен айны делится на 2 группы: ак-туны, включающую 8 родов, и кара-туны — 4 рода. Другое племя — кенджигалы — также делится на двое: ак-куйлы (10 родов) и кара-куйлы (4 рода).³

О группировке племен у узбеков Хорезма можно получить представление из описания Мунисом в «Фирдаус-уль-икбаль» государственной реформы Абульгази-хана, сопровождавшейся разделением узбеков на 4 части («турух»), названных тупэ; при этом одно тупэ составили уйгуры — найманы, второе — конграты — кыяты, третье — нукузы — мангыты, четвертое — канглы — кыпчаки.⁴ Таким образом, мы видим в данном случае не только объединение главных племен в 4 отдела — тупэ, но и тесную попарную связь двух племен внутри каждого тупэ, подобную ктай — кыпчакам и кенегес — мангытам у каракалпаков. Мы не имеем оснований полагать, что описанное разделение было со стороны Абульгази-хана произвольным, искусственным, ломающим уже существующие основные объединения племен; подобное нововведение, нарушающее родовые традиции, вызвало бы в условиях того времени возмущение и борьбу. Между тем, как считает переводчик и исследователь хивинских хроник П. П. Иванов, одной из главных задач Абульгази при введении им реформы было примирить враждующие между собой многочисленные и сильные узбекские роды в Хорезме. К тому же П. П. Иванов высказывает правильное предположение, что «4 тупэ узбеков, ... повидимому, существовали в Хиве еще столетием раньше реформы Абульгази, так как последний в своем сочинении рассказывает, что Убейдулла — хан бухарский при завоевании Хивы (в 30-х годах XVI в.) сосчитал узбекские роды и разделил их на 4 «части» («буляк»), не указывая, впрочем, из каких родов состояла каждая «часть».⁵ Четыре тупэ узбеков существовали и в первой четверти XIX в. в том именно составе, в каком описываются они здесь Мунисом.

О распространении деления на 4 части и на внутреннюю структуру узбекских племен говорит тот факт, что Второй этнографический отряд Хорезмской экспедиции (руководитель — К. Л. Задыхина), работающий среди

¹ Н. Х а н ы к о в. Описание Бухарского ханства. СПб. 1843, стр. 58—63. А. Б о р и с. Путешествие в Бухару, ч. III. М., 1850, стр. 367—368. А. В а м б е р и. Путешествие по Средней Азии. М., 1874, стр. 302. А. Г р е б е н к и н. Узбеки. Сб. «Русский Туркестан», 1872, вып. 2, стр. 69 и сл.

² А. А. С е м е н о в. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. Рукопись Института истории Узбекской АН, № 168. »

³ Материалы по районированию Средней Азии. Кн. 2. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 2, Хорезм—Ташкент, 1926 г., стр. 97—98.

⁴ См. перевод отрывков из «Фирдаус-уль-икбаль» Муниса в «Материалах по истории туркмен и Туркмении», т. II, 1938, стр. 327—328.

⁵ Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, стр. 328, примечание.

узбеков Кунградского района К.-К. АССР, установил наличие у узбеков племени конграт пережитков деления на 4 тупэ — ачамайлы, капджигалы, кок-узекли и сарсан-балгалы.¹

Само собой разумеется, что деление на 4 части узбекских племен Хорезма должно было отражаться на политической системе ханства. Действительно, из описания реформы Абульгази, где указывается состав и число

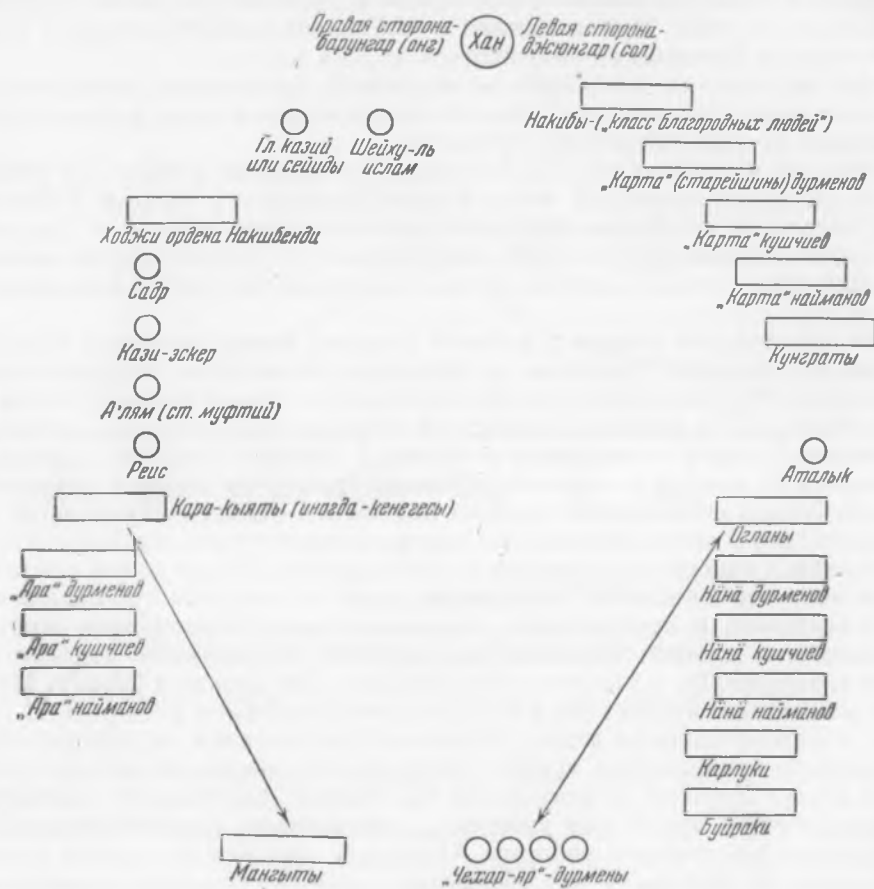

ТАБЛИЦА 14.

Местничество знати узбекских племен при дворе бухарских ханов в XVII веке.

Схема составлена по В. В. Бартольду „Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII веке“. Записки ИРГО по отделу этнографии, т. XXXIV, СПб. 1909, 301—304; транскрипция В. В. Бартольда.

должностных лиц из узбеков, можно заключить, что большинство важнейших званий и должностей (аталыки, инаки, мирабы, бии) имели по 4 представителя.²

Разделение племен на две части выражалось также в обычае местничества. До нас дошло картинное описание церемониала пиров при дворе ханов Аштарханидской династии, правившей в Бухаре в XVII в.,

¹ См. полевые записи Второго (североузбекского) этнографического отряда Хорезмской экспедиции АН СССР, 1946, стр. 15. Научный архив Института этнографии АН СССР.

² Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, стр. 327.

из которого видно, что все представители знати крупнейших узбекских племен — приближенные хана — имели точно определенные места по правую и левую сторону от хана; по левую сторону должны были сидеть «карта» — старейшины племен дурмен, кушчи, найман, кунграт, а по правую — представители каракияттов, кенегесов и мангытов¹ (см. табл. 14). Обычай местничества соблюдался и в других узбекских ханствах.

Если в XIX и в начале XX в. исследуемые нами группировки племен остались в качестве пережитка и, повидимому, выражались лишь в традиционном причислении рода и племени к определенному крылу, то еще в период средневековья они должны были иметь большое значение в социальной жизни и быту тюркских народов Средней Азии. Об этом говорит устойчивость комбинации племен и родов, группирующихся в противоположных крыльях, которая наблюдается, например, у огузов.

Как видно из таблицы 15, составленной С. П. Толстовым на основании сведений Рашид-эд-дина, огузы, с древнейших времен состоявшие из 24 племен, делились на 2 крыла, каждое из которых содержало 3 группы по 4 племени. Каждое из 24 племен имело тамгу для клеймения скота и почитало какую-нибудь птицу, которую не трогали и не ели; такой тотем назывался онгун или уйгун. Затем было определено, на какую часть мяса имело право отдельное племя во время общих пиров. «Как онгунов, так и кусков мяса различалось не 24, а только 6, по одному на каждые 4 рода».²

В сельджукской хронике, составленной в XIII в. Ибн-Биби и обработанной в XV в. Языджи-оглу Али под названием «Огуз-намэ», приводится предание о распределении племен на традиционном пиру «шилиан», который устраивался у огузов перед военными походами:

«Отец ханов, Огуз-хан, изрек; он так определил тюрэ — пути установления; он заповедал следующим образом, чтобы тюрэ было стезей его сыновьям. Он сказал: так как после ханом будет К а й и, пусть объявлен он будет бейлербеем правого крыла. Согласно тюрэ, бейлербей должен быть и у левого крыла, и нужно так, чтоб то был Б а й и н д ы р. Тюрэ, правила и угощение также должны быть по следующему распорядку, о брат мой: сперва должен сидеть К а й и, потом Б а я т, потом А л к а э в л и и К а р а э в л и, степенно, потом пусть садится Я з ы р, а за ним — Д ю к е р, потом, разумеется, Т у д ы р г а, Я п у р л у, А в ш а р, К ы з ы к и потом Б е к д е л и и самый последний на правом крыле — К а р г ы н.

Во главе левого крыла должен быть Б а й и н д у р, после него ниже — младший брат Б и д ж е н е г, потом Ч а у н д у р, рядом — Ч е п н и, еще С а л о р пусть сядет с Э й м ю р о м, потом А л а ю н д л у и У р а к и р, И г д ы р, Б ю к д ю р, Й и в а к и К ы н ы к. Вот в таком порядке следует садиться; перед ними должны быть доли; кумыс и «кымран» должны таким же порядком распиваться между старшими и младшими; также должности и звания бея таким порядком пусть раздаются между коленами и родами, пусть всем из этих родов будет роздано, а если останется, пусть попользуются и другие».³

В своем исследовании, посвященном государству Сельджукидов Малой Азии, В. Гордлевский указывает, что как правое, так и левое крыло

¹ В. В. Бартольд. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. «Записки Русского географ. об-ва по отделу этнографии», т. XXXIV, СПб., 1909.

² В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа, стр. 28—29. Бартольд называет огузские племена родами.

³ В. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 53.

огузов в эпоху сельджукидов делилось на 12 колен; во главе правого крыла стояли беи племени кайи, во главе левого — байиндыр.¹

Это сообщение подтверждает и Равенди. Как указывал В. В. Бартольд, «турецкий переводчик персидского сочинения Равенди уверяет, что еще при султани Санджаре (1157) с величайшей строгостью соблюдались огузские обычаи. Так, главный бек правого крыла назначался непременно из племени кайи и баят, главный бек левого крыла — из племен баюндур и печенег».²

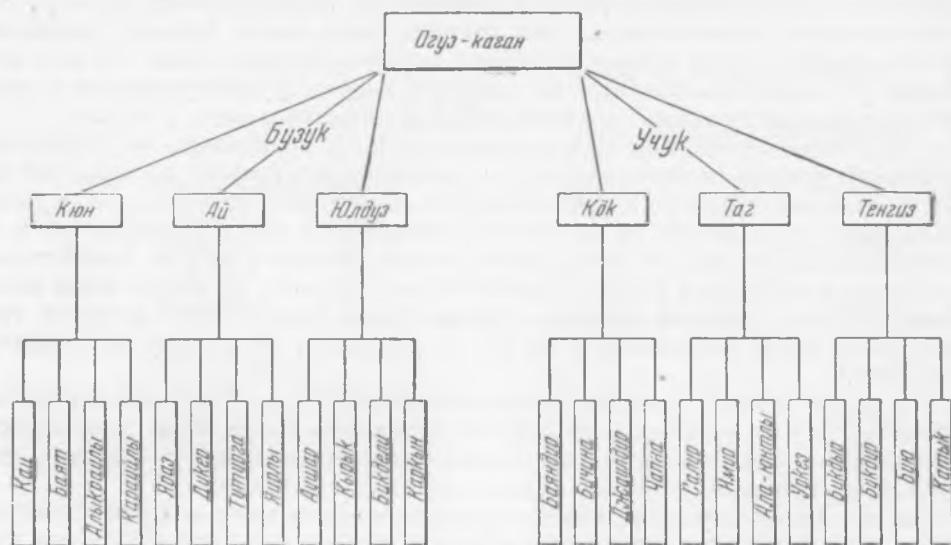

ТАБЛИЦА 15.

Схема генеалогической структуры огузов по Рашид-эд-дину.

См. С. П. Толстов, Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен „Проблемы истории донапиталистических обществ“, 1935, № 9—10, стр. 29.

Названия огузских племен даны в чтении И. Н. Березина („Труды Восточного отделения русского археологического общества“, ч. V, СПб. 1858, стр. 25—29. То же в чтении В. Гордлевского:

1. Кайи	7. Тудырга	1. Байиндыр	7. Ула-Йонты
2. Баят	8. Яйрылы	2. Бидженег	8. Урекир
3. Алқыр-эвли	9. Авшар	3. Джавулдур	9. Игдыр
4. Караэвли	10. Карык	4. Чепни	10. Бюклюв
5. Языр	11. Бекдели	5. Салор	11. Йиве
6. Дюкер	12. Каргын	6. Эймюр	12. Кыныз

(см. В. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии, изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 53).

Не менее, чем огузский цикл материалов, для поднятого нами вопроса важны данные о членении на «крылья» племенных объединений монголов. Здесь мы застаем процесс, когда более древнее, связанное, повидимому, с первоначальной структурой общества деление последнего на 2 части стало сочетаться с принципами военной организации.

«Еще при Чингис-хане все «войско монгольское», а следовательно, и народ монгольский, по стародавнему степному обычаю делился на 2 кры-

¹ В. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., стр. 50.

² В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», т. I. Л., 1929, стр. 32.

ла — левое (je'ün ~ jegün ġar) и правое (bara'un ~ baraġun ġar) (монгольское ġar — дословно: рука). И в после-юаньскую эпоху деление это сохраняется: из шести туманов, которые уцелели от сорока, будго бывших до разгрома, сопровождавшего падение монгольской династии в Китае, три тумана относились к левому крылу, а три — к правому»;¹ и далее: «Обычно большая племенная группа и образовывала tümen» — туман, корпус в 10 000 — «тьма», и давала ему свое название, имя, например «туман или улус урянхайцев».²

В источниках, связанных с историей Золотой Орды, как известно, нередко можно встретить указания на такую непосредственную связь военного подразделения с территорией и населением племен, представляли которых составляют это военное подразделение. Так, у Рашид-эд-дина дается следующее описание владений Орды, сына Джучи-хана: «Он с войском и с 4-мя братьями . . . составлял левое крыло армии; их до настоящего времени называют царевичами левого крыла. [Еще] и теперь урук их [братьев Орды] заодно с уруком Орды и юрт его [Орды] и тех братьев [его] и войска их находятся на левом крыле, в пределах... (пропуск в рукописях; по другому месту труда Рашид-эд-дина люди, направляемые в ставку Коничи, внука Орды, проходят в пределах Дженда и Узгенда). Потомки и улус его [Орды] там находятся попрежнему».³

Устойчивость причисления определенных групп племен к тому или другому флангу войска и связь этого явления с системой местничества ярко иллюстрируются следующим повествованием, заимствованным нами из описания войн Тохтамыш-хана с Тимуром в анонимном «Шаджарат-ал-атрак» («Родословии Тюрков»), составленном около середины XV в. Автор вначале подробно останавливается на борьбе Тимура с Тохтамышем и говорит о постоянных его победах над последним. Однако в последней из битв Тохтамыш оказался более стойким, чем обычно и устоял в борьбе несколько дней сряду. Причиной этого было то, что каждый день войско правого крыла Тимура одолевало войско левого крыла Тохтамыша, и наоборот — войско правого крыла Тохтамыша показывало превосходство над левым крылом тимуровского войска. После нескольких таких сражений Тохтамыш, заметив слабость своего левого крыла, где было много раненых и павших духом, решил сделать перемещения в войске и приказал Яглыбай бахадур бахрину из правого крыла, предводителю улуса бахринов («а со времен Огуз-хана это племя принадлежало к людям правой стороны», — делает примечание автор), перейти на левую сторону. Однако это не помогло. Предводитель правого крыла Тимура эмир Осман напал на Яглыбая, отсек ему голову, после чего последовал разгром войск Тохтамыша.

«С того дня улус бахринов получил на курилтаях узбекских султанов место (орун) на левой стороне, которая на монгольском языке называется джунгар, а по-тюркски солгол; раньше же, подобно своим родичам конгуратам, найманам, джалаирам, уйшунам и другим, это племя также сидело и бывало на правой стороне, которая на монгольском языке называется унгар, а по-тюркски онкол».⁴

Мы ограничиваемся здесь этими двумя документами, хотя цитирование их можно было бы продолжить ввиду большого количества данных, заключающихся в исторических источниках XIII—XV вв. и характеризующих военную и социальную организацию монголов с интересующей нас точки зрения.

¹ Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Указ. соч., стр. 135.

² Там же.

³ В. Г. Т и з е н г а у з е н. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, стр. 41—42.

⁴ Там же, стр. 208.

Все эти данные свидетельствуют, что раздел на 2 крыла у монголов не ограничивался войском, а соответствовал разделу территории всего владения и всего населения, от мала до велика, принадлежащего к племенам, из которых формировалось военное подразделение. Это деление проявлялось и в политической системе (местничество на курилтаях).

Подытоживая эти факты и сопоставляя с приведенными данными об огузах, мы приходим к выводу, что исходным, первичным, было именно деление племен и их территорий, вызванное какими-то особенностями общественного строя, а уж вторичным — столь ярко отраженное в исторической литературе деление войск сельджукских, монгольских, узбекских и других ханов на джаунгыр или «сол» и бараунгар — «он».

Как же может быть объяснена прослеженная нами закономерность четного и преимущественно парного членения родо-племенных структур у средневековых и современных народов Средней Азии?

Советские этнографы склонны рассматривать это явление как пережиток дуальной организации, связанной с определенным этапом развития семейно-брачных отношений в первобытном обществе.

Энгельс следующим образом характеризует открытое Морганом у ирокезов деление племен на две фратрии, объединяющие группу из нескольких родов: «...эти фратрии большей частью представляют первоначальные роды, на которые сперва распадалось племя; ибо при запрещении браков внутри рода каждое племя по необходимости должно было охватывать по крайней мере два рода, чтобы быть в состоянии самостоятельно существовать. По мере размножения племени каждый род, в свою очередь, распадался на два и более родов, которые теперь становились самостоятельными, тогда как первоначальный род, в который входят все дочерние роды, продолжает существовать как фратрия... Первоначально ни один сенека не мог жениться внутри своей фратрии, но этот обычай уже давно потерял своё значение и действует только в пределах рода, ...если вымирали роды одной фратрии, то нередко для пополнения в неё переводились целые роды из других фратрий. Поэтому мы у различных племён находим роды с одинаковыми названиями, различно группирующиеся во фратриях».¹

В уже цитированном нами труде С. П. Толстова, посвященном исследованию родо-племенной структуры туркмен, автор обращает внимание на архаическое содержание различных вариантов генеалогических мифов об Огуз-хане, и в частности на космические имена сыновей этого легендарного предка туркмен. Трех старших его сыновей звали: Кюн (солнце), Ай (луна), Юлдуз (звезда); трех младших — Кок (небо), Таг (гора), Тенгиз (море). Приводя многочисленные аналогии, почерпнутые из этнографических описаний племен Меланезии, Австралии, Северной Америки, у которых дуальная организация общества до проникновения европейцев была господствующей формой, С. П. Толстов указывает, что среди этих племен зачастую дуальная организация лежала в основе не только генеалогических, но и космогонических представлений: весь мир у них делился на две половины, из которых одна ассоциировалась с первой фратрией, а другая — со второй. Как полагает автор, «отражением этой дуальной космогонии является и наш миф о женитьбе Огуз-кагана, в котором солнце, луна и звезды оказываются принадлежащими к одной фратрии, а небо, гора и море — к другой».²

В результате своего исследования С. П. Толстов пришел к заключению, что «симметричная структура туркменских племен с делением на две части,

¹ Ф. Энгельс. Происхождению семьи, частной собственности и государства. 1947, стр. 101—102.

² С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, стр. 31.

далеко прослеживающимся и на низших ступенях деления, восходит своими корнями к ...стадии архаической дуальной организации, первичной формы рода».¹ К таким же предположениям приводят С. М. Абрамзон его наблюдения над членением на две группы большей части звеньев родо-племенной структуры киргизов: «Не имеет ли это явление, прослеживаемое в нескольких плоскостях, связи с наиболее древней структурой общества, с фратриальным делением, основанным на господстве кровно-родственного начала? Деление на 2 фратрии могло в процессе длительного исторического развития принять современные нам формы, а на известном этапе стало вполне соответствовать и принципам военной организации древних киргизов, как и других тюрко-монгольских племен».²

Чрезвычайно интересно, что исследование аналогичных черт в общественной структуре народов Кавказа приводит к подобным же предположениям проф. М. О. Косвена. В цитированной уже нами статье «Очерки по этнографии Кавказа» он пишет: «Особого внимания заслуживают содержащиеся в собранном нами материале указания, обнаруживающие у отдельных народов Кавказа, так сказать, четную структуру родовых коллективов: деление на 2 основных рода у хевсур, на 6 «теми» у мтиульцев, на 4 и 12 «обществ» соответственно у тушин и пшахов, на 4 основных рода у карачаевцев, 2 основных племени у чеченцев. К этому присоединяются легендарные генеалогии, в которых в свою очередь настойчиво повторяются преимущественно четные числа. Все эти факты, имеющие широко распространенные аналогии в общетнографических данных, дают нам некоторое основание видеть здесь, в форме реально сохраняющегося деления и в легендаризированной форме, реликты той архаической структуры племени, которая получила название дуальной организации. Конечно, требуется значительное расширение конкретного материала для того, чтобы говорить об этом более уверенно».³

Какого же характера должен быть этот конкретный материал, необходимый для выяснения истоков столь широко распространенных особенностей социальной структуры многих народов Средней Азии и Кавказа, в том числе и описываемых нами каракалпаков? Повидимому, в первую очередь для решения стоящей перед нами проблемы должны быть привлечены историко-этнографические данные по семейно-брачным отношениям у этих народов.

Морган, обнаруживший фратрии у ирокезов, перечисляет функции общественного и религиозно-обрядового порядка, характеризующие фратрию, как определенную социальную организацию. Однако по поводу этих функций С. П. Толстов пишет, что фратрия, в том виде, как изучал ее Морган у североамериканских индейцев, — уже пережиток, она сохраняется как полурелигиозная организация, «функции которой почти исчерпываются похоронным обрядом, ритуальной игрой в мяч и расположением старейшин на совете племени. Понять ее существо мы сможем лишь наблюдая ее там, где она сохранила функции регуляции брака».

В Австралии и Меланезии фратрии экзогамны и связаны друг с другом как бы перекрестным брачным договором — член одной фратрии обязан вступать в брак с членом другой. В этом — первичный смысл и значение двухфратриальной структуры племени как первичной формы экзогамии».⁴

¹ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен стр. 40.

² С. М. Абрамзон. Указ. соч., стр. 125.

³ М. О. Косвен. Указ. соч., стр. 125—126.

⁴ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен, стр. 30.

Сведения о семейно-брачных отношениях монголов, вкрапленные в «Собрание летописей» Рашид-эд-дина и «Сокровенное сказание», дают основание считать, что у монголов XII—XIII вв. были еще сильны пережитки дуальной организации.

«Часто наблюдалось обыкновение брать невест в какой-либо род из одного и того же рода. Члены таких родов величали друг друга (мужчины) «сватами» — *xuda*. Иногда между родами заключались правильные договоры об обмене девушками-невестами. Так, *Dai-secen* рода *Onggirad* называет *Иесугей* — багатура «сватом», а мы знаем, что между Ольхонутами, входившими в состав *Onggirad*, и *Borjihin*’ами установилась связь раньше, еще прежде того, как *Иесугей* взял в жены *Нö’elün*».¹

В другом месте Владимирцов пишет: «Для каждого члена древнего монгольского рода сородич был *игух* (*игүг*) — «потомок, отпрыск данного рода», следовательно «родственник, родной, сородич», между тем как всякое чужеродное лицо было *jad* — «чужой, иностранец»; все, значит, делились на *игух*’ов и *jad*’ов. Но среди *jad*’ов был род или роды и целые поколения, где жили *törgüd* — «родственники по жене»; членов таких родов можно было рассматривать уже не как настоящих *jad*’ов, их величали *xuda* — «сват».²

Первая из этих цитат, как мы видим, приводит конкретный пример отношений «*xuda*» между родом Чингис-хана — кият-борджигин и родом «*onggirad*», или конграт, из которого кияты брали себе невест. Закономерность этого предпочтительного брака с конгратками иллюстрируется множеством указаний Рашид-эд-дина; приведем некоторые из них, извлеченные из родословия Джучи:

«Джучи-хан был старший из всех детей Чингис-хана... Он родился от старшей жены [Чингис-хана] Бурте-фуджин, дочери Дай-нойона, из племени конкурат, которая была матерью 4-х сыновей и 5 дочерей...»³

«1-й сын Джучи — хан Орда роился от старшей жены Сартак, из племени конкурат».⁴

«Орда имел трех старших жен: одну — Джукэ-хатун, из племени конкурат, другую — Тубакана-хатун тоже из племени конкурат и третью... из конкуратского же племени...»⁵

У Коници — внука Орды, сына Сартактая «были 4 старшие жены, из которых первая Нукулукан — из племени конкурат, вторая Нукулун — из племени меркит, третья Джиктум — из племени конкурат...».⁶

Баян — сын Коници родился от жены Коници кунгратки, после смерти отца женился на трех мачехах, кроме того у него были 3 другие жены: «2 из них — из племени конкурат...»⁷ и т. д.

Когда автор в своем изложении родословной доходит до Тохты, он также указывает: «В настоящее время он [Токтай] государь улуса Джучи, он имеет двух жен... из племени конкурат».⁸

Приведенные цитаты дают основание полагать, что именно два таких рода, как монгольские кият и кунград, связанные отношениями свойства — «*xuda*», могли явиться основной ячейкой парного членения, так сказать «парой родов» или племен.

Подтверждением этого служит тот факт, что одну из пар племен, объединяемых в Хорезме еще со времен Абульгази-хана хивинского (XVII в.),

¹ Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 48.

² Там же, стр. 59—60.

³ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. II, стр. 39.

⁴ Там же, стр. 41.

⁵ Там же, стр. 42.

⁶ Там же, стр. 42—43.

⁷ Там же, стр. 43.

⁸ Там же, стр. 50—51.

а возможно, и Убейдуллы-хана бухарского (XVI в.), в тупэ составляли узбекские племена кыят — конграт (см. выше).

У каракалпаков, как и у средневековых монголов, существующая система свойства с сохранением в основе монгольского термина «куда» распространяется не на узко-семейные круги брачующихся, а на весь род. Эта система терминов отражена в записи о браке, сделанной со слов научного сотрудника Хорезмской экспедиции Р. Косбергенова, каракалпака кыпшак — коп-сокыр с каракалпачкой ктай — аралбай.

Приводим эту запись полностью: «Предположим, что мы поженились в старые времена. Я — каракалпак кыпшак, коп-сокыр; жена моя — каракалпачка ктай, аралбай.

После моей женитьбы весь аул (род) аралбай для меня стал бы к а й н - ж у р т ы, для стариков и старших, чем я, из моего рода коп-сокыров, аралбай — к у д а, а я для аралбаев — к и е у. Молодежь обоих этих родов называет друг друга к у д а - б а л а, женщины — к у д а - г а й, их девушки для нас и наши для них — к у д а ш а. Все девушки аралбай младше моей жены для меня б о л д ы з, а они меня называют ж е з д е. Женщин аралбай старше меня я называю к а й н - б и к с, а они меня называют к и е у - б а л а. Старшие братья жены и вообще мужчины из рода аралбай, которых она называет а г а, для меня — к а - й н - а г а; их жен и я, и моя жена называем ж е н г е, они же называют мою жену б и к е ш, а меня — к и е у - б а л а.

Младших братьев жены и всех мужчин аралбай младше ее жена называет и н ы м, а я — к а й н ы м. Они же называют жену мою а п а, а меня — ж е з д е. Их жен моя жена называет к е л и н, а они ее — а п а.

У нас есть пословица: «Кигиттинг еки журты болады» (т. е. у джигита два «юрта» — местожительства, дома). Аул аралбай для меня к а й н - ж у р т ы, а для моей жены мой аул коп-сокыр — тоже к а й н - ж у р т ы. Ее же аул аралбай для нее — т о р к и н.

Если у моей жены родится сын — все аралбай для нашего сына д а й ы, аралбай его всячески опекают, даже прощают ему всякие преступления, например воровство лошади, коровы; он их ж и е н.

* * *

В каракалпакском эпосе и фольклоре сохранилось много указаний на определенную систему отношений, существовавшую, очевидно, между двумя родами или племенами, связанными свойством — куда. Сохраняются они и в современном быту каракалпаков в виде пережитков, примеры которых были нами зафиксированы во время полевых работ 1946 г. Так, во время нашего пребывания в колхозе «Кзыл Аскер» Муйнакского района в доме у учителя Калниязова, каракалпака муйтена, в дом вошел старик Каражан Кабылов, как мы узнали впоследствии, муйтен рода тели, родственник жены знаменитого Бердах-шаира (последний был колдаулы и женат на муйтенке рода тели). Мы были чрезвычайно удивлены, увидев, что молодой Калниязов обращается без всякого уважения к почтенному старику бахсы, фамильярно похлопывает его по спине, шутит, поддразнивает и т. д. Когда старик ушел, Калниязов объяснил нам, что в его поведении нет ничего предосудительного, так как «Кабылов — наш зять, кийеу; он муйтен тели, жепат на муйтенке кентепау. Я — муйтен жекен-сал, следовательно — тоже кентепау (жекен-сал — подразделение рода кентепау — Т. Ж.), значит его жена — моя сестра, потому я с ним могу шутить и так запросто обращаться, хотя я молодой. Так у нас принято» (Запись 15 сентября 1946 г., колхоз Кзыл Аскер).

Особое место в системе отношений между родами мужа и жены занимает у каракалпаков упоминаемое в сообщении Косбергенова традиционное отношение членов рода матери к ее сыну — своему жиену, уходящее своими корнями далеко в глубь веков, к эпохе господства матриархального рода.

Примечательно, что свое происхождение каракалпаки ведут от Жиенбатыра, приходившегося жиеном Узбеку, в роде которого он родился «у правой стороны юрты», т. е. в доме своей матери, не имеющей законного мужа.¹

Все вышеизложенное позволяет полагать, что у каракалпаков, как, вероятно, и у других народов Средней Азии, например у узбеков и казахов, подобно монголам, в основе четкого членения и парной группировки родов и племен могут оказаться при ближайшем исследовании пережитки дуальной организации. Однако собранный нами этнографический материал еще недостаточен, чтобы безусловно утверждать это положение. Необходимо продолжить работы, сосредоточив внимание на изучении брачных отношений (преимущественно среди пожилого населения) и экзогамии. Имеющийся в настоящее время в нашем распоряжении статистический материал, фиксирующий браки, также еще недостаточен, чтоб сделать определенные выводы, однако мы его приведем здесь для иллюстрации наблюдающихся остатков тенденции к предпочтительным бракам между некоторыми родами и племенами:

1. П л е м я а ш а м а й л ы — всего зафиксировано 76 браков (муж ашамайлы): из них 40 — ашамайлы с ашамайлы (между родами племени) и 22 — с кият (парным племенем).

2. К о л д а у л ы — всего зафиксировано 35 браков: из них 22 — колдаулы с колдаулы и 5 — колдаулы с муйтенами.

3. М у й т е н — всего зафиксировано 23 брака: из них 12 — муйтен с муйтен и 8 — муйтен с колдаулы.

4. К ы п ш а к — всего зафиксировано 28 браков: из них 14 — кыпшак с кыпшак и 6 — кыпшак с ктай.

5. К т а й — всего зафиксировано 25 браков: из них 17 — ктай с ктай и 5 — ктай с кыпшак.

В этих данных намечается закономерность преобладания браков внутри племени, между родами последнего. Возможно, это связано с разрастанием и разветвлением племен и характеризует более поздний этап развития брачных связей у каракалпаков. На втором же месте по численности у всех почти племен стоят, как мы видим, браки с «парными» племенами, которые мы склонны рассматривать как реликт дуалистической структуры общества — архаические фратрии.

* * *

Изучение родо-племенной структуры каракалпаков с точки зрения выявления специфических черт их социального строя в XIX — начале XX в. далеко не исчерпывается настоящим кратким очерком и должно быть продолжено. Однако даже на данном этапе работы историко-этнографический материал позволяет прийти к некоторым заключениям, первое и основное из которых состоит в том, что те ячейки каракалпакского общества, которые продолжали носить название рода (уру), по своему социально-экономическому содержанию ни в какой степени уже не соответствовали роду как организации первобытно-общинного строя. Неустойчивость терминологии, относящейся к отдельным звеньям родо-племенной структуры, и наличие случаев перенесения экзогамии на памяти

¹ «Шежире» Бердаха, строфы 9 и 10. Перевод и примечание У. Кожурова.

населения с одних групп на другие также свидетельствуют, что родо-племенная структура в этот период стала уже лишь традиционной, изживавшейся, не соответствующей социальному содержанию формой членения каракалпакского общества, которая была закреплена и законсервирована административной системой, введенной хивинскими ханами для управления этим народом.

В то же время родо-племенное деление, устойчиво сохранившееся у каракалпаков в дореволюционном ауле, было характерной чертой их полупатриархального-полуфеодального быта; оно имело до известной степени реальное значение в экономической (расселение, земле- и водопользование), политической (административная система) и семейной (экзогамия) жизни, являясь вредным архаизмом, тормозившим развитие каракалпакского народа, способствовавшим его раздробленности, замкнутости и разобщенности.

С другой стороны, в родо-племенной структуре каракалпаков прослеживаются и такие пережитки древних социальных институтов, которые уже не имели в изучаемую эпоху значения в общественной жизни и быту и сохранялись лишь в форме традиций. К ним следует причислить в первую очередь следы дуальной организации, исследование которых представляет большой интерес для историков, изучающих ранние этапы развития социального строя народов Средней Азии.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

К ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ КАРАКАЛПАКСКИХ РОДОВ И ПЛЕМЕН В НИЗОВЬЯХ И ДЕЛЬТЕ АМУ-ДАРЬИ В СВЯЗИ С ПРОБЛЕМОЙ ЭТНОГЕНЕЗА КАРАКАЛПАКОВ

1. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА КАРАКАЛПАКОВ

Среди проблем, изучаемых советской этнографической наукой, одной из наиболее важных и актуальных является проблема этногенеза. Это обуславливается самим содержанием и методом этнографии как науки исторической, исследующей национальные особенности хозяйства, культуры и быта народов не только в их современном состоянии, но прослеживающей также и пути формирования отдельных конкретных народов в непосредственной взаимосвязи с развитием у них исторически сложившихся общностей языка, территории, экономической жизни и культуры.

Проблема этногенеза весьма сложна. Для успешного разрешения ее в применении к каждому народу необходимо комплексное использование данных истории, этнографии, археологии, антропологии, лингвистики и других смежных наук. В первую очередь необходимы историко-этнографические и археологические исследования для выявления этнической принадлежности и основных черт культуры древних и средневековых племен и народностей, тех многочисленных «предков», которые участвовали в формировании изучаемого народа, паселя на разных исторических этапах территорию, где он сложился и обитает в настоящее время.

Само собою разумеется, что в этих исследованиях большое значение имеют также определение территорий расселения и направлений передвижения отдельных этнических групп и данные о взаимоотношениях автохтонного населения с пришлыми элементами.

«Прослеживание процессов этнических взаимодействий в рамках определенных, естественно и исторически ограниченных территорий и составляет содержание этногенетических исследований».¹

С этой точки зрения с изучением проблемы этногенеза каракалпакского народа тесно связаны материалы, описанные нами в первой части настоящего очерка. Многочисленные этнонимы каракалпакских племен и родов в некоторых случаях убедительно свидетельствуют об участии определенных этнических элементов в каракалпакском этногенезе. Сохранившиеся в памяти народа воспоминания о местах обитания и о последовательности

¹ С. П. Толстов. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии, стр. 303—304.

передвижений отдельных племен, родов и родо-племенных объединений, при тщательном критическом сопоставлении их с имеющимися историческими данными, становятся весьма важным источником для характеристики поздних этапов этногенеза каракалпаков, связанных с их современной этнической территорией в низовьях и дельте Аму-Дарьи.

Вопрос о древнейших этапах этногенеза каракалпаков до последних лет не ставился ни в исторической, ни в этнографической науке. В литературе фигурировало в качестве общепринятого мнения лишь то положение, что печенеги — «черные клобуки» русских летописей — явились «предками» каракалпаков. П. П. Иванов в своем обзоре русской и иностранной литературы XIX в., содержащей гипотезы о происхождении каракалпаков¹, показал неразработанность проблемы, а также и то, что специалисты-тюркологи даже и не пытались проследить более ранние, чем период средневековья, этапы формирования каракалпакского народа; до известной степени правильное отождествление каракалпаков с «черными клобуками» базировалось у большинства авторов лишь на формальном сходстве семантики этих этнонимов. Правда, Ховорс² пытался привлечь для доказательства своих этногенетических построений дополнительные исторические источники, обнаружив, благодаря этому, промежуточный (после XI — XII вв.) ногайский этап этногенеза каракалпаков, до их обособления в самостоятельную народность, зафиксированную историческими источниками XVI в. Однако П. П. Иванов, критикуя Ховорса, справедливо указывает на чрезмерную упрощенность его взглядов и неубедительность его доводов по поводу полного отождествления каракалпаков с ногаями, в то время как источники свидетельствуют лишь о вхождении племен «черношапочников» — каракалпаков в племенной союз кыпчаков, роль которых в этническом составе ногаев совершенно недооценивается Ховорсом.³

Подобного же рода попытку связать предположение о ближайшем родстве каракалпаков и печенегов с историческими данными, в частности с историческими событиями, происходившими в Восточной Европе в связи с монгольским завоеванием, мы видим у Вамбери,⁴ который настойчиво искал «родину» каракалпаков на Поволжье, в Восточной Европе. Со свойственной ему легковесностью в научных суждениях, базируясь лишь на двух-трех легендарных каракалпакских преданиях,⁵ А. Вамбери строит целую историческую гипотезу и отказывается даже от включения каракалпакского и башкирского языков в одну группу с «киргизскими» (казахским, кыпчакским) на том основании, что «каракалпаки пришли в Среднюю Азию с Волги».

Это утверждение Вамбери уже в свое время вызывало серьезные сомнения среди русских специалистов-тюркологов.

Несмотря на незначительное место, уделенное каракалпакам в «Заметках» Н. А. Аристовой, последний спор в этой книге с Вамбери по поводу их происхождения, причем высказывает совершенно правильные мысли о связи каракалпакского этногенеза со среднеазиатскими народами. «Никаких данных, — пишет он, — указывающих на происхождение каракалпаков и башкиров от других тюркских племен, а не от тех, от которых происходят киргиз-казаки, Вамбери не приводит... Между тем, сведения о родах каракалпаков и башкиров удостоверяют, что

¹ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 9—42.

² H. Howorth. History of the Mongols, part. II.

³ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 19—20.

⁴ H. Vambery. Das Türkenvolk in seinem ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885, S. 373—381.

⁵ Анализ этих преданий см. ниже.

народности эти составились в значительной мере из тех же тюркских племен, как и киргиз-казаки». И далее: «Хотя каракалпаки, по их преданию, пришли в бассейн Аральского моря с берегов Волги и примесь создавшей особенности их (антропологического.— *Т. Ж.*) типа не выяснена, тем не менее едва ли можно сомневаться, что тюркские племена, которые составили этот народец, вышли на Волгу из азиатских степей».¹

Все же и в русской исторической и этнографической литературе проблема этногенеза каракалпаков затрагивалась лишь в общих, обзорных работах, специально же не ставилась и не разрабатывалась; даже гипотеза о связи их с печенегами не была окончательно принята: «Может быть, и правы те ученые,— писал тот же Н. А. Аристов,— которые производят каракалпаков от печенегов».² Столь же неопределенно было мнение В. В. Бартольда: «Совершенно неизвестно, можно ли сблизить современных каракалпаков с «черными клобуками» средневековых русских летописей».³

Прав был П. П. Иванов, рассмотревший в своих трудах все основные источники по истории каракалпаков, когда писал (в 1935 г.), что «вопрос о происхождении каракалпаков... до сих пор не получил в науке достаточного освещения и все высказывавшиеся на этот счет суждения пока не вышли за пределы более или менее вероятных гипотез».⁴

Для разрешения этой проблемы истории и этнографы стали перед необходимостью: во-первых, определить основные методологические предпосылки изучения этногенеза каракалпаков, связав этот вопрос с общей проблемой этногенеза народов Приаралья и Средней Азии и углубив хронологические границы исследований за рамки X—XII вв.; во-вторых, организовать специальные работы по выявлению новых источников в области археологии, истории и этнографии, касающихся древнего, средневекового и современного населения указанных территорий.

В августе 1942 г. на происходившей в Ташкенте сессии Комиссии по этногенезу и этнографии Академии Наук СССР, посвященной этногенезу народов Средней Азии,⁵ были впервые намечены, на основании 15 докладов видных специалистов-историков, археологов, антропологов, этнографов и лингвистов, основные территории и узловые этапы этногенеза узбеков, таджиков, туркмен, казахов, киргиз и каракалпаков.

Освещая проблему происхождения каракалпаков, в своем докладе на этой сессии С. П. Толстов наметил территориальные и хронологические рамки, в которых протекал их этногенез. Древнейший этап формирования каракалпаков, по его мнению, был связан с «массагетами болот и островов», упоминаемых Страбоном (V в. до н. э.) в числе племен, населявших области Приаралья.

Узловым этапом оформления основных этнических признаков каракалпакской народности, по мнению С. П. Толстова, был, вероятно, период средневековья — IX—XI вв., когда значительная часть племен, участвовавших в этногенезе каракалпаков, входила в печенежский союз, также тесно связанный своими этническими корнями с территорией Приаралья.

Эти положения поддержало большинство участников сессии; они имели большое значение, направив внимание исследователей к Приаралю как к основному центру и главной территории формирования каракалпаков.

¹ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, стр. 453. (Разрядка наша.—*Т. Ж.*)

² Там же, стр. 311, примечание.

³ В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов, Ташкент, 1928, стр. 29.

⁴ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 9.

⁵ Отчет о сессии и тезисы докладов опубликованы в сборнике «Сов. этнография», т. VI—VII, 1947.

Пора было покончить с бесплодными поисками «родины» каракалпаков в Восточной Европе, — где-то в районах Крыма, Украины и Поволжья, и с рассказами о бесконечных «скитаниях» этого народа по направлению к востоку вплоть до случайного поселения его в низовьях Сыр-Дарьи.

Этнографические и фольклорно-лингвистические работы, развернувшиеся в советский период, все более подтверждают предположения Аристова о «родине» (первоначальной территории этногенеза) каракалпаков в бассейне Аральского моря и «азиатских степях». Антропологические исследования среди каракалпакского населения, правда еще недостаточно широко поставленные, также неоспоримо свидетельствуют о среднеазиатских истоках каракалпакского этногенеза.

В своей статье «Антропологический тип каракалпаков», основанной на исследованиях 1928—1931 гг., А. И. Ярхо пишет: «Мы полагаем, что больше оснований считать, что образование каракалпаков произошло не в отдаленной от Средней Азии территории, а поблизости от нее в той же этнической и расовой среде, в которой сложились и другие народы Средней Азии».

Это не значит, однако, что связь народностей и миграции, в частности печенегов и других кочевников, с Запада на Восток должны полностью отрицаться, но факт одной и той же расовой основы каракалпаков и многих других среднеазиатских тюрок должен быть принят во внимание при решении исторических проблем».¹

Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР (1937—1949 гг.) — новый, богатейший источник, позволяющий сейчас уже подойти вплотную к разрешению проблемы исторического формирования каракалпаков и других народов, населяющих низовья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи с прилегающими к ним степями Приаралья. Как мы уже говорили выше, эти новые материалы и основанные на них заключения содержатся в трудах С. П. Толстова, вышедших из печати за период 1945—1948 гг.²

Особенно важным и плодотворным с этой точки зрения явилось археологическое изучение Ингикентской группы городищ (Джанкент, Куюк-кала и Куюк-Кескен-Кала), расположенных на низменной, влажной равнине острова, на Аральском море, между устьями Сыр-Дарьи и пересохшей Куван-Дарьи. Городища оказались памятниками огузов, сохранившими и доогузские культурные слои, восходящие к древнейшим периодам истории племен Приаралья.³

Отсылая читателя к указанным трудам этого исследователя, мы попытаемся здесь изложить вкратце лишь основные вехи этногенетических построений С. П. Толстова и связать с установленными им главными этапами каракалпакского этногенеза некоторые этнонимы каракалпакских племен и родов, а также — данные народных традиций и исторических преданий о районах обитания каракалпаков до XVI в., когда появляются уже первые достоверные сведения о них в исторических источниках.

4. ЭТНОНИМЫ КАРАКАЛПАКСКИХ ПЛЕМЕН И РОДОВ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА КАРАКАЛПАКОВ

Основой процесса формирования народов Приаралья, в том числе каракалпаков, как полагает С. П. Толстов, явились древние сакско-массagetские племена, в первую очередь племя а п а с и а к о в — «водных саксов», жившее у южных берегов Аральского моря, от Узбоя до Жаны-

¹ А. И. Ярхо. Антропологический тип каракалпаков. «Труды Хорезмской экспедиции АН СССР», т. I (печатается).

² См. «Введение».

³ С. П. Толстов. Города огузов. «Сов. этнография», № 3, 1947.

Дарьи. Это племя массагетской конфедерации упоминается Страбоном под названием «массагетов болот и островов». Около начала нашей эры апасианки выступают уже под именем алан, арсиев (аорсов) или асов (ясов, ятиев), воспринявших язык североиранского — сарматского типа.

С первых веков нашей эры аланские племена подвергаются влиянию хуннов, проникавших в Приаралье с востока, из районов Семиречья. В середине IV в., незадолго до появления хуннов в Европе, в низовьях Сыр-Дарьи образовалось хуннско-аланско-массагетское варварское государство **кидаритов** со смешанной культурой, памятники которой обнаруживаются в ранних слоях янгикентских городищ. Как это обосновывает в своем исследовании о «городах гузов» С. П. Толстов, историческими преемниками и потомками кидаритов были среднеазиатские «белые хунны» — **эфталиты**, в IV—V в. н. э. вторгшиеся в Мавераннахр и Хорасан. Видимо, в VI—VII вв., в период вхождения Приаралья в состав обширного западнотюркского каганата, произошла тюркизация эфталитов. Таковы были в самых общих чертах взаимодействия различных местных и пришлых этнических элементов в Приаралье, характеризующие древнейший этап каракалпакского этногенеза. Этнографический материал дает возможность проследить некоторые отголоски архаических традиций, связанных с этим периодом, сохранившиеся главным образом в среде каракалпакского племени муйтен.

В первой главе настоящего исследования уже указывалось на некоторое своеобразие каракалпакского племени **муйтои**, жившего в основной своей массе на берегу Аральского моря и на его островах и сохранившего несвойственное другим племенам деление на сапы, или токсаны.

Генеалогические традиции муйтенов насыщены фантастикой: в их легендах повествуется о путешествии предка этого племени на край земли — в царство двух пери, мусульманки и неверной (кафир), о помощи, оказанной Муйтеном «мусульман-пери» в ее борьбе с «кафир-пери». Благодаря Муйтену, первая одержала победу, и в награду за это он был оставлен жить во владениях прекрасной пери. Муйтен стал учить детей в мактабе, а когда он захотел вернуться на родину, пери предоставила ему для обратного путешествия облако, предупредив, что смотреть с неба вниз на землю запрещено. Однако Муйтен ослушался, взглянул вниз и сразу упал на землю. Он оказался в дремучем лесу, живя в котором одичал и покрылся шерстью — отсюда его прозвище «муй» — «тан», по-персидски «шерсть» — «тело» (так объясняют рассказчики), так как выбраться из лесу смог лишь через много лет.¹

Упоминания о далеких странствованиях, дремучих лесах, столь несвойственных природе приаральских степей, наконец, название племени, действительно как будто связанное не с тюркскими, а с иранскими корнями, вызывало в свое время у некоторых исследователей предположение о чуждом для каракалпакского этнического комплекса иноземном происхождении муйтенов. Ставился даже вопрос о возможности связей их с переднеазиатскими митанни, основавшими могущественное государство в бассейне Евфрата во втором тысячелетии до нашей эры. Однако нет никаких исторических данных для построения теорий о подобных грандиозных миграциях из областей Двуречья в южнорусские степи и далее на Восток каких-либо племен, связанных с митанни. К тому же этнографические наблюдения приводят нас к обратным выводам — о весьма давнем обитании муйтенов в юго-восточном Приаралье.

Мы уже указывали, что упоминание санов в источниках первой половины XVIII в. связывается с каракалпакской Морской волостью, в состав

¹ Полевые записи № 1, 3, 1946.

которой, очевидно, входил упоминающийся в этом же цикле документов «митанский род». Об исконной связи этого племени с рыболовством говорит каракалпакский фольклор, в котором заключается множество насмешливых «жавабов» и поговорок, иногда весьма архаического типа, характеризующих муйтенов как рыболовов:

Так называемые муйтены
Ставят юрты в низинах,
На свадьбу ездят, садясь на шуку,
Твои солнечные (цвета солнца) иноходцы — шуки,
Не обижайся на меня, муйтен!
... Муйтены таскают рыбу,
Дикую, необъезженную рыбу укрощают...
Муйтен свою арбу погоняет,
Смазывает жиром усача...
... Девушки из муйтенов потягиваются,
Сухую рыбу таскать ленься.
Дверь твою открытой не оставляй, муйтен,
На твоём торе (почетном месте) в юрте видна сухая рыба!¹

На ту же специфику хозяйства муйтенов указывает их тамга, имеющая вид и название остроги — шанышкы, основного орудия лова рыбы у каракалпаков в прежнее время.

Собранные этнографической разведкой 1946 г. материалы по старинному костюму, вышивке, ковровому орнаменту у муйтенов не обнаруживают каких-либо отличий в их культуре сравнительно с другими племенами каракалпаков. Орнамент ковров «каршин» и «есык-кас» у них типично каракалпакский, аналогичный встречающемуся в Чимбайском, Кунградском и других районах. До сих пор сохраняется у муйтенов типичная для каракалпакского старинного костюма вышивка крестом на платье и халате-пакидке «жегде», а также нарукавники «женгсе», головной убор «кимешек» и т. д. Орнамент резьбы по дереву часто носит весьма архаический местный характер; так, в одной из юрт на резной двери некоторые розетки орнамента аналогичны обнаруженным на стенных росписях позднеантичного замка Топрак-кала, раскопки которого производятся в настоящее время в Кара-Калпакской АССР Хорезмской экспедицией Академии Наук СССР.

Кроме Кара-Калпакской АССР, каракалпаки-муйтены обитают еще в бассейне Зеравшана, где они, по сведениям Гребенкина, были объединены с уйшунами, составляя отдел «уйшун-митан-каракалпак».² (Усуни — название древнего современного хуннам племенного союза, располагавшегося главным образом в районах Семиречья и озера Иссык-Куль.) Помимо каракалпаков, название муйтен встречается только у узбеков, причём в районах, где последние живут в непосредственном соседстве с каракалпаками: например, в Зеравшанской долине, в Хорезме. Как сообщает Гребенкин, зеравшанские муйтены утверждают, что они — ногаи, были в России и у них поют песни о России. В собранных нами у муйтенов легендах действительно имеется так называемый ногайский пласт, свидетельствующий о том, что муйтены разделяли судьбы части каракалпаков, пребывавших в известный период своей истории в степях Восточной Европы.³

Что касается более древних пластов исторического фольклора, то одно из муйтенских сказаний, записанное А. С. Морозовой и возводящее их

¹ Приведенные образцы фольклора любезно предоставлены нам Н. А. Баскаковым.

² Г р е б е н к и н. Указ. соч., стр. 99.

³ См., например, полевую запись № 3 1946 г. о жизни муйтенов в Крыму, на Едиле и Жанно.

происхождение к библейскому Ийсу (Исаву), привело С. П. Толстова к предположению, что в нем, вероятно, «надо видеть исламизированное осмысление имени прародителя, связанное с этнонимом Исав или Ясов-аланов».¹

Еще более древние мотивы, восходящие к скифо-массагетской эпохе и среде, видит этот автор в каракалпакском эпосе «Кырк-Кыз», записанном среди муйтенов и воспевающим подвиги 40 девушек-амазонок и их предводительницы Гулаим.

«С фракийско-массагетской культурной традицией, видимо, связан древний пласт каракалпакского эпоса «Кырк-Кыз», в котором сюжет амазонок выступает наиболее ярко, сохраняя даже детали, связанные с породившей амазонство системой возрастных классов и в котором можно видеть отголосок массагетского эпоса о Томирис... Характерно, что именно в Приаралье, к северу от Хорезма, византийские послы в VI в. застали тюркские племена, управляемые женщиной».² Здесь будет уместно напомнить, что уран муйтенов — «Ак-шолпан!» (белая Венера) также считается женским именем.

В противоположность вышеприведенной легенде, где описывается пребывание Муйтена в дремучем лесу, муйтенский эпос «Кырк-Кыз» описывает болотно-озерный ландшафт, типичный для низовий рек и островов. На острове, подаренном ей отцом, предводительница амазонок Гулаим строит свою крепость и разбивает белую юрту — отау. Бай Аллаяр, устраивая поминки по своему отцу, созывает «дальних и близких ишанов» на один остров, где находится родовое кладбище (строфа 106). Гулаим наблюдает, как «охотники по берегам зеркальных озер идут» (строфа 136), видит «на канре пасущихся овец» (строфа 137), в минуты волнения ее «рука дрожит словно камыш» (строфа 135); Аллаяр, обращаясь к дочери, говорит: «Как из глубины вод пробивающийся камыш, растущий на озерах, склонив голову, стоит перед тобой твой отец» (строфа 120) и т. д.³

Сочетание в этнографических материалах своеобразных отличительных черт племени муйтен (в частности воспоминание о пребывании в «местностях с дремучими лесами») с данными, говорящими о давности их обитания в юго-восточном Приаралье, как нам кажется, может быть объяснено этнической разнородностью составляющих его частей.

Муйтены состоят из четырех основных родов: кентенау, абыз, тели и самат.

Племя тели упоминается в древнетюркских надписях. «Тюркский каганат объединил при своем возникновении ряд разноязычных, этнически разнородных племен. Его ядром были племена, населявшие районы алтайского горного узла. Уже в 536 г. они включают в свой состав племена теле... Объединенные силы алтайских племен и теле составили ту живую силу восстания, которая ликвидировала жужжанское господство в 552 г.»⁴.

Осколки древнего племени тели, видимо, вошли в число этнических элементов, составивших впоследствии каракалпакское племя муйтен; подобное же явление мы видим и у казахов Младшего жуза, где существует род телеу с аналогичным другому муйтенскому родовому этнониму подразделением — самат.

¹ С. П. Толстов. Основные итоги и очередные задачи изучения истории и археологии Кара-Калпакии и каракалпаков. Доклад на выездной сессии АН УзССР в Нукусе, Бюллетень АН УзССР, 1945, № 9—10, стр. 13.

² Там же.

³ Цит. по подстрочному переводу эпоса «Кырк-Кыз» У. Кожурова (Каракалпакский Ин-т экономики и культуры АН УзССР). Вышедший из печати в 1949 г. поэтический перевод эпоса, сделанный С. Сомовой, неточно передает содержание оригинала.

⁴ А. Н. Бернштам. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков VI—VIII вв. М.—Л., 1946, стр. 82 и 83.

Если эта группа родов может связывать этногенез муйтенов с Алтаем и Сибирью, то другая группа твердо локализует их в Приаралье. Название кент-танау объясняется как прозвище «широкие ноздри» (такая трактовка зафиксирована, кроме наших записей 1946 г., также и Н. А. Баскаковым в 1930 г.). Самими муйтенами, принадлежащими к этому роду, название произносится как кенте-нау; в этом произношении слово приобретает другой смысл и из иранских корней может быть переведено как «новое селение», тождественное по смыслу названию Джаны-кент, т. е. этот этноним оказывается связанным с местностью, прилегающей к г. Джанкенту в низовьях Сыр-Дарьи, где муйтены впервые были отмечены историческими источниками.

Возможно и несколько иное объяснение этнонима «кенте-нау», связанное с дотюркской — кидарито-эфталитской этнической средой. С. П. Толстов поддерживает высказанную уже давно П. И. Лерхом и Н. И. Веселовским гипотезу о происхождении названия среднеазиатских хуннов — «кидариты» не от имени их царя (существование которого лишь предполагается), а от названия местности в восточной части нижней дельты Аму-Дарьи — Кердер. Это название сохранялось в топонимике Хорезма очень долго и часто встречается в трудах арабских географов. «В связи с этим надо вспомнить, — пишет автор «Городов гузов», — что, по свидетельству Мас'уди (ум. в 956 г. н. э.), причиной движения тюркских племен в конце IX в. в Европу была имевшая место «у моря Гурганча» (Аральское море) борьба «между этими четырьмя тюркскими племенами Баджанака, Баджане, Баджгард и Наукерде, с одной стороны, и гузами, карлуками и кимаками — с другой»;¹ анализ этнонима Наукерде — названия племени, объединенного с печенегами и башкирами, приводит С. П. Толстова к выводу о соответствии его значения названию «Новый город», «Новое селение»: «нау» — является иранским словом, обозначающим «новый», а «kerd» — одна из древних индоевропейских основ для термина «город», от которой автор производит и название Кердер — «страна городов».

Само собой напрашивается предположение о возможности замены в названии племени наукерде архаического «kerd» иранским синонимом «kent», термином, столь распространенным для обозначения селений в Средней Азии. В результате этого мог возникнуть интересующий нас этноним — кенте-нау, соответствующий раннесредневековым янгикентцам-наукерде, связанным, по свидетельству Мас'уди, союзными узами с печенегами и башкирами и принявшим участие в каракалпакском этногенезе. С другой стороны, еще более убедительным подтверждением связей этногенеза племени муйтен с областью Приаралья является тот факт, что в фольклорных материалах, собранных Н. А. Баскаковым в 1930 г., у муйтенов встречается упоминание рода к е р д е р л и :

Девушки из рода кердерли,
Гуляющие, приходят,
джигитам, которые гуляют по ночам,
Цветы дающие, — приходят...²

Область Кердер довольно точно локализуется арабскими географами. По их данным, имя Кердер носил канал, бравший начало из Аму-Дарьи близ Кята и протекавший по руслу Кок-узьяка — Куваныш-джармы — Янысу. На канале стоял одноименный город, существовавший еще до арабов,

¹ С. П. Толстов. Города гузов, стр. 77; автор цитирует Маркварта — «Über das Volkstum der Komänen», Berlin, 1914, S. 26.

² Подстрочный перевод Н. А. Баскакова. По его записям, название рода обозначает «гостеприимный» — букв.: «говорящий — войди» (кир — дерли).

бывший пограничным пунктом Хорезма на севере, в дельте Аму-Дарьи.¹ Рекогносцировкой нашего этнографического отряда в 1947 г. в Кегейлинском районе обнаружены на берегу протока Чортамбай развалины Хайван-кала, по всем данным соответствующие городу Кердер.²

Название каракалпакского рода кердерли, повидимому, связано с давним обитанием его в этой местности. П. И. Лерх и Н. И. Веселовский, считая, как мы уже упоминали, Кердер памятником владычества в Хорезме эфталитов (или кидаритов), указывают, что имя Кердера сохранилось в названии одного из казахских родов Малого жуза — кердери.³

* * *

Следующий этап этногенеза каракалпаков, так же как и других народов Приаралья, охватывает период VII—XI вв. Этнические взаимодействия происходят теперь преимущественно в рамках двух крупных родоплеменных объединений — огузского и печенежского, территории которых соприкасаются.

Огузы — по С. П. Толстову — потомки тюркизированных в VI—VII вв. эфталитов-кидаритов. Культура их, прослеживаемая по материалам «городов гузов» — «болотных» городищ янгикентской группы, — имеет глубокие местные корни, связанные с районами низовий Сыр-Дарьи и Хорезма. Кроме основного эфталито-тюркского этнического элемента, в составе огузов VIII—X вв. имелась значительная прослойка индоевропейских элементов в лице племен тохаров (тюкер—дюкер) и ясов — алан (языр—язгыр) (см. таблицу 15). Наряду с этим, огузские племенные названия кайы, баят и баяндер свидетельствуют о проникновении в среду огузов монгольских элементов еще за пять столетий до монгольского завоевания. Наконец, большую роль в составе огузов играли печенежские племена.

Касаясь этногенеза печенегов, С. П. Толстов полагает, что этнической базой их, как и огузов, являлись древние индоевропейские племена сако-массагетского и сармато-аланского происхождения, подвергшиеся затем тюркизации; согласно Махмуду Кашгарскому, печенежский язык был близок болгарскому и суварскому. Повидимому, в этногенезе печенегов большую, чем у огузов, роль играли протоугорские элементы, в частности в нем могли участвовать йирки, упоминаемые Геродотом как жители районов Приуралья, тюркизированные потомки которых вошли одним из основных компонентов в состав башкир.

Обратимся к материалам каракалпакской родо-племенной системы и народных преданий, подтверждающих связь каракалпакского этногенеза с огузами. С этой точки зрения вызывает интерес род ж а б ы и л и я б ы племени кыпшак. Выше мы писали, что каракалпакский род жаббы или ябы упоминается в «Показаниях» Гладышева, и в 40-х гг. XVIII в. он обитал в низовьях Сыр-Дарьи. О политическом влиянии и силе этого рода в указанный период говорит тот факт, что депутация ко двору императрицы Елизаветы Петровны возглавлялась представителем этого рода — Хальвет-шейхом.

¹ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, 1914, стр. 82.

² С. П. Толстов. Отчет о работах Хорезмской экспедиции 1947 г.; Известия Отделения истории и философии АН СССР, V, № 2, 1948, стр. 190.

³ P. Lersch. Khiva oder Kharezin Seine historischen und geographischen Verhältnisse. St.-P., 1873; S. 30 и Н. И. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877, стр. 13.

В первой части нашего исследования указывалось также, что старики-каракалпаки племени кыпшақ считают этот род одним из старейших; они говорят, что это — первый каракалпакский род, принявший ислам. При этом прежнее место обитания его в рассказах стариков — «Казахстанский Кара-Кум» — совпадает с территорией его кочевков, указанной в материалах Гладышева.

Наименование «жабы́» (ябы́) население объясняет как название рабочей лошади, обычно противопоставляемое названию бидеу (скакун). В народе распространено много анекдотов, высмеивающих этот род, имя которого ассоциируется с каракалпакским термином для неказистой, простой лошади. По преданию, когда Баймурат, происходивший из рода жабы́, пришел к Хивинскому хану просить угодий для своего рода, он обратился к хану с речью, в которой сказал: «Я — жабы́, всякий задевает меня, насмехается надо мной; у меня на спине уже появились раны (в том смысле, что все понукают его и ездят на нем, как хотят); уши мои перестали слышать — столько горьких слов говорили мне. Дайте мне возможность объединить весь род жабы́, дайте землю для нашего рода!»¹

На наш взгляд, отождествление названия рода жабы́ с лошастью — явление народной этимологии, позднейшее осмысление родового имени, происхождение которого было забыто и стало непонятно народу. Подобное же явление произошло с монгольским племенным названием конграт, которое расшифровывается узбеками и каракалпаками как «конгур-ат» — «гнедая лошадь».

Происхождение этого рода, по всей вероятности, связано с наименованием средневековых правителей огузов, носивших титул «ябгу» или «жабгу», и со средневековым же народом ябаку.

Гардизи в своем труде «Украшение известий» сообщает предание о происхождении этого народа в связи с рассказом о тюрках халлухах (карлуках). Легенда повествует, что слуга тюркского военачальника Халлуха, совершив проступок и боясь возмездия, бежал в страну токуз-огузов. Там его прозвали Ябагу и сделали начальником над всеми людьми Халлуха, жившими во владениях токуз-огузского кагана. Созданное таким образом племя было названо «ябагу-халлух». Впоследствии, после женитьбы туркестанского хана на похищенной у ябагу халлухов девушке, этот хан призвал к себе ее родных. «Когда они пришли — он всем отвел участки обработанной земли и призвал к себе остальную часть племени... все племя отправилось туда. Когда их собралось много, царь поселил их, в качестве иностранцев, в своих владениях и дал им... (непонятное слово в рукописи Гардизи)». «В Туркестане много племен, происходящих от этого племени ябагу-халлух, но подробности о них не стали известными», — заключает Гардизи.²

О народе ябагу, жившем в его время (в XI в.) западнее киргизов, упоминает и Махмуд Кашгарский.³

Таким образом, в исторических источниках прослеживается связь между титулом ябгу и одноименным племенным названием.

Подобная же связь могла существовать между огузским ябгу и каким-либо из огузских племен или родов, находившемся в непосредственной родственной связи с правителем, носившим этот титул. Между тем нам точно известно, что «царь, т. е. ябгу, огузов жил или по крайней мере прес-

¹ Полевая запись № 24, 1948 г.

² Гардизи. Украшение известий, см. В. В. Бартольд. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893—1894 г. Приложение. Записки имп. Акад. наук, т. I, № 4, СПб., 1897, стр. 104—105.

³ См. В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов, стр. 13.

водил зиму в местности по нижнему течению Сыр-Дарьи», и далее: «главным ... (из городов X в. в стране гузов) был город, получивший название «Новое селение»... впоследствии Янги-кент... местоположение его до сих пор определяется развалинами Джанкент. Зимой там жил «царь» огузов».¹

Совпадение территорий жабынского каракалпакского рода (Гладышев ездил пменно в район Джанкента, где находился центр жабынских кочевий) с данными о ставке огузских ябгу и сопоставление этого с подтверждаемым историческими источниками наличием в Туркестане «многих

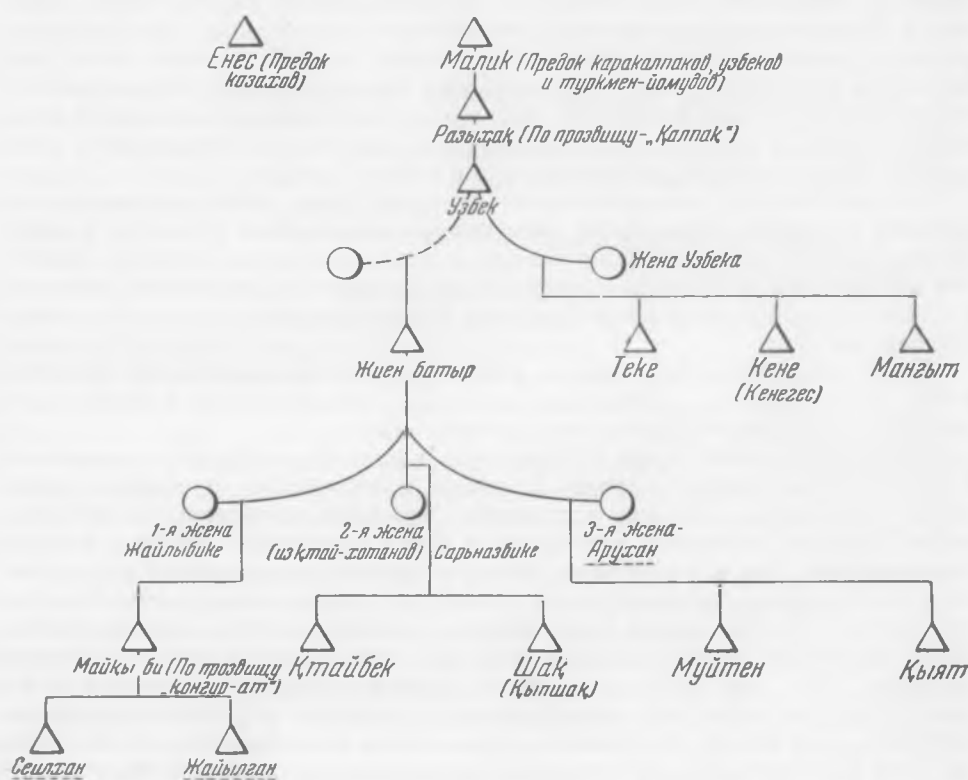

ТАБЛИЦА 16,

Легендарная генеалогия каракалпакских племен по «Шежире» Бердах-шаира.

Примечания: 1. Крупным шрифтом выделены имена, соответствующие названиям каракалпакских племен и туркменскому племени теке. 2. Подчеркнуты пунктиром имена, соответствующие уранам каракалпаков и туркмен. 3. С прозвищем Майкы-бил «Конгыр ат» связывается народной этимологией происхождение родо-племенного этнонима «конграт».

племен ябагу» (Гардизи), несомненная знатность и политическое преобладание (возможно традиционное) жабынского рода каракалпаков в XVIII в., а также локализация территории предков нынешних каракалпакских жабь-кыпшаков на юго-востоке от Аральского моря — все это дает основание полагать наличие и этнической преемственности между каким-то огузским

¹ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. Сб. «Туркмения», т. I. Л., 1929, стр. 15.

племенем, получившим название по титулу царя-ябгу, с каракалпакским «жабынским родом» XVIII в., название которого, вероятно, сохранилось до настоящего времени среди каракалпаков племени кыпшак в Чимбайском районе К.-К. АССР.

Мы полагаем, что род жабы или ябы у каракалпаков — одно из многих свидетельств этнических связей каракалпаков с огузами, основным элементом, вошедшим в состав туркменского народа. Эта связь намечается уже давно в различных этнографических наблюдениях и материалах. Так, например, среди огузских родов в списках Рашид-эд-дина и Махмуда

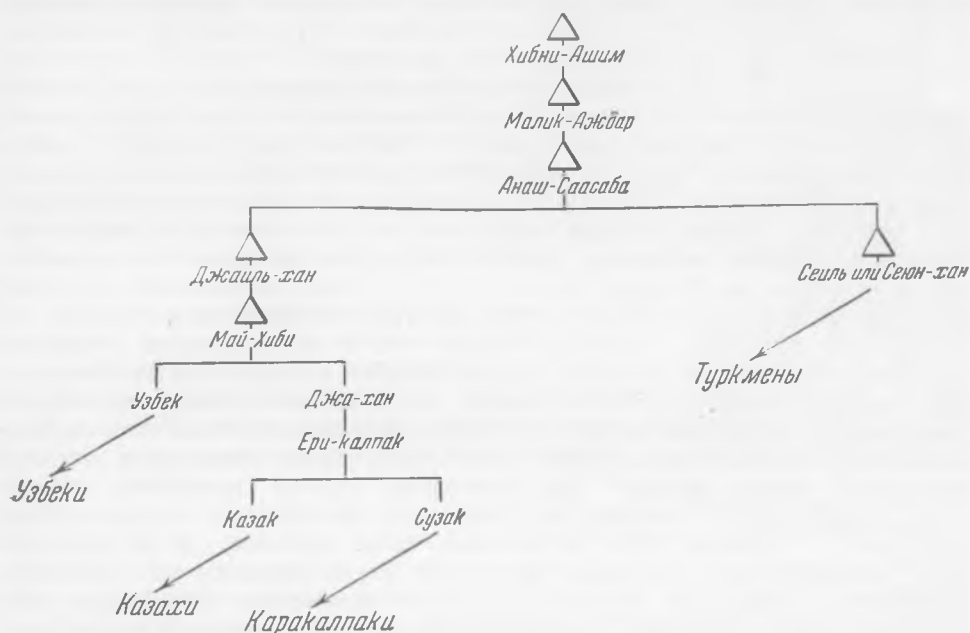

ТАБЛИЦА 17.

Начало общей родословной туркмен, узбеков, каракалпаков и казахов.
Записана в Хиве Гиршфельдом в 1900 г.

См. Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, т. II, стр. 66, Ташкент, 1902.

Примечание: имена даны в транскрипции Гиршфельда.

Кашгарского мы встречаем названия племен, тесно связанных с этногезом каракалпаков, в частности «бичина» (печенег).

Рассмотрение генеалогий каракалпаков, — изложенной Бердах-шаиром в его «Шежире» (см. табл. 16), записанной Гиршфельдом в 1900 г. (см. табл. 17), а также записанных нами во время полевых работ, — подтверждает устойчивую традицию этнического родства каракалпаков с туркменами. Собранные нами в нескольких вариантах легенды¹ об одном из этапов истории переселения каракалпаков с Сыр-Дарьи в Хорезм (легенды опубликованы в статье С. П. Толстова «Города гузов») повествуют о совместном пребывании каракалпаков с туркменами на Сыр-Дарье и последовавшем затем (очевидно — в XI в., в связи с сельджукским движением) массовом уходе туркмен на запад, движении, в которое были вовлечены частично и каракалпаки, осевшие по пути в Хорезме.

¹ Полностью записи: № 14, 1945; № 16, 1946.

Интересно, что один из вариантов этой легенды сохранился и записан Хорошхиным¹ у туркмен, обитающих в горах Нур-ата и являющихся, как это уже доказано изучавшей их в 1945 г. В. Г. Мошковой,² остатком туркменской группы, частично осевшей в Нуратинских горах во время селдджукского движения XI в. Родовой состав этих туркмен совпадает с названиями родов хорезмских узбеков и каракалпаков.³

По последним исследованиям В. Г. Мошковой, своеобразный орнамент ковров нуратинских туркмен весьма близок к каракалпакскому. Исследование других видов народного искусства и материальной культуры каракалпаков (вышивка, ювелирные изделия, некоторые предметы одежды) также дает возможность конкретно проследить эти огузо-туркмено-каракалпакские связи на этнографическом материале.

Печенеги. По сообщению Константина Багрянородного, «Печенеги сначала жили возле рек Волги и Яика и соседями их были народы, которые называются Мазари (мадьяры.— *Т. Ж.*) и Узы (огузы.— *Т. Ж.*). Пятьдесят лет назад так называемые Узы, согласившись с Хазарами и напавши на Печенегов, одолели их и выгнали из собственной страны».⁴ Как известно, в связи с этими событиями, в 915 г. печенеги уже упоминаются в русских летописях, указывающих, что «в лето 6423 придоша печенези первое на Русскую землю». В X в. печенеги занимали всю территорию южнорусских степей между Хазарией и Византией. Однако византийские источники свидетельствуют, что в передвижении печенегов на запад участвовал не весь этот народ: «должно знать,— пишет Константин Багрянородный,— что в то время, когда Печенеги были выгнаны из своей земли, некоторые из них по своей воле и по взаимному соглашению остались там и стали жить вместе с так называемыми узами и до сих пор находятся между ними».⁵ Эта восточная группа печенегов, именуемая «тюркской» в отличие от западной «хазарской», прочно объединилась с «узами» или «торками», т. е. огузами, и в дальнейших исторических событиях (в борьбе с половцами, во взаимоотношениях с Киевской Русью) в XII в. неизменно выступала уже совместно с ними. Вместе с торками печенеги этой группы и поселились на реке Рось.

Процесс объединения и слияния восточной группы печенегов с огузами происходил не только у границ Киевской Руси, но, видимо, и в Приаралье, доказательством чего является крупное и влиятельное племя бичина в составе огузов, из числа которого, по Рашид-эд-дину, избирался один из двух беков левого крыла огузского племенного союза. Именно эта восточная группа печенегов, тесно связанная с огузами, считается современными исследователями основной базой каракалпакского этногенеза на его средневековом этапе. «Тюркские» печенеги, подвергшись в XI—XIV вв. сильным влияниям со стороны огузов, кыпчаков и тюркизированных монголов и включив в свой состав значительные группы отесненных обратно на восток потомков западных печенегов, также сильно этнически видоизмененных (с этим обратным движением, видимо, связаны «крымские» и даже «малоазийские» мотивы в генеалогических преданиях каракалпаков),

¹ Хорошхин. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876, стр. 513.

² В. Г. Мошкова. Этнографическая экспедиция к туркменам Самаркандской области. «Сов. этнография», 1946, № 1, стр. 241—242.

³ Материалы по районированию Средней Азии, кн. 1. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара. Ташкент, 1926, стр. 204—206.

⁴ Цит. по П. Голубовскому. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, гл. II, Киев, 1884, стр. 36.

⁵ Там же, стр. 45.

явились этнической основой восточных ногоаев и затем исторических каракалпаков XVI и последующих веков».¹

Описанная нами в предыдущих главах родо-племенная структура каракалпаков — одно из доказательств этнической преемственности печенегов и каракалпаков. Сопоставляя эту структуру с хунно-огузской, реликты которой имеются у туркмен, неизменно, как мы указывали выше, сохраняющую традицию 24 племен (дробление родо-племенной организации по формуле $1 : 2 : 3 : 4$), С. П. Толстов пишет: «Существенно отметить, что именно у каракалпаков и у близко родственных им хорезмских узбеков сохранилась одна особенность военно-племенных союзов XI в., находящаяся в противоречии с гуннской схемой деления на 24 племена (по формуле $1 : 2 : 3 : 4$) и зарегистрированная Константином Багрянородным у печенегов Восточной Европы, у тесно связанных с ними мадьяр X в. Ибн-Фадлан сигнализирует ее наличие у камских булгар в X в. Я имею в виду деление на 2 крыла, далее — на 4 основных подразделения, в ряде случаев затем делящихся каждое еще на два, давая в конечном итоге систему восьми племен, в наиболее полных генеалогиях распадающихся каждое на 5 (всего 40) родов (см. род бес-сары у племени ктай, бес-кемшир — у колдаулы. — *Т. Ж.*). Таким образом, если гунно-огузская схема может быть выражена формулой $1 : 2 : 3 : 4$, то формула «печенежская» будет $1 : 2 : 2 : 2 : 5$ ».²

В этой же печенежско-огузской среде впервые в XII в. появляется этнический термин «каракалпаки» в форме «черные клобуки». Вступившие в договорные отношения с русскими князьями и получившие от них пограничные земли для поселения под условием защиты русских границ, «черные клобуки» весьма часто упоминаются в летописях. Центром «черноклобуцких» поселений был город Торческ в Поросье (река Рось — приток Днепра).

Как пишет академик Б. Д. Греков, «Черные клобуки», долго живя в Русской земле, выступая рядом с русским войском, в конечном счете неизбежно входили в состав русского государства и делались ее гражданами. Они сами, например, говорили князю Юрию Долгорукову: «Мы... умираем за Русскую землю с твоим сыном и головы свои складываем за твою честь».

Вполне понятно, что долгое сотрудничество двух народов родило и общие интересы. В конечном счете мы видим, что «черные клобуки» принимают самое активное участие и в политической жизни Киевского государства, ставшего для них родиной. Сын Юрия Долгорукова Ростислав после неудачного опыта службы у киевского князя Изяслава обращается к своему отцу в 1149 г.: «Слышалесмь, оже хочет тебе вся Русская земля и черные клобуки». Смерть киевского князя Изяслава оплакивали «вся Русская земля и все черные клобуцы», а когда на киевский стол прибыл новый князь Ростислав, внук Мономаха, то «быша ради ему вси и вся Русская земля и вси чернии клобуцы обрадовашася». После смерти Ростислава киевляне и «черные клобуки» приглашают Мстислава: «Какие от себя послаша; черные клобуки от себя послаша». Осевшие на территории Киевского государства недавние кочевники входили в состав русского общества и государства и, по выражению летописи, становились «своими».³

Тормин «черные клобуки», впервые появляющийся в источниках XII в., признан в настоящее время ведущими советскими историками Киевской

¹ С. П. Толстов. К вопросу о происхождении каракалпакского народа, стр. 75.

² С. П. Толстов. Города гузов, стр. 97.

³ Б. Д. Греков. Древняя Русь и народы Средней Азии. Правда Востока 9 мая 1943 г.

Руси и Средней Азии (Б. Д. Греков, С. П. Толстов) как перевод на русский язык тюркского этнонима «каракалпаки». За последние годы появляются доказательства распространенности этого этнонима в XI—XII вв. не только по отношению к группе, обитавшей в Поросье, находившейся в составе русского государства и впоследствии, несомненно, в значительной степени ассимилировавшейся с местным украинским населением, но и по отношению к группе, обитавшей на основной территории, в Приаралье.

Об этом свидетельствует исследование П. П. Ивановым (в его последней посмертной статье «Новые данные о каракалпаках») сообщения историка XI в. Абул-Фазла Бейхаки, «употреблявшего в своем сочинении термин «калпак» применительно к предводителю тюркской гвардии хорезмшахов в первой половине XI в.... В качестве собственного имени «калпак» у тюркских народов, насколько известно, не употребляется, вследствие чего можно предполагать, что речь идет скорее о тюркском названии той массы всадников, которую данное лицо возглавляло и по имени которой оно и упоминается у нашего автора. Следует отметить при этом, что наименование того или иного лица по признаку его этнической принадлежности — явление довольно обычное у восточных авторов».¹

Употребление же сокращенного термина «калпак» вместо «каракалпак» довольно распространено как в историческом эпосе и фольклоре (см. например «Шежире» Бердаха), так и в других каракалпакских генеалогиях для обозначения предка этого народа.

Другим существенным доказательством наличия этнонима «каракалпаки» в XII в. является список кыпчакских племен, приводимый Пувейри и характеризующий этнический состав кыпчаков, впитавших в себя, в результате завоевания областей Приаралья, местное население этой территории. В списке одно из племен носит имя «кара-бөркли» — идентичное по своей семантике слову «кара-калпак». Другое племя кыпчаков, упоминаемое наряду с кара-бөркли — «кангуоглы», — также, несомненно, местного происхождения. Это «канглы» — видоизмененное и тюркизированное «кангар», одно из наименований печенегов; под именем канглы в XI—XII вв. возник обширный родо-племенной союз в Приаралье на базе огузско-печенежского населения, смешавшегося с пришельцами кыпчаками. Как полагает С. П. Толстов, самое происхождение термина каракалпаков связано с приходом в Приаралье завоевателей кимаков-кыпчаков:

«Наиболее вероятно предположить, что несомненно тюркский, но до того (до XII в. — Т. Ж.) нигде на востоке не зарегистрированный термин «черные клобуки» является термином половецкого языка, заимствованным русскими у половцев; и далее: «это половецкий (кыпчакско-кимацкий) термин, первоначально применявшийся пришельцами из Прииртышья к огузско-печенежским племенам Приаралья и Сыр-Дарьи и определявшийся действительным типом их головных уборов, до сих пор сохранившихся у каракалпаков и туркмен. Впоследствии он применяется к сохранившему хозяйственные и бытовые традиции этих первоначальных «каракалпаков» смешанному, огузско-кыпчакскому населению Сыр-Дарьи и, после распада ногайского и узбекского союзов, в состав которых входят каракалпаки, окончательно закрепляется за предками современного каракалпакского народа и становится его самоназванием».²

Остановимся на характеристике каракалпакских племен кыпшак и канглы (ныне — род племени кыпшак), происхождение которых связано

¹ П. П. И в а н о в. Новые данные о каракалпаках. «Сов. востоковедение», т. III, 1945, стр. 62.

² С. П. Толстов. Города гузов, стр. 94, 101—102.

с рассматриваемым нами этапом этногенеза каракалпаков, а также племени ктай, как мы полагаем тесно связанного с этим же историческим периодом и с прилегающей к кыпчакским владениям территорией.

П л е м я к а н г л ы. Выше мы указывали, что каракалпакские канглы в настоящее время считаются родом в составе племени кыпшака, но в то же время в более ранних источниках они часто рассматриваются как самостоятельное племя, наряду с кыпшаками. У хорезмских узбеков канглы также были обособлены, составляя в паре с кыпшаками одно из четырех тупе, на которые в XVII в. были разделены эти узбеки.

Канглы имеются и у казахов, а также у башкир.¹ «Большая Орда» казахов, по мнению Аристов, «составилась главным образом из древних племен канглы и дулат»; остаток казахов канглы «обитает ныне... на Сыр-Дарье и Чирчике, в количестве всего около 10 тысяч кибиток».²

Известно, что в русской историографии с этнонимом «канглы» произошло крупное недоразумение. Аристов, анализируя наименование «канглы», вывел его происхождение от «Канка» Авесты и Магабхораты и «Кангюя» китайских авторов, отождествляя кангюйцев с канглы. Кангюй — обширное древнее среднеазиатское государство, территория которого охватывала нижнее течение Аму-Дарьи, Среднюю и Нижнюю Сыр-Дарью и бассейн Зеравшана. В трудах С. П. Толстова Канка-Кангюй отождествляется с древним Хорезмом.³ Как пишет Аристов, «около 129 г. до р. х. китайский посол Чжан-цзянь обнаружил существование на среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи многочисленного народа (120 тыс. семей) к а н г ю й, очевидно тюркского племени канглы, остатки которого и поныне тут уцелели».⁴ Аристов делает двойную ошибку: во-первых, неверно называет древних кангюйцев «тюркским» племенем, для чего нет решительно никаких оснований: тюркизация населения Приаралья произошла, согласно новейшим исследованиям, лишь в IV—VIII вв. н. э.; во-вторых, неправильно отождествляет кангюйцев II в. до н. э. с тюркским родо-племенным объединением канглы, возникшим не ранее XI—XII в.; первые являются более ранним этническим слоем, вероятно лежавшим в основе этногенеза не столько канглы, сколько «кангар»-иченогов.

Аристов дает небольшую сводку исторических событий, в связи с которыми канглы упоминаются в источниках.⁵ Несмотря на отрывочность, скудость и некоторую устарелость приведенных им данных, они свидетельствуют о значительной роли канглы в исторических судьбах Средней Азии и сопредельных стран, об их активном участии в политической жизни могущественных средневековых государств хорезм-шахов, монголов, Тимура. «Во время Тимура канглы продолжали занимать правый берег Сыр-Дарьи, но численность их была уже невелика... В состав киргиз-казахского союза канглы вступили уже в качестве немногочисленного рода».⁶

Как видно из этой цитаты, Аристов локализует канглы в основном в бассейне Сыр-Дарьи. Голубовский также считает их исконной территорией Приаралья: «Канкли занимали те же местности, т. е. степи

¹ С. Руденко. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. I. Физический тип. Пгр. 1916, стр. 28 (см. перечень «канглинских» башкирских дач).

² И. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. 1896, стр. 350—351.

³ С. П. Толстов. К истории Хорезмийских саявушидов. «Изв. АН СССР», сер. истории и философии, т. II, № 4. М., 1945, стр. 281. См. также «Древний Хорезм», стр. 20—25.

⁴ И. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, 1896, стр. 291—292.

⁵ И. Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов, стр. 13—14.

⁶ Там же.

Каспийского и Аральского морей. Затем часть удалилась на восток [автор ссылается при этом на Абульгази, который пишет: «кангли жили вместе с тюркманами; перешедши в область тюркманов, они поселились на берегах Иссык-кюля, Джуды и Телаша, здесь жили много лет»¹], а часть несомненно оставалась на тех же местах до половины XIII в., где их и застаёт Рубруквис...»².

Абульгази подробно описывает роль канглы в политической жизни Хорезма в XII—XIII вв., в особенности при хорезм-шахе Мухаммеде, мать которого Туркан-хатун была родом из канглов. Из «канглийского народа все, бывшие в близком родстве с его супругой, переходили на службу Султана, принимали мусульманство и получали должности...». «Всех канглиев, перешедших к Султан-Мухаммеду, хорезмскому шаху, и сделавшихся слугами его, было до шестидесяти тысяч. В Джуде и Телаше осталось их также до 10 тысяч семейств. Чингис-хан, во время нашествия на Телаш, всех живших там канглиев захватил и истребил все юрты... Скитавшиеся в этом (Хорезмском.— *Т. Ж.*) царстве канглии в последующее время соединились между собою и представляют в себе остаток прежде-бывшего поколения».³

Аристов в своих исследованиях утверждал, что канглы сохранились компактной этнической группой лишь у казахов; он не использовал уже опубликованные к тому времени материалы Каульбарса и упустил из виду сохранение значительной группы этого племени среди каракалпаков и узбеков Хорезма. Между тем все исторические данные свидетельствуют о непосредственных связях канглов с Хорезмом и северным Приаральем в XII—XIII вв., т. е. именно в период, который соответствовал одному из важнейших моментов каракалпакского этногенеза, относящемуся к печенего-кыпчакскому пласту. В качестве одного из многочисленных доводов о тождестве древнего Канка-Кангюй и Хорезма С. П. Толстов приводит тот факт, что «имя Кангха сохранилось в средние века в именах соседних с Хорезмом и тесно связанных с ним кочевых племен: канглы на север от Хорезма (Приаральские степи до Волги) и печенеги и кангар — на северо-запад (Устьюрт)».⁴

Если значение восточнопеченежского слоя в этногенезе каракалпаков в данное время является общепризнанным,⁵ то можно полагать, что и второе из этих средневековых племен канглы, остатки которого до настоящего времени довольно значительны среди каракалпаков, являлось важным ингредиентом их этногенеза на том же историческом этапе.

П л е м я к ы п ш а к. Мы не будем здесь останавливаться на истории кыпчаков—половцев—команов, известной из многих опубликованных исторических источников и литературы, и ограничимся лишь краткой характеристикой проблемы отношения к ним каракалпакского племени кыпшак.

В XI в., как известно, кыпчаки, выйдя с берегов Иртыша, заняли обширные пространства южнорусских и среднеазиатских степей, получив-

¹ Абульгази. Родословное древо тюрков, перевод Г. Саблукова. Казань, 1914, стр. 34.

² П. Голубовский. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 55. (Разрядка наша.—*Т. Ж.*)

³ Абульгази. Родословное древо тюрков, стр. 34—35.

⁴ С. П. Толстов. К истории хорезмских сивяшидов, стр. 283.

⁵ Подробный обзор истории этой проблемы см. в статье П. П. Иванова, Очерк истории каракалпаков. См. также доклад С. П. Толстова на сессии Узб. АН в Нукусе: «...для раннесредневековой истории предков каракалпаков, для ранних этапов каракалпакского этногенеза исключительную роль играет история союзов тюркских и тюркизированных племен раннего средневековья, известных под именем печенегов X—XII вв.— с одной стороны, и «черных клубуков» русских летописей или «народа черных шапок» восточных источников...». «Бюллетень АН УзССР», 1945. № 9—10, стр. 13. См. также «Города гузов», Сов. этногр., № 3, 1947, стр. 84 и след.

ших с тех пор название Дешт-и-кыпчак. «В процессе своего постепенного передвижения из бассейна Аральского моря на запад», — пишет П. П. Иванов, — кыпчаки «встретились на своем пути с восточной ветвью печенегов, находившейся между Волгой и Яиком... Дальнейшее соседство обоих народов, совместное участие их в походах, так же как общность их языков и одинаковый в общем уровень культурно-экономического развития должны были явиться несомненными факторами их сближения, происходившего постепенно, по мере устранения экономических и политических противоречий. Родственные отношения между печенегами и половцами уже к концу XII в. охватывали собою не только территориально близкие между собою части этих народов, но даже те печенежские роды, которые носили название черных клобуков и действовали обычно в союзе с русскими. Так, в рассказах летописей о походах русских князей против половцев в 1187 и 1192 гг. в качестве главной причины неудач, постигших эти походы, отмечается сочувствие черных клобуков половцам и нежелание их сражаться против своих «сватов».¹

Такова была картина постепенного объединения печенегов с кыпчаками. Конкретное доказательство связи этого процесса с каракалпакским этногенезом дает нам сопоставление родового состава средневековых кыпчаков с современными родами каракалпакского племени кыпшак. Данные о половецких племенах сообщает Эн-Нувеири, перечисляющий следующие 11 названий: 1) токсоба; 2) иета; 3) бурджоглы; 4) бурлы; 5) кангуоглы (или кангароглы); 6) анджоглы; 7) дурут; 8) карабароглы; 9) джузнан; 10) карабиркли; 11) котян.²

Некоторые из этих названий можно отождествить с родами, сохранившимися до настоящего времени у каракалпаков племени кыпшак: кангуоглы — с канглы, анджоглы — с канжыгалы. Но особый интерес для нас представляет половецко-кыпчакский род токсоба. Как мы говорили выше, уран каракалпаков кыпшак — «Токсаба!» Происхождение его объясняется весьма искусственно народной этимологией, как сочетание «ток» (полный, сытый) и «саба» (бурдюк для кумыса).

Наличие же среди кыпчаков значительного (в перечне стоит на первом месте) племени токсоба, несомненно, указывает на истинный источник происхождения урана, а вместе с тем неопровержимо доказывает наличие предков каракалпакских кыпчаков в составе кыпчакского союза. Интересно, что половецкое племя «токсобичи» упоминается и в русских летописях.³

С другой стороны, как мы уже отмечали, среди названий половецких племен мы видим имя «кара-бөркли», что в переводе с тюркского означает «черношапочники». В том же XIV в., к которому относится труд Эн-Нувеири, Рашид-эд-дин в своем «Сборнике летописей» при описании похода монголов на южную Россию (1239) говорит о «стране русских и черных шапок» («сиях кулахан»).⁴

Считая эти два народа («кара-бөркли и сиях кулахан»), с одинаковыми по семантике этнонимами, тождественными с «черными клобуками» русских летописей, П. П. Иванов пишет:... «Т. о. можно констатировать тот факт, что та или иная часть печенежских племен, несмотря на происходившее их смешение с кыпчаками и вероятно другими тюрко-монгольскими народностями, не подверглась до XIII в. окончательному растворению в их массу и вошла в состав населения Золотой Орды в качестве отдельной

П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 14 и 15.

¹ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, СПб., 1884 г., стр. 540—541.

² Ипатьевская летопись, стр. 432.

³ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч. т. II, М. — Л. 1941. стр. 37.

социально-этнической единицы, хотя и составлявшей формально одно из кыпчакских племен... Произошло ли окончательное слияние их («племени черных шапок». — Т. Ж.) с массой окружающих народностей, или они продолжали свое дальнейшее существование, — остается таким образом невыясненным».¹

Наши материалы могут служить основанием к предположению, что не только не произошло такого «полного слияния», а наоборот, что в дальнейшей истории каракалпаки — кара-бөркли стали, вероятно, ядром, объединившим части других упоминающихся в списке Эн-Нувеири племен кыпчакского союза; следы этого процесса сохранились до настоящего времени в названиях некоторых родов у каракалпаков племени кыпшак и в их уране.

П л е м я к т а й. Происхождение живущих в Средней Азии племен ктай большинство этнографов и историков связывают с кара-китаями или киданями, известными уже из орхонских надписей под именем «ктай» в качестве данников Тюркского каганата.

В X в. кидани завоевали северный Китай, получивший свое наименование от этого народа, а после разгрома в XII в. основанного ими там государства часть киданей ушла на запад, «где им удалось в 1141 г. нанести поражение около Самарканда главе сельджукидов, султану Санджару и основать империю, простиравшуюся от области уйгуров до Каспийского моря».² Государство киданей, возглавленное гур-ханами, ставка которых находилась близ современного селения Орловка в долине реки Чу, просуществовало до начала XIII в. После монгольского завоевания кидане перестают упоминаться, как самостоятельная народность. Имя же их в форме ктай (китай, хтай, хытай) в качестве племенного названия сохранили многочисленные группы тюркских родов, вошедшие в состав узбеков, каракалпаков, киргизов, а также башкир и некоторых других тюркских народов Восточной Европы.

Отголоски традиций связи каракалпакских ктаев с киданями сохранились в каракалпакском эпосе: в «Шежире» Бердаха предок племени ктай происходит по материнской линии от «ктай-хотанов»:

«Одга из жен (Жиена — предка каракалпаков)
Сарьпаз называлась,
Она была подлинная пери-гурия,
Она была дочерью ктай-хотанов,
Жиен ее у них взял.
От Сарьпаз родился Ктайбек,
Пеленкой его был китайский халат».³

Об этих же традициях связи с Китаем и пограничными с ним районами Средней Азии говорит приводившаяся в первой главе легенда о роде ктай — бес-сары, двое из пяти предков которого, воспитанных среди каракалпаков, впоследствии ушли в Китай, двое в Фергану и лишь один остался у каракалпаков, став родоначальником рода бес-сары.⁴

Существовавшие одновременно и одновременно погибшие от удара монголов государства кыпчаков и киданей граничили между собой: кыпчаки жили между страной Кара-Китай и Яиком.⁵ Это отмеченное еще для раннего средневековья смежное расселение ктаев и кыпчаков с

¹ П. П. И в а н о в. Очерк истории каракалпаков, стр. 16.

² В. В. Б а р т о л ь д. История турецко-монгольских народов. Ташкент, 1928, стр. 16.

³ «Шежире» Бердаха, перевод У. Кожурова строфы 14 и 15.

⁴ Полевая запись № 3, 1945 г.

⁵ П. Г о л у б о в с к и й. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар, гл. II, стр. 52.

удивительной закономерностью доходит до XIX—нач. XX вв. как у крупных групп этих племен, например, у узбеков Зеравшанской долины или у каракалпаков Хорезма, так и в мелких, разбросанных среди других родов и племен группах, например у узбеков Хорезма. Группы ктай-кыпчаков встречаются также в парной связи и среди ногайцев, в Крыму, на Кавказе.¹

Связь между этими двумя племенами при совершенно различном родовом составе отмечают многие авторы.² Так, Магидович указывает, что у киргиз ктай встречается в том же крыле сол, где находится и племя кыпчак (в объединении «ичкилик»).³

В. Радлов, изучавший в 1868 г. узбеков Зеравшанской долины,⁴ даже объединил многочисленных здесь ктай—кыпчаков в одно племя, которое, по его мнению, делилось на два отдела: ктай и кыпчак. Гребенкин (1872) пишет об этих племенах: «...они весьма тесно связаны друг с другом, как одинаковостью происхождения по преданиям, тесной дружбой, узами близкого родства, так и общей ненавистью ...к эмирам и вообще ко всяким властям».⁵ П. П. Иванов в цитированном нами труде о восстании ктай—кыпчаков также обращает внимание на это явление: «Роды китаи и кипчак настолько тесно слились между собою, что и восточными и европейскими авторами обычно считались за одно целое. Так, Мухаммед Я'куб Бухарский только один раз употребляет выражение: «*qamaa — i — xytaj va firqa — i qyrcaq*» «племя хытаев и род (подразделение) кыпчаков», выражаясь во всех остальных случаях просто «хытай-кыпчак», как и большинство других среднеазиатских авторов».⁶

Мухаммед-Вефа, историк царствования известного основателя мангытской династии в Бухаре — Рахим-хана, сообщает об общем сердаре-вожде у ктаев и кыпчаков при первых мангытах (середина XVIII в.) «Ходжам-яр-бий, сын Ферхад-аталыка, вождь (сердар) китаев и кипчаков, был назначен на должность ханского аталыка с тем, чтобы узбеки могли передавать через него свои жалобы хану».⁷

В тесном содружестве эти два племени, вместе прибывшие в Зеравшанскую долину, как сообщает Гребенкин, 198 лет назад из кыпчакских степей, боролись против угнетавших их бухарских эмиров.

«Единство китаев и кипчаков носило в действительности, повидимому, скорее характер внешнего политического союза, чем внутреннего родства или объединения. Дело в том, что и родовая структура, и боевые кличи (ураны) у обоих племен были совершенно различны. Каждое из племен имело свои совершенно самостоятельные внутренние родовые подразделения, не родственные подразделениям другой стороны, вследствие чего браки между обоими племенами допускались. Подобных взаимоотношений ни в коем случае не могло бы наблюдаться, если бы племена считались между собой «родственными»».⁸

¹ П. П. Иванов. Восстание ктай-кыпчаков в Бухарском ханстве. 1821—1825 гг. М.—Л., 1937, стр. 29.

² Мы склонны предполагать, что истоки этой связи лежат в таких же фратриальных узах между ними, какие существовали между монгольскими племенами кият — кунград и др.

³ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара, стр. 209.

⁴ В. В. Радлов. Средняя Зеравшанская долина. «Записки русского Географического общества по отд. этнографии», 1880, т. VI.

⁵ Гребенкин. Узбеки. Сб. «Русский Туркестан», вып. 2, 1872, стр. 99—100.

⁶ П. П. Иванов. Восстание китаи — кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг., стр. 27—28.

⁷ Там же, стр. 24.

⁸ Там же, стр. 29.

Последнее замечание П. П. Иванова относительно «не родственного характера» истока связей ктай — кыпчаков и тот факт, что этот наблюдательный исследователь, столкнувшись с ктай — кыпчаками, обращает внимание прежде всего на брачные взаимоотношения между ними в поисках истоков этой связи, в особенности ценны для нас в связи с проблемой «парных» племен.

Наряду с узбеками ктай — кыпчак, в Зеравшанской долине еще Гребенкиным отмечались и каракалпаки ктай — кыпчак.

Аналогичное сочетание можно наблюдать во втором крупнейшем центре их расселения — Хорезме, где также по соседству живут узбеки и каракалпаки ктай — кыпчак.

Число узбеков ктай в Хорезме, по данным 1924 г., всего 1300 человек. Но в эту цифру не вошли не зарегистрированные обследованием узбеки, населявшие в этот период шуро ктай Гурленского уезда, большинство которых, если не все; по мнению Магидовича, принадлежат к тому же племени: «По крайней мере претензии Каракалпакской Автономной области на это шуро при национальном размежевании Хорезма основывались главным образом на том, что оно населено племенем ктай, которое каракалпаки считали родственным себе».¹

Каракалпаки ктай по численности — одно из главнейших каракалпакских племен (см. таблицу 2). Родовой состав узбеков ктай Зеравшанской долины отличен от каракалпаков этого племени. Но среди Зеравшанских каракалпаков ктай мы видим название основного и старейшего рода хорезмских каракалпаков племени ктай — бес-сары.²

Заканчивая краткий обзор основных особенностей, отличающих племя ктай, можно прийти к заключению, что его образование следует, вероятно, отнести хронологически к тому же пласту этногенеза каракалпаков, к которому мы относим кыпчаков. Вопрос же о том, были ли среднеазиатские и восточноевропейские ктай туркизированными, ассимилировавшимися киданями, в значительной массе наводнившими Среднюю Азию и затем исчезнувшими с исторической арены, или же тюркским племенем, подчиненным в свое время киданям, принявшим их имя, но тяготевшим по своим политическим, социальным и культурным традициям к этнически близким кыпчакам — этот вопрос для своего разрешения требует дополнительных историко-этнографических работ и пока остается открытым.

Перейдем к рассмотрению следующего этапа этногенеза каракалпаков, связанного с монгольским завоеванием, и начнем обзор группы каракалпакских этнонимов, которые, как и название целого отдела — арыса конграт, сохранили наименование монгольских племен. Разумеется, часть этих названий могла возникнуть еще в домонгольский период, поскольку имеются исторические данные, свидетельствующие о проникновении монгольских элементов в Приаралье еще в огузскую среду (монгольские родовые названия в составе огузов).

Однако не вызывает сомнения и непосредственное влияние монгольского завоевания на образование этой группы родо-племенных объединений каракалпаков. После образования Монгольской империи Приаралье со всем его населением вошло в состав улуса Джучи, простиравшегося (при сыне Джучи — Бату,) на запад — до Днестра, на восток — до низовьев Сыр-Дарьи; на юге в его состав входили Крым, часть Кавказа, северная часть Хорезма с г. Ургенчем, на севере — область булгар. Известно, что среди населения монгольских улусов, в особенности Джучиева, собственно

¹ Материалы по районированию Средней Азии, кн. II. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. 2, Хорезм, стр. 100.

² Гребенкин Узбеки. Сб. «Русский Туркестан», вып. 2, стр. 99.

монгольская прослойка была весьма незначительна. «В основном она состояла из монгольской знати, группировавшейся вокруг ханов и тех 4000 человек монгольского войска, которые Чингис-хан дал каждому из сыновей, назначенных управлять завоеванными областями».¹ Основную же массу населения составляли местные тюркские племена, оказавшиеся в положении «зависимых, подчиненных монгольской знати, представителями которой являлись, помимо членов дома Чингис-хана, нойоны и другие начальники... Они не теряли общинного устройства и продолжали жить родовым бытом, как и до завоевания»,² выполняя, однако, ряд повинностей в отношении нойона, ставши его *upağan boğol'*ами.

Эти *upağan boğol'*ы, крепостные вассалы, как называет их Владимирцов, «могли помнить свои кости и роды, но кочевали они становищами, носившими имя их владельческого рода».³ В связи с этим своеобразным историческим явлением В. В. Бартольд, исследуя вопрос о влиянии монгольского завоевания на исторические судьбы тюркских народов, отмечал, что «последствием монгольского происхождения династии (чингизидов.—Т.Ж.) и окружавших ее военных отрядов было образование турецких родов, племен и целых народностей с монгольскими названиями».⁴ Действительно, в источниках, относящихся к периоду монгольского владычества в Средней Азии можно встретить многочисленные упоминания эмиров и нойонов Джучиева улуса, принадлежащих к монгольским племенам конкурат, кият, манкут, найман, баарин и т. д., т. е. к племенам, имена которых сохранились до XIX — нач. XX в. в качестве племенных названий у подвластных прежде этим правителям тюркских народов Средней Азии — предков узбеков, казахов, каракалпаков и др.

Кроме института *upağan boğol'*ов, был еще один источник возникновения монгольских названий у среднеазиатских тюркских племен, вытекающий из спайки феодально-родовой знати последних с монгольскими правителями: знать зависимых тюркских племен, несшая главным образом военную службу, несомненно «сливалась с нойонами владельческого рода и нередко становилась во главе сотен, тысяч, тем (10 000), на которые делилось монгольское войско... процесс слияния монгольской и тюркской знати укреплял экономическое и политическое господство последней внутри тюркских родов, способствовал ее обособлению в особый класс — феодалов».⁵ Результатом этого слияния явилось основанное на политической заинтересованности обеих сторон обоюдное стремление монгольских и тюркских феодалов нивелировать этнические различия между ними. Эта тенденция прослеживается, например, в генеалогии Чингис-хана, излагаемой Рашид-эд-дином. «По рассказу Абульгази, Газан-хан, один из прямых потомков Чингис-хана, поручил Рашид-эд-дину составить книгу генеалогии, религии и обычаев монголов на память потомству.

Приказание было исполнено. Но, очевидно, излагая историю монголов по желанию хана, автор ее должен был позаботиться о возвеличении рода своего государя [в глазах покоренных монголами народов—Т.Ж.], выдвинуть добродетели его предков... И вот мы находим..., что Чингис-хан — прямой потомок Огуз-хана».⁶ С другой стороны, наблюдаются стремления

¹ М. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР, т. I, 1941, стр. 60.

² Там же, стр. 61, 62. О монгольском социальном институте *upağan boğol'*, см. Б. Я. Владимирцов. Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 64 и след.

³ Б. Я. Владимирцов. Указ. соч., стр. 70. Разрядка *наина*.— Т. Ж.

⁴ В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов, стр. 17.

⁵ М. Вяткин, Указ. соч., стр. 62.

⁶ Голубовский. Печенги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884, стр. 53. См. об этом у Абульгази. Родословное древо тюрков, перевод Саблукова. Казань, 1914, стр. 31—32.

местных тюркских правителей (например, Тимура) связать свою генеалогию с родом Чингис-хана. При таких условиях возможны были случаи монголизации наименований некоторых тюркских родов, сходных по созвучию с монгольскими. Это дало основание С. П. Толстому в одном из его трудов высказать гипотезу, что «имя племени кунград, занимающего в исторической традиции каракалпаков особое место, может быть расшифровано, как монголизированное изменение древнего имени печенегов — «капгар», в свою очередь восходящего к древнему названию Хорезмского государства «Кангха» («Кангюй» китайских источников)».¹

А р ы с к о н г р а т. Среди каракалпаков и узбеков широко распространено объяснение происхождения наименования «конграт» от тюркского «конгыр-ат» — рыжая, гнедая лошадь. Такое объяснение зафиксировано в полевых записях каракалпакского и узбекского этнографических отрядов Хорезмской экспедиции,² имеется оно также в «Шежире» Бердах-шаира,³ в легенде, записанной Х. Зарифовым у узбеков Сурхандарьинского округа.⁴ По всей вероятности, эта трактовка этнонима, так же как и жабы́ (ябы́), является примером так называемой народной этимологии, объяснением с точки зрения современных понятий, ассоциирующихся с этим термином.

В действительности же это распространенное в Средней Азии племенное название должно быть связано с проникновением на территорию последней представителей уже упоминавшегося нами крупного, могущественного монгольского племени конкурат, связанного фратриальными узами с родом Чингис-хана — кият-борджигин.

«Конгират» («онггирад», «конкурат») — одно из древнейших монгольских племен, издавна кочевавшее в степях Гоби, по реке Керулену; туда ездил отец Чингис-хана, Исугей-багатур, за женой для своего старшего сына.⁵ Это племя кочевало вместе с найманами.

Дальнейшая история монгольских конгратов в изложении Н. А. Аристова рисуется следующим образом: «Хонкираты составляли 5 тысяч из 129 тысяч войска Чингис-хана... вероятно, часть 4-х тысяч, данных Джучию отцом, состояла из конгратов; они несомненно имели большое значение при дворе джучидов и в управлении подвластными народами. Все это делает понятным образование в уделе джучиевом, в Кипчакской орде, союза местных тюркских родов с именем конграт, полученным, конечно, вследствие возникновения его под главенством джучидских конгратов. Часть этого союза, и с нею, вероятно, почти все кровные конграты, ушла с шейбанидами в Мавераннахр»...⁶

Кроме каракалпаков, племена с названием конграт сохранились у казахов и узбеков.

Уже в русских источниках о казахах, относящихся к XVIII в. (1785), встречаются сведения о «волости кундрапкой, в которой главным старшиной считался Полат-хан и при нем Абучей-солтан; в ней было более

¹ С. П. Толстов. Основные итоги и очередные задачи изучения археологии и истории Каракалпакии и каракалпаков. Доклад на выездной сессии АН Узб. ССР в Нукусе, Бюллетень АН Узб. ССР, 1945, № 9—10, стр. 12.

² Полевая запись № 16, 1946 г.; см. также записи Сев. Узб. отряда за 1946 г., стр. 26.

³ «Шежире» Бердаха, строфы 77, 78.

⁴ Л. П. Потапов. Материалы по семейно-родовому строю у узбеков кунград. Научная мысль, № 1, Ташкент, 1930.

⁵ «Сокровенное сказание». Старинное монгольское сказание о Чингис-хане. Перев. с китайского архимандрита Палладия. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV. СПб., 1866, стр. 35. С. А. Козин — «Сокровенное сказание», т. I, М—Л., 1941, стр. 86.

⁶ Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, стр. 370—371.

3500 кибиток, кочевала же она смежно с «волостью усуйской», т. е. усуйской или большой ордой, около города Туркестана и р. Сыр-Дарьи, а в летнее время доходила до р. Тургая и оз. Телегула, в которое впадает р. Сарасу».¹

По данным Левшина, относящимся к 30-м годам XIX в., конграты составляли крупное племя Большой Орды, в состав которой входили следующие роды (сохраняем транскрипцию источника): байлар-джанджар, уразгельды, кульджегач, бочман, ток-булат, яман-бай, кура-куся, этимляр, куюш-кансыз.² В Среднюю и Малую Орду конграты, по Левшину, не входили. Н. А. Аристов дает деление Большой Орды, отличное от Левшина; по его данным, конграты входили в Среднюю Орду, а причисление их к Большой, как он полагает, вызвано было смежностью кочевки и подчинением конгратов Кокандскому ханству. Аристов соглашался с В. В. Радловым, который писал: «Конграты кочуют большей частью в Ташкентской стороне и смешанно с киргиз-казаками Большой Орды, так что теперь они сами себя большей частью причисляют к Большой Орде. Они делятся на 12 родов».³ Названий родов этой территориальной группы конгратов Радлов не приводит; мы встречаем их в значительно более позднем источнике — статье Э. Шмидта о родовом составе казахов Чимкентского уезда. Э. Шмидт зафиксировал 5 основных родов и 8 подразделений племени конграт, кочующих в этой местности (часть из них совпадает со списком Левшина):

К о н г р а т

«Колена»	«Подколена»
1. Көшүк	—
2. Токбулат	—
3. Джандар	{ Кара Чорапал Джолдервис Сарымбет Көбөлгөн
4. Алгын	
5. Кулшагаш	{ Тассары Дүсөмбө Джортнас ⁴

Списки родовых названий казахского племени конграт подтверждают, что в его состав входили тюркские, а не монгольские роды. Кроме того, обращает на себя внимание полное отсутствие совпадения названий родов казахских и каракалпакских конгратов. Находясь в близком соседстве с теми каракалпаками-конгратами, которые жили в бассейне Сыр-Дарьи, они, возможно, были объединены при монголах в общую территориальную (административную и военную) единицу, возглавленную правителем из среды монголов конграт, следствием чего и явилось общее племенное название. Этим, вероятно, и ограничивались их исторические связи.

Совершенно иная картина представляется при рассмотрении узбеков племени конграт, сконцентрированных довольно значительными группами, в основном, в двух местностях: в южном Узбекистане (б. Горная

¹ См. Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе турецких племен и народностей, стр. 370.

² Левшин. Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей, ч. III, стр. 10.

³ W. Radlov. Aus Sibirien, I, p. 237. Перевод цитируется по Аристову, «Заметки...», стр. 370.

⁴ Э. Шмидт. Материалы по родовому составу казахского населения юго-западной части Чимкентского уезда. Сб. «Бартольд», Ташкент, 1927, стр. 308—309.

Бухара) и в северном левобережном Хорезме. Н. Ситняковский, изучавший узбеков конграт в Бухарском ханстве в первом десятилетии XX в., писал, что они сосредоточились здесь на обширном пространстве, входящем в состав бекств Гузарского, Байсунского, Ширабадского и Керкинского Бухарских владений. Бухарские конграты, по их словам, продолжает Ситняковский, «выходцы из Хивы, где сосредоточена главная масса этого рода... Перекочевали они сюда лет 400 назад...»¹

Подробные перечни родового состава узбеков конграт этого района даны в середине XIX в. Ханыковым, в начале XX в. — Ситняковским, наконец, в 1926 г. — Васильевым. Сводка этих списков характеризуется совпадением весьма значительного числа из них с родами каракалпакских конгратов. Кроме того, среди названий встречается род «каракалпак».

Что касается второго центра расселения узбеков конграт — Хорезма, то есть основания полагать наличие среди населения последнего значительной группы этого племени еще задолго до завоевания Хорезма узбеками во главе с Шейбани-ханом, т. е. ранее, чем в Бухарском ханстве. Рашид-эд-дин, повествуя о борьбе Тохты и Ногая (последние годы XIII в.), упоминает об отце жены Тохта-хана Салджидай-гургане, монголе племени конкурат, и при этом указывает, что юрт Салджидаи находился «близ Хорезма» (т. е. близ Куны-Ургенча, вероятно, в местности и в настоящее время населенной узбеками и каракалпаками конграт).²

В 70-х годах XIV в., как известно, власть над всем Хорезмом перешла из рук наместников золотоордынских ханов в руки династии софидов, происходившей из племени конграт. С этой династией вел жестокую борьбу Тимур, поводом для знаменитых пяти походов которого на Хорезм явились непокорность и вызывающие позиции правителей этой династии — Хуссейна Софи, Юсуфа Софи и др.³ Вторичный переход власти над Хорезмом в руки конгратской династии произошел в конце XVIII — начале XIX в. Около 1770 г. Хивинским ханством стал править один из главных вождей этого племени — Мухаммед-Эмин инак. Не имея по своему происхождению наследственных прав на ханство, он управлял от имени подставных ханов, избиравшихся из среды казахского привилегированного рода тёре, члены которого считались потомками Чингис-хана. Сын Мухаммед-Эмин инака, Ауез (1790—1804), также правил Хивой со званием инака. Преемник же его Элыузер (1804—1806), свергнув очередного «подставного» хана, принял уже сам ханский титул. Основанная таким образом династия конгратов правила Хивинским ханством до революции 1920 г.

Родовой состав хивинских узбеков конгратов, составляющих, по данным обследования 1924 г., около 7600 человек в Хорезмской области Узбекской ССР и 6550 человек в Кунградском округе тогдашней Каракалпакской Автономной республики, в основном совпадает с родовым составом бухарских конгратов (племена: айны, канджигалы, балгалы, вахтамгалы и др.).⁴

Приведенный нами материал свидетельствует о несовпадении родового состава узбеков конграт с казахскими родами этого же племени.

¹ Н. Ситняковский. К генеалогической таблице узбекского рода кунград. «Изв. Турк. Отдела РГО», т. VII, 1907, стр. 28—29.

² См. сборник Тизенгаузена, т. II, стр. 70.

³ Н. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877, стр. 82—85.

⁴ Более полный список родо-племенного состава узбеков-конгратцев Хорезма составлен К. Л. Задыхиной в итоге работ Второго этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1946—1948 гг. См. полевые записи Второго отряда в Архиве Ин-та этнографии АН СССР.

По этому поводу И. Магидович пишет: «Из сопоставления... (узбекских генеалогических таблиц.—Т. Ж.) с родословными казакского союза кунград Средней Орды видно, что одноименные союзы в обеих народностях составились из неодинаковых частиц основных тюркских племен. Повидимому, тюркские элементы объединились вокруг частей одного и того же монгольского ядра, известного еще со времен Чингис-хана, но в различное время и в разных местах...» Ниже он излагает свое мнение об истоках этнического единства бухарских и хорезмских узбеков конграт: «В позднейших завоеваниях Шейбани-хана принимал участие не казакский, а хорезмский (узбекский) союз. Ситняковский со слов бухарских кунградовцев сообщает, что они — выходцы из Хивы, перекочевали в Бухару «около 400 лет тому назад», т. е. как раз во время узбекского завоевания. Это сообщение подтверждается и одинаковыми названиями кунградских отделов у хорезмских и бухарских узбеков».¹

Далее, наш материал говорит о значительном совпадении родового состава узбеков конграт с каракалпакскими родами этого племени.

Как известно, узбекское население Хорезма состоит из двух крупных этнических групп: первая — населяющая южную часть Хорезма, главным образом районы Хивинский, Ханкинский, Хазараспский Хорезмской области Узбекской ССР — не знает родоплеменного деления и является, по историческим, этнографическим и лингвистическим данным, потомками древних хорезмийцев, тюркизированных на протяжении своей многовековой истории. Вторая, северная группа узбеков, сохранившая до последнего времени родо-племенное деление, состоит, повидимому, в значительной степени из пришельцев в Хорезм; перед северноузбекским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР была поставлена задача выяснения наличия и истоков историко-культурных связей этой группы узбеков с каракалпаками. Основное внимание было уделено сотрудниками отряда этнографическому обследованию узбеков конграт, главная масса которых сосредоточена в Кунградском районе Каракалпакской АССР. Сбор сведений об их родовой системе при этом полностью подтвердил отмеченную в литературе общность большинства названий с каракалпакскими. На общности их исторических судеб указывают предания об их приходе в Хорезм из тех же местностей, из которых пришли и каракалпаки (бассейн Сыр-Дарьи), причем частью совпадают и направления передвижений. О культурной общности говорят многие этнографические данные, некоторые предметы материальной культуры, в частности одежда. Народные традиции, сохранившиеся в генеалогиях (совпадающих с каракалпакской «Шежире» Бердах-шаира — свое происхождение узбеки конграт ведут от того же Майкы-бия, что и каракалпаки конграт), легендах, обрядах и верованиях, также подтверждают гипотезу о том, что описанная нами общность этнонимов в данном случае имеет глубокое значение, и истоки ее следует искать не только в известной общности исторических судеб узбеков и каракалпаков конгратов, но и в этнических связях между ними.

П л е м е н а к и я т и а ш а м а й л ы. Выше уже указывалось, что, как это выяснилось в процессе полевых работ 1946 г., племена кият и ашамайлы связаны парной связью, выражающейся в слитном произношении их названий, смежности территории и т. д. В то же время генеалогии их не совпадают.

Обратившись к историческим источникам монгольской эпохи, мы обнаружили, что корни этой парной связи, повидимому, исходят из

¹ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара, стр. 189—190.

взаимоотношений того монгольского ядра, вокруг которого объединялись указанные племена.

Не останавливаясь на достаточно известном монгольском племени кият, из которого происходил Чингис-хан, проследим истоки наименования ашамайлы, которые как у узбеков, так и у каракалпаков составляют один из основных элементов, входящих в конграт (мы уже упоминали выше, что у обоих этих народов конграт из племени перерос в объединение племен). Оказывается, название ашамайлы тесно связано с монгольским племенем к и р е й.

В начале XX в. кирей — одно из племен казахов Среднего жуза. По свидетельству Потанина, кирей, обитающие в бассейне Черного Иртыша, состоят из двух отделов: а б а к и л и а ш а м а й л ы — к и р е й и к а р а — к и р е й.

По распространенному среди них преданию, кирейские роды ведут свое происхождение от Ачамайлы и Абахты. Первый будто бы произошел от племени кирейского, а второй — от усуньского. Абахты — сын Усуния, поссорился с отцом, не давшем ему быков, вследствие чего его многочисленные стада коров остались бесплодными, и ушел от него к киреям.¹

Роды казахских ашамайлы-киреев в начале XX в. не совпадали с аналогичными у каракалпаков. Однако, если обратиться к более ранним данным о родовом составе киреев, приведенном у Рашид-эд-дина, результат сопоставления оказывается весьма показательным; вот этот список: х а р х ы н, с а х ы я т, т о н г к о и т-к е р а и т, д о б о у т, а л б а т.² Входящий в настоящий перечень род с а х ы я т совпадает с важнейшим старинным родом каракалпаков ашамайлы — саху, существовавшим до недавнего времени и составлявшем значительную часть жителей селения Тахта-Каир в Муйнакском районе Каракалпакской АССР. Сахыят, как известно, самоназвание якутов; род саху, поэтому, подобно упоминавшемуся выше названию бес-сары — хора, протягивает нити этнических связей между каракалпаками и Сибирью. Подтверждением наличия в далеком прошлом общности киреев с каракалпаками ашамайлы является одинаковая у тех и других тамга в виде V или X — перекрестия «аша».

С другой стороны, обнаруживающаяся взаимозависимость ашамайлы с киреями проливает свет на парную связь ашамайлы с киятами. Из источников монгольской эпохи известно, что к и я т ы и к и р е й б ы л и связаны друг с другом отношениями anda — побратимства. Этот социальный институт древних монголов Б. Я. Владимирцов на основании «Сокровенного сказания» описывает следующим образом: «Два лица, обычно принадлежащие к разным родам, хотя бы и близким, заключают между собой союз дружбы и непременно обмениваются подарками, после этого они становятся «anda» — «названными братьями» — таков древний монгольский обычай. «Сокровенное сказание» представляет такое свидетельство: Темучжинь и Чжамуха толковали промеж себя: «Старые люди говаривали, что когда делаются анда, то оба друга имеют как бы одну жизнь; один другого не покидает и бывают они охраной жизни друг друга». В действительной жизни от двух anda не требовалось обязательно жить вместе, anda должны были только поддерживать друг друга и помогать друг другу, точно члены одного и того же обох'а — рода. Исторический пример двух anda — Ван-хан керейтский и Чингис-хан. Как извест-

¹ Н. А р и с т о в. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, стр. 353—357.

² Р а ш и д - э д - д и н. Сборник летописей, стр. 95—96.

но, их отношения вылились даже в особую форму: Ван-хан как бы усыновил Чингиса, стал считаться его названным отцом...¹

Таким образом, на территории Хорезма во взаимоотношениях узбекских и каракалпакских племен в виде пережитка прослеживаются двухсторонние социальные связи монгольского рода кият: у узбеков — в парной связи племен кият — кунград — фратриальные узы; у каракалпаков, в парной связи ашамайлы — кият — узы побратимства «anda» киятов и киреев.

Перейдем к рассмотрению наименований кенегес-мангытов — одной из двух пар племен, составляющих арыс он-торт уру.

П л е м я м а н г ы т (манкгут, манхут, манкут монгольских источников) — монгольское племя, очень часто упоминаемое у Рашид-эд-дина и в «Сокровенном сказании». В начале завоевательной деятельности Чингис-хана вождь манкгутов Хуилдар отделился со своим родом от Джамуги и присоединился к Чингису. В описании битвы Чингиса с Ван-ханом керейтским указывается, что войска племен манкгут и уруут были выстроены перед Чингис-ханом и отразили нападение передового отряда керейтов. В этой битве был ранен Хуилдар. Хуилдар Сэчэн, «который присоединился к Чингис-хану с домочадцами и приверженцами своими, оказал много услуг... Чингис-хан называл его другом».²

В дальнейшем, часть манкгутов и уруутов вошла в тысячу Джединойсча. Вероятно, эта монгольская группа, обосновавшаяся в джучиевом улусе, и явилась ядром, подчинившим среднеазиатские тюркские роды, получившие племенное название мангыт.

«В южной России или в «Золотой Орде», — пишет В. В. Бартольд, — где правили потомки старшего сына Чингис-хана — Джучи, повидимому, раньше произошло отуречение монголов: образовались турецкие (тюркоязычные. — Т. Ж.) народности с именами монгольских ханов — У з б е к а... и Н о г а я...».³

В истории Узбекского государства мангыты играли весьма значительную роль. Уже при вознесении на престол в 1428 г. первого хана узбеков — Абулхайр-хана, как об этом свидетельствует «Абулхайр-ханская история»,⁴ значительное число мангытской знати, наряду с кунградской, найманской и других племен, присутствовало на происходившем в г. Таре пышном торжестве. Позже мангыты участвовали в походах Шейбани-хана, после чего, очевидно, расселились в нынешнем Узбекистане — Бухарской области, где находилась, по данным 1924 г., основная масса племени мангыт представляющего «самое большое, крепкое и цельное узбекское племя в Бухаре».⁵ В середине XVIII в. это многочисленное и сильное племя, после длительной и упорной борьбы с узбеками конград, стало играть главную политическую роль в Бухарском ханстве: из его феодальной знати происходила династия бухарских ханов-мангытов, последний представитель которой бежал в Афганистан в результате революционных событий 1920 г. в Бухаре.

Другой центр расселения мангытов, связанный с ногаями, образовался в XIV в. в юго-восточной Европе. Ногаи в средневековых восточных

¹ Б. Я. В л а д и м и р ц о в. Общественный строй монголов, стр. 60—61.

² Р а ш и д - э д - д и н. Сборник летописей, стр. 189.

³ В. В. Б а р т о л ь д. История турецко-монгольских народов, стр. 18.

⁴ См. «Абулхайр-ханская история» Масуд-бен Осман-и Кухистани, перев. А. А. Семёнова. Архив Института истории АН Узб. ССР.

⁵ Материалы по районированию Средней Азии, кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара, стр. 185. Из общего числа 100 тыс. — свыше 44 тыс. находились в Бухарском оазисе, свыше 31 тыс. — в Каршинском, около 8 тыс. в низовьях Зеравшана, около 11 тыс. в районе Чарджоу.

источниках назывались мангытами, вследствие преобладания среди них этого племени.

«В XVI в., — пишет В. В. Бартольд, — центром ногаев или мангытов была местность по нижнему течению Яика или Урала; впоследствии мы видим их в северной части Крыма, к северу от Кавказа и в Туркестане».¹ К началу XVII в., как известно, ногайская орда разделилась на три части, из которых две занимали районы Кубани, Азова, Терека и отчасти низовьев Волги, а третья, часто носившая название Больших Ногаев, располагалась к востоку от Яика. Русские источники указывают на непосредственную близость — территориальную и политическую — в этот период каракалпаков с ногаями. О возможной этнической близости этих народов в прошлом свидетельствует так называемый «ногайский пласт» каракалпакского эпоса (связанный с именами Эдигея, Ормамбета и др.), а также родовой состав ногаев.

По данным Н. А. Баскакова, собиравшего сведения о ногайских родах в связи с изучением диалектов ногайского языка, среди них имеется много названий, общих с каракалпакскими; так, у ак-ногайцев встречаются наименования: ыргаклы, кушпак, конгырат, канглы, ктай; у кара-ногайцев есть крупные родовые объединения («кюп») с именами тех же канглы, конгыр (в последнее входят роды — каз-аяклы, кос-тамгалы, ашамайлы), кенегес, кыпшак и роды некис и мангыт.²

Полевой этнографический материал по каракалпакам мангытам — собранные нами среди них в 1947 г. в Кегейлинском районе легенды, генеалогии, предания о передвижениях до расселения на нынешней территории — дает основания склониться к мнению о связи их по происхождению преимущественно с бухарским центром этого племени. Родовой состав мангытов бухарских приводится Гребенкиным, при этом в перечисляемых им 17 названиях родов, пришедших в Самаркандский округ из-под Карши, нет аналогий с каракалпакскими родами мангытов. Те же семь родов, которые, по его сведениям, «жили здесь еще при Тимуре», наоборот, в значительной степени совпадают с каракалпакскими (роды ак-мангыт, кара-мангыт, ток-мангыт).

П л е м я к е н е г е с. О происхождении племени кенегес у нас нет известий, за исключением сообщения Яворского о том, что узбеки кенегесы долины Кашка-Дарьи, по их преданиям, являются ответвлением племени мангыт; позже они отделились от последнего и находились с мангытами в непримиримой вражде.³

Об этой длительной борьбе имеется много сведений в исторических источниках, она закончилась лишь после русского завоевания. По этому поводу П. П. Иванов пишет: «Конкурирующим родом (по отношению к мангытам. — *Т. Ж.*) являлся род кенегес, занимавший район Шахрисябза, владельцы которого стремились расширить свои владения за счет мангытов. Сыну и наследнику эмира Хайдара, Насрулле (1827—1860), удалось на некоторое время завоевать Шахрисябз, однако окончательное подчинение шахрисябзских кенегесов бухарским эмирам произошло только в 1870 г. и было совершено при помощи царских войск».⁴

Возможно, сообщения о родстве кенегес — мангытов до некоторой степени подтверждает тесная территориальная и генеалогическая связь

¹ В. В. Бартольд. История турецко-монгольских народов, стр. 18.

² Н. А. Баскаков. Ногайский язык и его диалекты. Изд. АН СССР, М. — Л., 1940, стр. 132—140.

³ И. Яворский. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878—1879 гг., т. II, СПб., 1883, стр. 39.

⁴ П. П. Иванов. Восстание китай-кипчаков в Бухарском ханстве в 1821—1825 гг., стр. 27.

кенегес — мангытов у каракалпаков и тот факт, что у хорезмских узбеков, не имеющих племени или рода, кенегес — мангыты были объединены Абульгази-ханом в одно «парное» туге с родом нукуз, частично вошедшим впоследствии, как мы видели выше, в состав каракалпаков кенегес. Более положительных данных, подтверждающих сообщение Яворского, нет. Во всяком случае, сравнительно давно уже, в XV в., в упоминавшемся нами торжестве поднятия на ханство Абулхайр-хана, наряду с представителями других крупных узбекских племен, участвует также и знать кенегесов.

Из 35 000 узбеков кенегес свыше половины жили в Шахрисябзском оазисе. По данным Яворского, подтвержденным обследованием 1924 г., шахрисябзские кенегесы делились на роды, из которых главных было пять: кайрасалы, тараклы, ачамайлы, чехут, абаклы. Род тараклы есть у каракалпаков кенегес, у них же есть род шуйит, но в составе мангытов. В общем же, по мнению Аристова, характер сочетания кенегесских родов типичен для Среднего жуза; кенегесы «оказываются союзом из частей родов Средней Орды, главным образом киреевских».¹

Однако ни у казахов, ни у киргиз племени или рода кенегес нет.

* * *

В результате приведенных примеров историко-этнографического анализа некоторых этнонимов крупнейших родо-племенных объединений, составлявших в XIX — начале XX в. каракалпакский народ, — как нам кажется, можно прийти к двум выводам: во-первых, о подтверждении этнографическими данными факта участия в этногенезе каракалпаков на его ранне- и позднесредневековых этапах огузов, печенегов, канглы, половцев (кыпчаков), кара-китаев (или подвластных им местных тюркских племен); что касается монгольского этнического элемента, то его роль, очевидно, была сравнительно весьма невелика: монгольское завоевание отразилось преимущественно на родо-племенной этнонимике каракалпаков, как и других тюркских народов Средней Азии. На позднейшем своем этапе этногенез каракалпаков был теснейшим образом связан (территориально, исторически и этнически) с параллельным процессом формирования ногайцев, узбеков и казахов.

Второй вывод, к которому мы пришли, заключается в необходимости более широкого привлечения этнонимии, этого ценного источника, для решения проблемы этногенеза народов Средней Азии. При условии тщательного изучения конкретной истории отдельных племен (одноименных с уже исчезнувшими этническими группами) на основе исторических данных более общего характера о передвижениях, завоеваниях и других политических событиях, влиявших на состав населения Средней Азии, этнонимы могут явиться достоверным доказательством участия в процессе формирования изучаемого народа тех или иных древних и средневековых этнических элементов.

✓ 3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ КАРАКАЛПАКОВ О МЕСТАХ ИХ ОБИТАНИЯ ДО ПРИХОДА В ЮГО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАРАЛЬЕ

При отсутствии письменных известий о каракалпаках, относящихся к периодам, предшествующим концу XVI в., большой интерес для характеристики послемонгольского периода их истории представляют те упоминания о местах их обитания и о главных направлениях передвижений,

¹ И. А р и с т о в. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, стр. 424.

которые заключаются в исторических преданиях этого народа. Разумеется, нельзя рассматривать такие данные в качестве достоверного исторического источника; однако не следует и пренебрегать ими: собственные имена, географические названия, тематика и трактовка исторических событий в этих подчас полуполюгендарных сказаниях позволяют определить конкретную историческую обстановку, в которой они могли сложиться, проливая свет также на реальную этническую и географическую среду, несомненно в какой-то степени отразившуюся на содержании сказаний.

В 1935 г., когда П. П. Иванов писал «Очерк истории каракалпаков», он располагал лишь тремя-четырьмя преданиями; два из них были записаны в XVIII в. Рычковым со слов «каракалпакских посланцев», прибывших в 1743 г. к Неплюеву в Оренбург; третье сообщил в 1874 г. участнику Амударьинской экспедиции Л. Соболеву каракалпакский бий Ириджаб, живший близ Чимбая.

Послы рассказывали Рычкову, что каракалпаки происходят от ногайцев, вместе с ногайцами в прежние времена «жили на ногайской стороне Волги реки между Астраханского и Казанского царств»; отсюда они ушли 260 лет назад вследствие завоевания Казани и Астрахани русскими; перейдя на левый берег Волги, каракалпаки постепенно дошли до Аральского моря и расположились «в нынешних местах». По другому варианту, записанному Рычковым, уход каракалпаков с Волги произошел раньше, в результате сокрушительного похода на Поволжье «татарского царя Миртамура», т. е. Тимура.¹

В сказании, переданном Л. Соболеву Ириджаб-бием, также говорится о жизни каракалпаков и ногаев «в Казани» и об уходе их отсюда в связи с завоеванием Казани царем «урусов». После этого ногайцы остались у русских, а каракалпаки ушли в степь на восток, кочевали там свыше 100 лет, пока не поселились у города Туркестана (Азрет Султана).²

Рассказ Ириджаб-бия комментирует в своем „Das Türkenvolk“ Вамбери в связи с сообщением, что ему в 1863 г. в Хиве рассказывали, будто ногайские султаны происходили из каракалпаков.³

Анализируя эти каракалпакские предания, П. П. Иванов в первую очередь обращает свое внимание на тот вариант, в котором движение каракалпаков от Волги к Сыр-Дарье связывается с тимуровским походом в Поволжье: «предание довольно правдоподобно изображает события конца XIV века, к которому, как известно, относится знаменитый поход Тамерлана против Золотоордынского хана Тохтамыша (1395). Результатом военного поражения Тохтамыша явилось не только разрушение ряда городов Золотой Орды, включая сюда и столицу ее Сарай, но также массовое передвижение кочевого населения». По мнению Иванова, бежали, кроме племен, потерпевших поражение на стороне Тохтамыша, также и сторонники врага Тохтамыша — Едигея, который дал им тайный приказ спешно откочевать в глухие и отдаленные места. П. П. Иванов считает вполне вероятным вхождение в число этих сторонников Едигея — ногаев (вернее, ногайских улусов, поскольку ногаи в рассматриваемый период были термином политическим, а не этническим), — среди других племен и каракалпаков.

¹ П. Рычков. История Оренбургская. Оренбург, 1896, стр. 72. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 123—124.

² Л. Соболев. Письма об Амударьинской экспедиции. Русский инвалид, 1874, № 216.

³ H. Wambéry. Das Türkenvolk, in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885. S. 374.

⁴ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 25.

С другой стороны, политическая деятельность Едигея была тесно связана с Хорезмом; как сообщает В. В. Бартольд, уже в год смерти Тимура — (1405 г.) «Едигей в первый раз совершил вторжение в государство Тимура и захватил принадлежавший этому государству Хорезм, оставив здесь своего наместника. Когда смуты в Золотой Орде в 1410 г. заставили Едигея бежать, он нашел убежище в Хорезме, удачно защищался там сначала против войска Тимур-хана, сына Тимур-Кутлука, потом против войска хана Джелал-ад-дина, сына Тохтамыша; в Хорезме остался сын Едигея Мубарек-шах, только в 1413 г. вытесненный оттуда войском Шахруха».¹

Среди каракалпаков, как и среди других тюркских народов Средней Азии и юго-восточной Европы, этногенез которых связан с племенами, составлявшими ногайские улусы (ногайцы, казахи, татары и др.), широкой популярностью до сих пор пользуется эпическая поэма «Едиге-батыр», каракалпакский вариант которой впервые записан еще до революции Н. Беляевым. Каракалпакский эпос, подобно казахскому, идеализирует Едигея, описывая его как храброго, справедливого батыра, сражающегося за народ против тирана — Тохтамыша. Между тем в работах советских ученых, в частности в одной из последних работ проф. А. Ю. Якубовского, посвященной истории падения Золотой Орды, вскрыто подлинное историческое лицо Едигея, как человека, обладавшего большой волей, энергией, личной храбростью, но в еще большей мере — хитростью и коварством; Едигей «наперекор объективному ходу истории стремился вернуть великодержавие паразитической Золотой Орде средствами политического обмана и застрашивания»; параллельно же с исторически существовавшим Едигеем, пишет А. Ю. Якубовский, «есть еще Едигей — герой ногайского эпоса, причем эпоса явно феодального, составленного в угоду кочевой знати».

Переносить характеристику личности Едигея из этого бегско-феодального эпоса в историю, из легенды в историческую действительность — значит совершать большую ошибку, искажать историю...²

Предания и легендарные родословные, записанные нами во время полевых работ 1945—1948 гг. в Каракалпакской АССР попутно со сбором сведений об истории прихода и расселения каракалпаков на современной территории, значительно пополняют и расширяют известный до сих пор круг устных исторических традиций каракалпаков.

Большинство из них указывает, так же как и рассмотренные выше, в качестве одного из этапов движения каракалпаков с запада на восток — на В о л г у — «Е д и л ь»; однако, исходным пунктом движения считают обычно К р ы м, а между Волгой и Сыр-Дарьей называют еще один район своего обитания — Ж а и к (Яик—река Урал).

«Каракалпаки раньше жили в Крыму, там их родина, жили много лет; потом прикочевали в местность Захар (?), оттуда переселились на Волгу — Едиль, там жили в Казанском ханстве. Потом дрались с Казанским ханом и ушли в Казалы» (записано в Чимбайском районе, у Жулдаса Бабаева, ктай—бес-сары). «Каракалпаки раньше жили в Крыму, оттуда перекочевали в Туркестан» (записано в Чимбайском районе у Девлета Балтамуратова, ктай—каз-аяклы).³ «Происходят каракалпаки от ногаев. Раньше они жили по берегам Едила и Жаика, оттуда из-за войн с казахами ушли и переселились в Каракум — к Аральскому морю» (записано в Чимбайском районе,

¹ В. В. Бартольд. Отец Едигея. Изв. Таврического об-ва истории, археологии и этнографии, т. I (58). Симферополь, 1927, стр. 22.

² А. Ю. Якубовский. Из истории падения Золотой Орды. Вопросы истории, 1947, № 2, стр. 45, 36.

³ Полевые записи № 2, 15, 1945.

у Бердымурата Бегимбетова, кыпшак—майлы-балта);¹ «Каракалпаки раньше жили около Черного моря, где Одесса, потом стали нападать на Крымское ханство, ... потом пришли к Волге»; ослабев в борьбе с Золотой Ордой, с Волги «ушли на р. Жайк. Здесь жили казахи, с ними началась вражда. С Жайка перекочевали в Туркестан и жили там около 150 лет» (записано в Чимбайском районе, у Абдугани Худайбергенова, кыпшак—канглы).²

Наряду с этими географическими названиями, собранные в Чимбайском районе предания особенно часто упоминают имена Ж а н ы б е к - х а н а, О р у с - б и я, О р м а м б е т - б и я; «Когда каракалпаки были в Крыму, там был Жаныбек-хан. Он был ханом ногаев и каракалпаков и отличался жестокостью» (записано в Чимбайском районе, у Али-Бердымуратова, кыпшак — салтыр);³ «когда каракалпаки жили в Казалы, у них был хан Жаныбек, ногайский хан. Узбеки, каракалпаки, казахи — все были подчинены ногаям. Страна называлась Ногаистан» (Девлет Балтамуратов); Бердымурат Бегимбетов передал нам сказание о получении каракалпаками земель в местности Уллы-тау (Улу-тау) от «казахского хана Жаныбека». ⁴ По другому варианту земельные угодья у гор Улу-тау были даны каракалпакам казахским ханом Т е в е к к е л е м, ⁵ по третьему — х а н о м Т а у к е, батыром которого был каракалпак Тобет (ктай — шеруши ⁶). О р у с - б и й считается родоначальником рода ктай—бес-сары; 5 сыновей его, оставшись сиротами, были воспитаны в каракалпакском ауле. ⁷ Родоначальник 4-х родов племени ктай (анна, куйын, айтеке, шеруши) — Танке, по легендам, был приемным и воспитанником Орус-бия. ⁸ «Орус-бия некоторые люди считают мангытом (т. е. ногайцем); известно, что его куда (сват) был О р м а м б е т - б и й, ногай». ⁹ «У бес-сары и бексийк был общий предок — Орус-бий. Они кочевали еще в Крыму, это старый род». ¹⁰ Об «Ормамбет-бие, ногае» рассказывают, что он правил на Жайке. ¹¹

Все упоминаемые в собранных нами преданиях и легендах имена и местности ассоциируются с определенной эпохой и событиями, достаточно освещенными в исторической литературе.

После разгрома Тимуром Золотой Орды, в конце XIV и XV вв., последняя распалась на несколько самостоятельных владений, в числе которых одним из наиболее значительных было Ногайское ханство, возглавлявшееся Едигеем и его потомками.

Ногайские улусы, как уже указывалось, располагались от Волги до Камы и Яика, на северо-востоке доходя до Тобола.

В этот же период (XV в.) на соседней с ногайскими улусами территории, охватывающей пространства от реки Сары-Су до южных отрогов Урала и от гор Улу-Тау до Хорезма, возникает Узбекское ханство во главе с потомком узбекского султана Шейбана—Абулхайр-ханом (1428—1468). Абулхайр был возведен на престол в результате длительной борьбы потомков Шейбана с джучидской аристократией, происходившей от хана Орды и издавна владевшей расположенной в юго-восточном Приаралье Белой Ордой. Борьба эта, видимо, продолжалась и в период правления Абулхайра,

¹ Полевая запись № 14, 1945.

² Полевая запись № 5, 1945.

³ Полевая запись, № 13, 1945.

⁴ Полевая запись № 14, 1945.

⁵ Полевая запись № 30, 1946.

⁶ Полевая запись № 3, 1945.

⁷ Полевая запись № 2, 1945.

⁸ Там же, см. также № 20.

⁹ Полевая запись № 18, 1945.

¹⁰ Полевая запись № 15, 1945.

¹¹ Полевая запись № 4, 1946.

когда, по сообщению Мухаммед Хайдара, «султанам Джучидским приходилось от него очень плохо, и двое из них — Джанибек-хан и Гирей-хан бежали в Моголистан».¹ Там, в западной части владений моголистанского хана Иса-буги, на выделенных последним Жаныбеку землях, возникло впервые Казахское владение. Уже с конца XV в. источники указывают на тесную связь с Казахским ханством части ногаев; многие ногайские роды переселялись в казахские владения. Весьма возможно, что сохранившиеся в преданиях каракалпаков воспоминания о Жаныбеке, общем хане казахов, ногаев и каракалпаков, связаны с тем, что в состав переходивших в казахские владения ногайцев включены были некоторые каракалпакские роды и племена. Былины о Жаныбек-хане широко распространены у казахов, и обычно в них отражаются близкие отношения последних с ногаями. По этому поводу Чулошников пишет: «с особенной грустью по давно минувшей счастливой поре воспоминаются как раз те времена, когда обе, казахская и ногайская, орды жили вместе, дружно и мирно, как две родственные сестры (см. былины об Ас-Джанибеке и Джиренче-Чечене)».² Чокан Валиханов отмечает тот же факт: «...Джанибек был первым ханом казаков из фамилии Джучи-хана. Абульгази сыновей Джучи называет ханами казаков. Время управления Джанибека, когда 2 родные орды ногаев и казаков жили вместе, воспевается в киргизских поэмах, как золотой век. К этому времени принадлежит большая часть преданий, нравственные изречения Джауенчи-чечена (мудрого)... (имена) Джанибека и ногайского философа Асана Горемычного (Асан-Кайгы) употребляются степняками до сих пор...»³ В наших записях также неоднократно встречается имя Асан-Кайгы; благодаря меткости стрельбы из лука его сына, Абата, согласно легендам, каракалпаки получили от казахского хана земли на Улу-тау.⁴

С несколько более поздним периодом — серединой и концом XVI в. связано появление на исторической сцене столь популярных в сказаниях каракалпаков Орус-бия и Ормамбет-бия — ногайских мурз.

Многочисленные документы первой половины XVI в. свидетельствуют о значительной роли ногаев в этот период в торговле с Москвой и Средней Азией, о самостоятельной политике их в отношении Казанского и Астраханского ханств и т. д.; однако независимое положение и экономический расцвет ногайских улусов резко обрываются после завоевания низовий Волги Россией. Среди ногайской знати возникают две враждебные партии, одна из которых, во главе с Мурзой Исмаилом, тяготеет к России, другая же, связанная с восточными улусами, — к Казахстану. В одном показании русского посла, очевидца состояния западной части ногайских улусов в 1558 г., сообщается: «А ногаи пропали... немного их с Исмаилом осталось, да с детьми его, да и те в розни. Дети Исмаила не слушают. А шесть братьев Ших мамаевы дети на Яике, а с Исмаилом не в миру, а Кошумовы дети в Крым пошли».⁵

В этом документе для нас особенный интерес представляет не столько упоминание о Крыме, с которым ногайцы были связаны в разные периоды их истории еще со времен основателя этого улуса — Ногай (так же как и

¹ Цит. по Вельяминову-Зорнову. Исследование о касимовских царях и царевичах, ч. II, стр. 138—139.

² Чулошников. Вопрос о происхождении киргизской (казацкой) народности в исторической науке и народные казакские предания, как источник дальнейшего его освещения. Приложение к VI главе «Очерков по истории киргиз-казакского народа», Оренбург, 1924, стр. 282.

³ Чокан Валиханов. Соч., под ред. Н. И. Веселовского. «Записки Русск. географ. об-ва по отделу этнографии», т. XXIX, 1904, стр. 304.

⁴ Полевые записи № 14, 2, 6, 1945.

⁵ Продолжение Древней российской вивлиофики, ч. VII, стр. 289. СПб., 1791.

бассейн Яике, Крым входил во владения Ногай в конце XIII в.), сколько сообщение об уходе на Яик рода «шесть братьев» (собственно — шесть сыновей) — а л т ы у л ы. Это — ногайский род, теснейшим образом связанный с каракалпаками: русские документы XVII в., как мы это увидим ниже, говорят о совместных набегах алтыульцев с каракалпаками на Московское государство, из чего Ховорс, а за ним и Иванов¹ заключают, что каракалпаки и ранее — в XVI в. — входили в состав располагавшегося на Яике (а впоследствии — на Эмбе) алтыульского улуса ногаев.

В 80-х годах XVI в. ногайцы сталкиваются на Яике с русским казачьим войском; борьбу с яицкими казаками возглавляет ногайский мирза О р у с. Орус же, в качестве вождя «Больших ногаев», упоминает Ховорс, считая название рода алтыулы происходящим от имени сына Оруса — Алта.² Таким образом, есть основания полагать, что имя Оруса, упоминаемое в каракалпакских легендах, сохраняет память о пребывании в XVI в. некоторых каракалпакских племен — в частности ктай-кыпчаков — в составе ногаев на Яике, под властью этого ногайского мирзы.

Имя другого видного ногайского мирзы, в русских источниках «князя», О р м а м б е т а, встречается в исторических документах этого же периода (конец XVI в.). К ногаям бежал в 1582 г. один из противников могущественного Бухарского хана Абдуллы, в связи с чем хан направил в улусы ногаев свой отряд за беглецом. Опасаясь бухарского войска, правитель ногаев, Ормамбет-бий просил у царя Федора Ивановича построить на Яике укрепление — для защиты «Больших ногаев» от бухарцев.³ В других материалах имеются сообщения об убийстве Ормамбета в результате междоусобий правящей ногайской знати, о вмешательстве Бориса Годунова в эти события и предписании его Астраханскому воеводе соединиться с братом Ормамбета Естерекком для мести обидчикам; Карамзин утверждает, что в 1604 г. Естерек (по Карамзину — Иштерек) был объявлен главным князем ногаев и кочевал в степях астраханских, по реке Тереку, Куме, Волге и около Царицына; вторая группа ногаев — улус Казы кочевал около Азова и третья — Алтыульский улус занимал окрестности Синего или Аральского моря.⁴

Имя Ормамбет-бия часто можно встретить в произведениях казахского эпоса; после его смерти переход ногаев в Казахское ханство принял массовый характер. С другой стороны, нахлынувшие в начале XVII в. калмыки разъединили смежные до этого земли казахов и «Больших ногаев». «Ногайцы, стесненные калмыцким Хо-Урлуком, уходят за Урал и Волгу, а казаки на юг... Знаменитый в степях «плач» на раздвоение ногаев и казаков играется до сих пор степными музыкантами... и исторгает слезы у старых аксакалов. «Когда сто тысяч ногайцев взволновались, когда Урамбет-бий умер и самые черные леса загорелись»... поет степной баян»...⁵

С завоеванием калмыками «Большие ногаи» закончили свое существование в качестве самостоятельного территориально-политического объединения.

* * *

Рассмотренные нами здесь предания собраны, как это видно из наших ссылок на места их записи, в Чимбайском районе, среди каракалпаков

¹ П. П. И в а н о в. Очерк истории каракалпаков, стр. 30.

² Т а м же, стр. 29, прим.

³ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, под ред. Н. И. Веселовского, т. II, СПб., 1892, стр. 49—50.

⁴ К а р а м з и н. История государства Российского, т. XI. 1835, стр. 76—77.

⁵ Ч о к а н В а л и х а н о в. Указ. соч., стр. 305.

ктай и кыпшак. Они отражают связь исторических традиций каракалпаков арыса он-торт уру с историческими судьбами ногайцев и казахов и локализируют их в послемонгольский период на Поволжье, в бассейне Урала, а некоторую часть племен и в степях Причерноморья (Крым).

Иная картина представляется при рассмотрении преданий каракалпаков — конгратов.

Все они, как правило, указывают на обитание своих предков до Туркестана (вернее — бассейна нижнего течения Сыр-Дарьи) в бывшей Восточной Бухаре, в местности «Жидели Байсун».

«Кияты пришли из Туркестана, но до Туркестана жили в Байсуне» (записано в Муйнакском районе у Назметуллы, племя кият).¹ «После смерти Ормамбет-бия киргизы напали на каракалпаков, оттого они ушли из Туркестана. Раньше, до Туркестана, жили в Байсуне» (записано в Кунградском районе, у Бердымурата, род терис-тамгалы).² «В Жидели-Байсуне жили (раньше) все балгалы, но их там... притесняли. Часть их подчинилась Бухаре и осталась в Байсуне, а часть, наиболее воинственная, ушла в Хорезм» (записано в Муйнакском районе, у Разбека-кары, племя балгалы)³ и т. д.

Ни одного упоминания о Жидели-Байсуне нам не встретилось при опросе стариков племен ктай и кыпшак; следовательно, этот этап в передвижениях каракалпаков имелся именно у конгратов. Интересно, что в каракалпакском эпосе, в частности в поэме «Алпамыс», действие которой происходит в Байсуне, а затем на Сыр-Дарье, упоминаются исключительно конгратские роды: колдаулы, мүйтен, ыргаклы.⁴ В «Шежире» Бердаха говорится о происшедшем «300 лет тому назад» восстании конгратов в Хиве и уходе их оттуда в Байсун; указывается, что они пытались вовлечь с собой и он-торт уру, насильно, прокалывая пиками их юрты, заставляя двинуться с ними из Хорезма, но те не захотели поддержать конгратов.⁵

В содержании исторических преданий каракалпаков конграт больше аналогии с узбекским, а не с казахским эпосом, поскольку это касается их передвижений и переселений. В материалах, собранных Североузбекским этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции 1946 г. среди узбеков конградцев, мы видим те же географические названия и направления движений, что и у каракалпаков конграт; по их легендам:

«Конграты и мангыты жили в Жидели-Байсыне, на Сурхан-Дарье... оттуда двинулись в Туркестан, а потом на Кок-озек (в дельту Аму-Дарьи)».

«Хорезмские конграты пришли от байсун-конгратов, большинство которых осталось в Жидели-Байсыне...».

«...Первыми на Аму-Дарью пришли узбеки конграт, за ними — каракалпаки; я слышал от стариков, что когда узбеки уже стали здесь жить кышлагами, им сказали однажды молодые жигиты, что едет какой-то неизвестный народ... когда новый народ подъехал к базару, старики сказали, что это — каракалпаки: «бизнинг агаини, Жидели Байсында калган каракалпак»... (наши родичи, оставшиеся в Жидели-Байсуне каракалпаки)».⁶

В исторических источниках до сих пор не обнаружено никаких конкретных указаний на причины, в связи с которыми часть каракалпаков

¹ Полевая запись № 19, 1946.

² Полевая запись № 37, 1946.

³ Полевая запись № 9, 1946.

⁴ См. «Алпамыс» в переводе и литературной переработке Давкараева: Альманах каракалпакской литературы «Возрожденный народ», Турткуль, 1940.

⁵ См. «Шежире» Бердаха, перевод У. Кожурова, рукопись Ин-та этнографии АН СССР, прозаический аноним.

⁶ См. полевые записи начальника Североузбекского этнографического отряда Хорезмской экспедиции 1946 г. К. Л. Задыхиной; хранятся в архиве Ин-та этнографии.

оказалась в Жидели-Байсуне, куда пришла, вероятно, с Сыр-Дарьи или из Хорезма; но, во всяком случае, упорное сохранение в их исторических традициях названия этой местности заслуживает внимания, тем более, что и в литературе, и в наших этнографических материалах есть указание на наличие там и до сих пор некоторых каракалпакских племен. Видимо, разрешится проблема «Жидели-Байсуна», как одного из этапов передвижений каракалпаков в Средней Азии, лишь после проведения соответствующих этнографических работ в южном Узбекистане. Пока же на основании изучения преданий мы можем сделать заключение о неодинаковости исторических судеб и о различии территорий обитания каракалпакских арысов конграт и он-торт уру до их совместного расселения в Хорезме. О позднем объединении их свидетельствуют и различные наименования этих арысов, видимо, возникшие в разной исторической обстановке. Имена конграт и он-торт уру не имеют между собой логической связи, как, например, названия «крыльев» у киргиз («онг» — «сол» — правое и левое) или у огузов — туркмен («бузук» — «учук»); если название конграт объясняется из монгольского этнонима, то он-торт уру — термин, вероятно, более позднего происхождения.

Анализируя происхождение наименования арыса он-торт уру, П. П. Иванов оставляет этот вопрос открытым; «остается неизвестным, — пишет он, — каким образом и когда именно возникло это объединение, хотя вряд ли подлежит сомнению, что эта группировка создавалась под влиянием узбеков...».¹ Действительно, впервые в исторических источниках название «14 родов» встречается в применении к хорезмским узбекам, в цитировавшемся выше описании реформ Абульгази-хана, где говорится о присоединении к 4-м узбекским тупе «14 родов». Иванов полагал, что под этими «14 родами» «подразумевались, повидимому, все мелкие и второстепенные роды, не входившие в число 4-х тупе... Из другого места сочинения Муниса видно, что в XVIII в. «14 родов» были известны также под названием «ошак уруг» — «мелкие роды».²

Ни в одном из исторических источников нет конкретного перечисления названий «14 родов» хивинских узбеков, расшифровки содержания этого объединения. Несколько позже в описаниях событий первой четверти XIX в. в Хивинских хрониках начинает фигурировать объединение «14 родов» и у каракалпаков; в последнем уже и в этот период, видимо, ведущую роль играло племя ктай. Войско он-торт уру часто использовалось хивинскими ханами против мятежных конгратов. В дальнейшем, из хроник, земельных и палоговых документов архива хивинских ханов XIX в. выясняется постепенно состав каракалпакского объединения 14-ти родов в середине XIX в.; устойчивы входящие в него 4 племени (ктай, кыпшак, кенегес, мангыт), однако крайне неустойчивы самые 14 родов. Хотя при перечислении в документах точно соблюдается число 14, но наименования их не постоянны: так, в документе № 131 перечислены 10 родов хытай, затем даны без подразделения на роды канглы, кыпчак, мангыт, кенегес.³ В документе № 104 на первом месте племя кенегес (без подразделения на роды), затем — 10 родов хытай, 2 рода кыпшак (майлы-балта, естек) и канглы. Мангыты здесь в число 14 не вошли вовсе.⁴

Также неопределенны данные о 14 родах, собранные во время нашей полевой работы. Никто из стариков не мог перечислить нам 14 родов, всегда получалось их больше или меньше.

¹ П. П. И в а н о в. Очерк истории каракалпаков, стр. 52.

² Материалы по истории туркмен и Туркмении, т. II, стр. 328, примечание.

³ П. П. И в а н о в. Архив хивинских ханов XIX в., стр. 220—221.

⁴ Там же, стр. 231.

Вероятно, естественный рост арыса, возникновение новых родов, а с другой стороны, раздробление, постепенное исчезновение старых давно изменили систему когда-то существовавших «14 родов» каракалпаков; объединение которых легло в основу этого арыса. Поскольку среди хорезмских узбеков, как это выявили полевые исследования, отсутствуют традиции объединения из 14 родов, столь живучие среди каракалпаков, то есть некоторое основание предполагать, что «14 родов», присоединенные Абульгази-ханом во время административной реформы к узбекам кыпчак, были по своему этническому составу каракалпакскими.

Возможна и другая гипотеза по поводу происхождения названия он-торт уру, связанная с сопоставлением его с названием жаунгыр в отделе конграт.

Два отделения арыса конграт — жаунгыр и шулдук, столь различные по своей структуре и оторванные территориально друг от друга, имеют совершенно не связанные друг с другом наименования.

Первое — ж а у н г ы р — объясняется каракалпакским населением, как происходящее от корня «жау» — враг, и рассматривается как прозвище, данное узбеками каракалпакам, которые будто бы, прийдя в Хорезм, напали на них, барантовали, прогоняли с насиженных мест: «узбеки боялись каракалпаков и называли их жаугыр — «жау халк екен» — «враждебный народ». Подобная же версия происхождения этого слова записана К. Л. Задыхиной у узбеков конграт (среди которых также имеется группа жаунгыр), с тою разницей, что так будто бы называли узбеков туркмены за помощь Хивинскому хану в подавлении постоянных мятежей последних.

Нам кажется, что оба эти, весьма натянутые, объяснения, к тому же противоречащие исторической действительности (как известно, каракалпаки не завоевывали себе территорий в Хивинском ханстве с оружием в руках), отпадают, если принять во внимание столь распространенное в Средней Азии со времен монгольского нашествия слово джаунгар (джунгар) — левая рука, крыло, фланг, часть улуса и т. д. Возможно, воспоминание о совместном пребывании предков части современных каракалпаков и узбеков в левом крыле улуса Джучи, включающем бассейн Нижней Сыр-Дарьи (города Дженд и Узгенд — см. выдержку из Рашид-эд-дина на стр. 89), осталось в виде пережитка в названии отделения жаунгыр.

Отзвуки существовавшего когда-то и среди каракалпаков деления на правое и левое крыло отражены и в «Шежире» Бердаха:

Жиен становьём посредине стал,
Майкы становьём с правой стороны стал,
Ктай становьём с левой стороны стал,
Оттого пошло правое и левое...¹

Что же касается названия ш у л л у к — населением происхождение его, видимо, забыто; впрочем, в многократно упоминавшемся нами «Шежире» оно объясняется как тамга (имевшая вид палочки), которой конграты, находясь в постоянных распрях с он-торт уру, стали клеймить свой скот ввиду участвовавших баранты и краж его враждебными племенами.

Имеется еще одна интересная особенность преданий каракалпаков конграт: наличие в них традиций вторичного прихода в Хорезм в период около XVIII в. — начала XIX в.; первоначальное же поселение их в этом оазисе отодвигается такого рода легендами в гораздо более отдаленные времена.

¹ «Шежире» Бердаха, перевод У. Кожурова, строфа 22;

Старик Бегжан Арзуов (кият — ушь-тамгалы) из колхоза им. Свердлова в Кунградском районе рассказывал нам предание о том, что каракалпаки и до Туркестана жили здесь, в Хорезме. Потом эти места завоевал «калмак Шынгыз» (Чингис-хан), и каракалпаки вынуждены были откочевать отсюда. Тогда они ушли в Крым, жили там около 200 лет, потом перекочевали на Жаны-Дарью, «но не сразу, а частями»; когда же узнали, «что в Хорезме калмыков больше нет, захотели переселиться на свои прежние земли и прикочевали снова сюда».¹

Дважды, согласно преданиям, приходили в Хорезм и ашамайлы.² Эти легендарные известия интересно сопоставить с высказываниями современных исследователей истории каракалпаков, которые, как мы видели, все ближе подходят к убеждению, что «переселение каракалпаков в районы смежные с Хивой имело характер длительного процесса, начало которого должно быть отнесено к весьма отдаленному периоду...».³

4. ОСНОВНЫЕ ЦЕНТРЫ РАССЕЛЕНИЯ КАРАКАЛПАКОВ С КОНЦА XVI по XVIII в. ЗА ПРЕДЕЛАМИ ХОРЕЗМА

П. П. Иванов, исследовавший вопрос о времени появления каракалпаков в бассейне Сыр-Дарьи, пришел к заключению о недостаточности имеющихся в настоящее время в научном обиходе исторических данных для его окончательного разрешения.

Тем не менее, привлеченные этим автором источники дали ему основание полагать, что приход каракалпаков в низовья Сыр-Дарьи произошел не ранее второй половины XVI в., в связи с выделением их из состава уже упоминавшегося нами «алтыульского» объединения ногаев, передвинувшегося в этот период с низовьев Волги на восток, к Яику, Эмбе и в юго-восточное Приаралье. Это свое мнение П. П. Иванов обосновывает отсутствием упоминаний каракалпаков в числе населения присырдарьинских районов в среднеазиатских исторических источниках XV — первой половины XVI в., описывающих события, происходившие в указанных местностях, — например, в «Абулхайрханской истории», в «Шейбани-намэ», в «Михман-намэ» и Бухара» и др. Между тем, как уже упоминалось выше, выданная в 1598 г. бухарским ханом Абдуллою жалованная грамота мавзолею святого Зия-эд-дина в г. Сыгнаке, перечисляя население «аймаков» прилегающей к этому городу местности, называет среди других народностей и каракалпаков.⁴

Таким образом, первое из выявленных до настоящего времени достоверных исторических известий в нарративных источниках локализует их на Сыр-Дарье.

К первой четверти XVII в. относится еще несколько отрывочных упоминаний о каракалпаках в районе Сыр-Дарьи. В «Тезкере-и-Муким-хани» Мухаммед-Юсуфа Мунши под 1605 г. говорится о восстании их совместно с казаками против бухарского хана Баки-Мухаммеда, а под 1611 г. — о походе Имам-Кули, хана бухарского, против мятежных казахов, каракалпаков и калмыков; центр удара этого карательного похода, как явствует из описания, был направлен в районы Туркестана и Кара-Тау.⁵ К 20-м годам XVII в. относится известное единственное упоминание

¹ Полевая запись № 27, 1946.

² Полевая запись № 24, 1946.

³ П. П. И в а н о в. Очерк истории каракалпаков, стр. 73.

⁴ Там же, стр. 33—35.

⁵ Там же, стр. 38—39.

о каракалпаках в «Родословной тюрков» Абульгази-хана — сообщение о бегстве Хабаш-султана из Хивы к каракалпакам на берега Сыр-Дарьи.¹

Источники второй половины XVII в. снова подтверждают наличие каракалпаков в числе подвластных Бухаре народов: в статейном списке Бориса Пазухина (1671) говорится: «И в Бухарской земле збирается ратных людей с туркестанцы и каракалпаки и с казаки полтора ста тысяч и больше»... «надежные люди к бою в Бухарской земле туркестанские казаки и подданные бухарскому царю царевичи каракалпацкие. А збирается каракалпаков и казаков с пятьдесят тысяч. А ходят на помощь бухарскому царю пополам, потому что опасают улусов своих от черных калмык»...²

Местности, населенные каракалпаками, считаются «бухарскими улусами»; расположены они, видимо, также в этот период на Сыр-Дарье, а не на Зеравшане, так как Абдулазиз-хан, по свидетельству Пазухина, пошел «в каракалпаки» по «туркестанской дороге».³

Более точные данные о территории, занимаемой каракалпаками на Сыр-Дарье, имеются в документах 90-х годов: они «пашут пашню с казаками живучи сообща и от Юзюганту⁴ вниз же по Сырту по обе стороны... на десяти днищах до мечети их Кургут»,⁵ «а будет де их человек тысяч 6 и больше».⁶

Прилагаемая карта, составленная в 1696 г. тобольским боярским сыном Ремезовым по указу Петра I, обозначает расположение каракалпаков в этих же местах (см. карту № 1). На рубеже XVII и XVIII в., согласно историческим известиям, часть каракалпаков подчинялась казахскому хану Тауке (1680—1718). Таким образом, уже в этот период, повидимому, среди сырдарьинских каракалпаков намечались две территориальные группы: одна из них тяготела к Бухаре и, возможно, частично уже переселилась в Зеравшанскую долину, другая же была подвластна казахам и жила севернее, в низовьях реки.

Наряду с каракалпаками, расположившимися в бассейне Сыр-Дарьи, другая группа источников свидетельствует о наличии на протяжении всего XVII в. еще одного центра расселения этого народа — у верховьев Яика и Эмбы, где они в начале указанного столетия продолжают еще быть тесно связанными с ногаями и совершают постоянные набеги на окраины Сибири.

Так, в «Отписках самарского воеводы князя Пожарского» (1613—1614), где мы находим первые в русской историографии упоминания о каракалпаках, сообщается: «казачья-де орда и кораколпаки и алтаулы меж себя ныне в совете ж, а с юргенским де с Арапханом Казачья орда и кораколпаки и алтаулы ныне в миру ж».⁷

В документах, относящихся к истории Сибири, 1690—1691 гг., отмечается: «киргиз-кайсацкая орда с каракалпаками (мангитами) приковывала к Сибири и разоряет Тарханский острог Тюменского

¹ Абульгази. Родословное древо тюрков. Перев. Г. С. Саблукова, Казань, 1914, стр. 260.

² Наказ Борису и Семену Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч в 1669 г. Русская историческая библиотека, 1894, т. 15, стр. 61.

³ Там же, стр. 67.

⁴ Город Узгенд находился в низовьях Сыр-Дарьи, на левом берегу реки. См. В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, 1914, стр. 151.

⁵ Мечеть Кургут — сохранившиеся до настоящего времени в низовьях Сыр-Дарьи развалины «Хорхут-ата».

⁶ Сыскное дело 1697 года о дороге в Хиву. Русский архив, 1867, год 5-й, стр. 400.

⁷ Акты исторические. Изд. Археографической комиссии, т. 3, стр. 421.

округа»;¹ «киргизы с каракалпаками разграбили Царево городище и Утяккую»² и т. д.

В 70-х годах, во время восстания башкир, вспыхнувшего в связи с русской колонизацией закамского края, каракалпаки принимали деятельное участие в этом восстании, нападая вместе с башкирами на уральские и сибирские волости.

Повидимому, между этой северной и сырдарьинской группами каракалпаков существовало политическое единство и связь, так как активный участник башкирского восстания Кучук-хан, по сведениям Пазухина, находился во время его путешествия «в Каракалпаках в бухарских же улусех».³

* * *

В XVIII в. в Средней Азии происходили крупные исторические события, вызвавшие значительные передвижения населения бассейна среднего течения Сыр-Дарьи, в первую очередь казахов и каракалпаков.

В 1723 г. Казахское ханство подверглось нападению войск джунгарского хун-тайжжи Цеван-Рабдана. Начались «годы великого бедствия», сохранившиеся в памяти казахского народа до настоящего времени и запечатленные во многих горестных строфах его народного эпоса. Не имея сил для сопротивления джунгарам, казахи бежали из разоренных аулов в трех направлениях: Младший Жуз — к западу, в Хиву и к северу — в долины Яика и Эмбы; Средний — в центральные области Средней Азии — к Самарканду и Бухаре, а Старший признал зависимость от Джунгарии. Эти движения вовлекли и каракалпаков, которые вместе с казахами частью продвинулись вверх по Сыр-Дарье, к Ташкенту и на юго-запад от него, частью приняли подданство Джунгарии и, наконец, в значительном количестве ушли на север, в Приуралье. Возможно, в этот период некоторые группы каракалпаков проникли в Байсун вместе с казахами. В «годину бедствий» «значительная часть беглецов дошла до Джидели Байсына, местности, очень хорошо сохранившейся в памяти казахов даже Лепсинского и Копальского уездов; Джидели — название горы, а Байсын — город в Восточной Бухаре».⁴

Документы астраханских архивов свидетельствуют о появлении в 1724 г. на Яике и Эмбе многочисленных отрядов каракалпаков, приход которых объяснялся тем, что «хан-тайши нынешнею зимою у каракалпак и у киргиз-казаков взял войною четыре города...» «первый — Ясу, в котором каракалпакский хан жил, второй — Сауран, третий Ташкент, четвертый — Тюркустан».⁵

Началась борьба пришельцев с русско-подданными калмыками, жившими между Волгой и Яиком. Калмыки были в конце концов оттеснены к Волге, несмотря на помощь им войсками и оружием со стороны русского правительства. В одном из документов этого периода рассказывается со слов «калмыцкого владельца» Доржин-Назарова, что «в нынешних-де числах приходил к ним для разорения их улусов каракалпаккой Абал-Гари (Абулхайр. — Т. Ж.) салтан в тринадцати тысячах человеках. И взял-де он, салтан, ево Доржина улусу человек с пятьдесят, да с пятьсот верблюдов да тысяч с восемь овец... А кочевья-де они каракалпаки имеют на реке

¹ И. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. Иркутск, 1883, стр. 135.

² Словцов. Историческое обозрение Сибири. М., 1886, кн. 1-я, стр. 146.

³ Наказ Борису и Семену Пазухиным, ... стр. 66—67.

⁴ Сб. «Бартольд». Ташкент, 1927, стр. 62.

⁵ Из дел калмыцкого областного архива за 1724 г. Цит. по сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 175—176. Ошибочно указаны два наименования одного и того же города — «Ясы» и «Тюркустан».

Енбинских вершинах... Да он же, Доржин Назаров... на луговой стороне (Волги) один с улусом своим от них, каракалпак, кочевье иметь опасается... и чтоб его с улусом его перевезли для кочевья на нагорную сторону против Саратова или б дали ему на луговую сторону для обережи его императорского величества драгунского войска тысячи с две человек, да пушек с шесть».¹

Прикочевавшая с Сыр-Дарьи группа каракалпаков объединилась частью со своими сородичами, — упоминавшейся выше северной группой каракалпаков, жившей в начале XVIII в. между Самарой и южными предгорьями Урала и известной по письмам калмыцкого Аюки-хана в период Петровских походов на Хиву.

Дальнейшая судьба всей этой части каракалпаков неизвестна. Вероятно, большинство их возвратилось на Сыр-Дарью, и тогда легендарные сведения о пребывании близ Волги и Яика и борьбе там с калмыками могут оказаться позднейшими слоями эпоса, относящимися к XVIII в.; некоторые же группы, очевидно, остались на Поволжье и на Мангышлаке. Остатки каракалпаков фиксируются там как документами и картами XVIII в., так и позднейшими этнографическими источниками. Так, например, на карте 1746 г., опубликованной в первом томе книги английского купца Дж. Ханвея,² обозначены кочевья каракалпаков на Мангышлаке. Там же встретил их митрополит Хрисанф в 1794 г.³ Отмечаются каракалпаки и на Урале; в частности, Хорошхин пишет: «...30 семейств каракалпаков мы видим на берегах Большого Узенья, приписанными к Уральскому казачьему войску... Уральские каракалпаки — полукошачники и по языку, одежде и образу жизни отличаются от живущего с ним бок-о-бок... чисто кочевого... колена-казак... Может быть уральские каракалпаки сохранили предание своей далекой родины, а потому исследование их очень интересно».⁴

Наконец, если обратиться к данным переписи 1926 г., мы увидим там сведения о группе каракалпаков, численностью в 1147 человек в Букеевском уезде Уральской губернии.⁵

Захват джунгарами среднего течения Сыр-Дарьи окончательно закрепил намечавшееся еще в XVII в. разделение сырдарьинской группы каракалпаков на две части: «верхних» и «нижних». Это определило различные их исторические судьбы: первые, находясь в составе Старшего и частично Среднего казахских жузов, — оказались в «протекции» — политической зависимости от джунгар; вторые, до разгрома их в 1743 г. Абулхайрханом, — разделяли судьбу казахов Младшего жуза, вступив в 1731 г. вместе с последними в подданство России.

Весьма скудные, отрывочные сведения о «верхних» каракалпаках не дают возможности сколько-нибудь точно определить их территорию в XVIII в. Известно лишь, что они жили близ г. Туркестана, по Чирчику, у Ташкента и на юг от него.⁶ В этих же местностях они обозначены на

¹ Сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 177.

² J o n a s H a n w a y. An historical account of the British trade over the Caspian Sea. London, 1754, vol. I, стр. 236—237.

³ Х р и с а н ф. О странах Средней Азии, посещенных им в 1790 г., с введением и объяснениями В. В. Григорьева. «Чтения в об-ве истории и древностей Российских», 1861, кн. 1-я.

⁴ А. П. Х о р о ш х и н. Сборник статей, касающихся до Туркестанского края. СПб., 1876, стр. 497.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. XVIII «Казахская АССР», таблица X.

⁶ Временно г. Туркестан был отдан джунгарами во владение каракалпаков. См. В. Н. В и т е в с к и й. И. И. Неплюев и Оренбургский край, вып. IV. Казань, 1895, стр. 791.

«ландкартах» Красильникова, составленных в 1755 г. (см. карту 4). Источники сообщают также о попытках джунгар переселить часть каракалпаков на восток, на свои территории. С этим периодом связано переселение в Монголию обнаруженной там путешественником 80-х годов XIX в. Васильевым среди калмыцкого племени олетов небольшой группы каракалпаков.¹ К периоду джунгарского владычества относятся, вероятно, какие-то значительные передвижения каракалпакских племен отдела конграт, отголоски которого сохранились в упоминавшемся нами эпосе «Алпамыс», где рисуется картина ухода нескольких баев из этих племен с подчиненными им сородичами на почве междоусобиц с мест их кочевий на юге (Байсун) под покровительством джунгарского хун-тайжжи, который предоставил им земли на Сыр-Дарье.

П. П. Иванов высказывает предположение, что после поражения джунгар китайцами в 1758 г. «из района Ташкента совершилось повидимому... дальнейшее продвижение каракалпаков в глубь оседлых районов Средней Азии, вверх по Сыр-Дарье»² — в Ферганскую долину и к Хавасу (Урсатьевской). Перепись 1926 г. зафиксировала в Ферганском округе Узбекской ССР 4777, в Андижанском — 14 043 каракалпака.³ В Зеравшанской долине перепись отметила лишь незначительное число каракалпаков, так как последние в большинстве называли себя узбеками. Однако они там имеются в значительном числе, и есть полное основание связать с событиями середины XVIII в. переселение их в районы близ Самарканда; по сообщению Мухаммед-Вафа Керминеге в его труде «Тарих-и Рахимхани» в 1754 г. в Хавасе появилось около 6 тыс. каракалпаков. Глава этого племени вступил в подданство бухарскому эмиру («приехал к палатке эмира на поклон и удостоился даров и милости последнего»), после чего, в сопровождении посланцев эмира, эти каракалпаки откочевали в Канигиль (на р. Зеравшан), близ которого, очевидно, и были поселены.⁴

Таким образом, «верхние каракалпаки» XVIII века в современной специальной литературе предполагаются предками основной массы трех групп каракалпакского населения Узбекистана: ташкентской, ферганской и зеравшанской. Часть последних, впрочем, может быть, является пришельцами более раннего периода.

Весьма вероятно, что при организации этнографических работ среди каждой из данных групп окажется возможным проследить более глубокие локальные слои, так же как и позднейшие этнические напластования, однако современное состояние исторических источников и отсутствие этнографических материалов, в том числе и преданий об истории заселения занятых ими районов, не позволяют окончательно разрешить этот вопрос.

Значительно больше данных имеется для локализации «нижних» каракалпаков.

Дружбы с могущественной Россией для защиты казахов от джунгар искал еще Тауке-хан, в 1718 г. начавший переговоры о принятии казахов в русское подданство. Переговоры об этом с правительством Петра I были прерваны со смертью Тауке и вновь настойчиво возобновились при его преемнике — Абулхайре, хане Младшего жуза, который, пользуясь

¹ А. Васильев. От Кобдо до Чугучака. Географические известия, т. XIX, вып. IV. СПб., 1883, стр. 304.

² П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 69.

³ Всесоюзная перепись населения 1926 г., т. XV, Узбекская ССР.

⁴ А. З. Валидов. Некоторые данные по истории Ферганы XVIII столетия. Протоколы заседаний и сообщений Туркестанского кружка любителей археологии, год XX, вып. 2, Ташкент, 1916, стр. 102—103.

поддержкой России, стремился объединить в своих руках власть над всеми казахами.

Заинтересованность русского правительства, строившего планы торгового проникновения в Среднюю Азию и Индию, в том, чтобы подчинить не только казахов, но и каракалпаков (занимавших территорию, на которой пересекались важнейшие караванные пути из Средней Азии в Россию), проявилась особенно ярко в период царствования Анны Иоанновны (1730—1740).

К 30-м годам XVIII в. относится серия документов, содержащих ценные сведения о каракалпаках. Это — документы, связанные с посольством Тевкелева, направленного в ставку Абулхайр-хана для принятия казахов Младшего жуза в русское подданство и для склонения к тому же каракалпаков; не менее интересны архивные материалы этого же периода, связанные с организацией так называемой «Оренбургской экспедиции» (во главе с Кирилловым) и основанием г. Оренбурга.¹

Документы 1733—1734 гг. сообщают о соприкосновении территории нижних каракалпаков с аральцами и «Меньшей киргизкайсакской ордой» (карта № 2), указывают на получение от Тевкелева «приятной ведомости», что не только Абулхайр-хан казахский, но и каракалпакский хан со всем своим народом в подданство пришли...»

В проекте Ивана Кириллова «о построении города при устье р. Орь» (1734 г.) читаем: «Что же надлежит до каракалпакского народа, который прошлого года в подданство ее императорского величества пришел, о том без сомнения есть, что в верном подданстве со многою пользою пребыть могут, ибо тот каракалпакской народ имеет хлебопашество и родится у них довольно пшеницы, пшена, просы, ячменю, который хлеб у них киргизкайсакки на бараны и другой скот меняют, также обращаются в рукоделье и в купечестве... живут они ближе Аральского озера на реке Сыр, где пристани быть надлежит для российских купеческих караванов, кои имеют ходить от вышеупомянутого нового города до Бухар и до Бодокшана и в Индию...».²

Другая серия документов относится к 40-м годам XVIII в.

Несмотря на тяготение к России казахов и каракалпаков, видевших в ней могущественного защитника от внешних врагов (в первую очередь джунгар), в 30-х гг. было много случаев нарушения подданства — нападений на русские караваны и крепости. Это было связано с обострившейся борьбой среди феодальной казахской знати, часть которой образовала враждебную Абулхайру партию, противившуюся подданству России. Создавшаяся обстановка вызвала необходимость вторичного вступления Младшего жуза в русское подданство и направления русским правительством к каракалпакам, независимо от Абулхайра настойчиво просившим о подданстве, неоднократно уже упоминавшейся нами миссии Гладышева, в период с 1740—1743 гг. несколько раз ездившего в дельту Сыр-Дарьи к «нижним» каракалпакам.

«Каракалпаки живут по обе стороны Сыр-Дарьи и Адам-Аты и Куван-Дарьи рек, — сообщает Гладышев, — и близ оных рек на озерах и сеют в низких местах около оных рек и озер хлеб, пшеницу, ячмень, просу; земля песчаная с илом; и пащут на быках; и на пашню из рек и озер напускают воду».³ Он пишет

¹ В. В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России, Ленинград, 1925, стр. 218—220.

² Высочайшая резолюция на проект статского советника Ивана Кириллова о построении города при устье реки Орь. Полное собрание законов Российской империи, т. 9, стр. 312—313.

³ Гладышев и Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. СПб., 1851, стр. 588—589.

и о жизни каракалпаков на островах, в устье Сыр-Дарьи, о занятии их там каирным земледелием. Так, описывается остров, на котором находятся развалины Янгикента (здесь Абулхайр-хан просил Россию выстроить торговый город): «С одной стороны того острова обошло Аральское море, с другой — Сыр-Дарья река, с третьей из Сыр-Дарьи в Аральское море пал проток Карасар шириною версты на две, по которому растет камыш так, как на болоте, от него же не в дальнем расстоянии есть соленое озеро; место ровное, земля черная с илом. Кочуют на том острову и пашут каракалпаки и хлеб родится, только более просо».¹

Показания Гладышева и Муравина о территории «каракалпакского владения» дополняются составленной Муравиным картой их маршрута (карта № 3).

Нами уже указывалось выше, что из документов, относящихся к поездкам Гладышева, можно вывести заключение о родо-племенном составе «нижних» каракалпаков; описанную территорию занимали конграты (в том числе кияты, муйтены) и племена он-торт уру: ктай, кыпшак, кенегес, мангыт, т. е. все родовые объединения, существующие до сих пор у амударьинских каракалпаков, а кроме того — жабынды и уйшуны.

* * *

Непосредственно после принятия «нижними» каракалпаками русского подданства, в 1743 г. они подверглись страшному разгрому со стороны своего «владельца» — сюзерена Абулхайр-хана казахского. Результатом был массовый уход каракалпаков с Сыр-Дарьи.

Как полагает П. П. Иванов, этот разгром «являлся, повидимому, своеобразным ответом на обнаружившееся к этому времени стремление каракалпаков перейти в русское подданство, следствием которого явились бы не только выход каракалпаков из-под его влияния, но и превращение их в опасных для него союзников России».²

Из районов, непосредственно примыкавших к Малой Орде, после событий 1743 г. «нижние» каракалпаки частично ушли на юг, к «верхним», под защиту джунгар,³ основная же масса их переселилась на Жаны-Дарью, приблизившись к Хивинскому ханству, и вскоре была подчинена последним.

Небольшие группы каракалпаков, видимо, остались здесь еще и после 1743 г. (см. карту Красильникова) и даже на протяжении XIX в. отмечаются здесь русскими путешественниками, послами и экспедициями.⁴

Однако главную территорию бывшего «Каракалпакского владения» заняли казахи: зимою 1762 г. часть киргиз Среднего и Малого жузов откочевали к Сыр-Дарье в «пустооставшую... Каракалпакскую землю».⁵

¹ Гладышев и Муравин. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740—1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. СПб., 1851, стр. 33—34.

² П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 67.

³ См. донесения Неплюева в сенат. В. Н. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край..., вып. III, стр. 679—681.

⁴ См., например, Ф. Ефремов. Странствование в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию. Казань, 1811, стр. 55, 60. Сведения относятся к 70-м годам. С. В. Жуковский. Посольство переводчика Бекчурина в Бухару в 1781 г. Восточный сборник, кн. II, СПб., 1916, стр. 320—321.

⁵ В. В. Вельяминов-Зернов. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абулхайр-хана (1748—1765 гг.), Уфа, 1853, т. I, стр. 204. Примечание.

5. РАССЕЛЕНИЕ КАРАКАЛПАКОВ В ХОРЕЗМЕ В ПЕРИОД С XVIII в. ДО РУССКОГО ЗАВОЕВАНИЯ (1873)

Постепенное заселение северного Хорезма каракалпаками началось еще задолго до разгрома их в половине XVIII в. казахским ханом Абулхайром. Исторические известия о связи каракалпаков с этими районами доходят до нас уже с конца XVII в., однако для этого периода, как и для первой половины XVIII в., характерна политическая близость каракалпаков не к Хиве, а к Аральскому (Кунградскому) владению, расположенному в дельте Аму-Дарьи. После происшедшего в 70-х годах XVI в. высыхания рукава Аму-Дарьи, несшего часть ее вод в Сары-Камышскую впадину, и направления всего ее течения к Аральскому морю впервые появляется в источниках географическое название «Арал». Как сообщает Бартольд, «остров, образуемый дельтой и морем, получил название «Арал», перешедшее потом и на самое море; в XVIII в. Арал большей частью был независим от Хивы и главный город его — Кунград в конце XVIII в. получил для страны почти такое же значение, какое имел в середине века старый Ургенч».¹ Аральское владение охватывало и восточную часть дельты, где Гладышев и Муравин в 1740 г. посетили второй центр его — город Шахтемир, находившийся близ современного Чимбая. Население Арала состояло из узбеков, принадлежавших главным образом к племенам конграт, кыпчак и мангыт. Находясь в постоянной оппозиции к Хиве, аральцы провозглашали у себя собственных ханов (иногда из знати соседних казахов и каракалпаков), во главе с которыми вели борьбу против настойчивых попыток хивинцев к их подчинению.

Уже в «Распросных речах» Василия Кобякова (1696) говорится об участии каракалпаков в мятежах аральцев против Хивы.² С начала XVIII в. в той же роли союзников аральцев каракалпаки все чаще начинают фигурировать в хивинских хрониках Муниса и Агехи. Так, в 1714 г., согласно хроникам, восставшие против хивинского хана Ядгара аральские узбеки возвели на хивинский престол каракалпакского төре—Эшим-султана. Воспарившийся в следующем, 1715 г. преемник Ядгара Ширгази-хан (1715—1728) подавил это восстание и направил затем 5-тысячный отряд преследовать каракалпаков, участвовавших в мятеже. Из описания похода следует, что поселения указанной группы каракалпаков располагались в непосредственном соседстве с аральцами: при приближении хивинского карательного отряда каракалпаки не смогли устоять, они «побросали свой скот, жилища и бежали к морю, которое от крайнего холода замерзло, в сторону Янги-су». Ханские войска все же настигли их и предали жестокому избиению, так что «поверхность моря стала багровой от их крови», а оставшиеся в живых были «закованы в цепи рабства» и доставлены к хану.³ Указание на бегство по направлению к Янги-су свидетельствует, что уже в начале XVIII в. в восточной части дельты Аму-Дарьи жило значительное число каракалпаков.

К периоду власти того же Ширгази-хана относится упоминание о еще более близком к Хиве поселении каракалпаков: описывая новое восстание аральцев, во время которого ими был возведен на престол в Аральском владении хан Шах-Темир, хроники говорят о бегстве вождя восстания, узбека мангыта Ширдали-бия «в каракалпакский эль, находившийся в Ак-якыше».⁴ В результате специального исследования нашего

¹ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана. СПб., 1914, стр. 95.

² Дополнение к агтам историческим, т. X, СПб., 1867, стр. 385.

³ Мунис и Агехи. Фирдаусу-ль-икбаль. Сб. «Материалы по истории каракалпаков», изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 91—92.

⁴ Мунис и Агехи. Фирдаусу-ль-икбаль, там же, стр. 92.

этнографического отряда в 1948 г. обнаружена местность и остатки укрепленного поселения «Ак-якыш» на пересохшем русле Кок-Узика, у границ между Караузьякским и Тахта-Купырским районами Каракалпакской АССР.

О каракалпаках в Хорезме в начале XVIII в. упоминают и русские источники; так, известный посол Флорио Беневени в своей «реляции» Петру I из Бухары в 1723 г. пишет: Шах-Темир султана партия «...разбеглась и по сию пору в Аралах мешкают... однако ж ныне вновь пробираются ехати (против хана Ширгази) ибо после как женился в Каракалпаках на сестре султана одного много каракалпаков к нему пристало».¹

Самый факт женитьбы аральского хана на дочери каракалпакского султана говорит об известной роли каракалпакской знати в политической жизни северного Хорезма в первой четверти XVIII в.

В материалах, связанных с историей правления преемника Ширгази — Ильбарс-хана (1728—1740) и с завоеванием Хорезма персидским шахом Надиром (1740), также имеются данные о каракалпаках: в 1728 г. они участвовали в нападении упомянутого аральского хана Шах-Темира на Хиву; в результате поражения войско из трех тысяч аральцев и каракалпаков было уничтожено хивинцами.²

П. П. Иванов приводит извлечение из неопубликованной рукописи одного из историков Надир-шаха — Мухаммед-Казима, где сообщается, что после захвата власти в Хорезме Надир приказал послать военачальников «в Арал и к каракалпакам для приведения этих племен и народов в подданство и подчинение», а несколько позже он отправил к ним же своих людей для мобилизации войска, и те, собрав из среды каждого из этих народов по шесть тысяч, через 10 дней привели их к шаху.³

Наконец, в обстоятельном описании путешествия в Аральское владение и Хиву в 1740 г. Гладышева и Муравина мы встретим параллельные данные о каракалпаках и аральцах, свидетельствующие не только о политической связи этих двух народов, но и о хозяйственной и культурной общности их. При этом узбеков, живущих вне этого владения, Гладышев описывает особо.⁴

Возможно, дальнейшие историко-этнографические исследования дадут возможность проследить и более глубокие корни связей каракалпаков южного Приаралья с так называемыми «аральцами», чем те, о которых говорят отрывочные исторические свидетельства конца XVII—XVIII вв.

* * *

Переходим к рассмотрению исторических данных второй половины XVIII в.

В истории Хивы это был период политического кризиса. Государство было ослаблено в борьбе с Надир-шахом; реквизиции продовольствия и мобилизации мужского населения подорвали экономику страны; в то же время с уходом персидских войск началась борьба за власть между представителями узбекской родо-племенной знати. В 60-х годах в эту борьбу включилась и туркменская знать. Междоусобия, насилия, грабежи принуждали жителей покидать пределы ханства, забрасывать поля и селения. Начался голод. В этот период у власти в Хиве стояли ишаки (титул высших придворных), являвшиеся вождями крупнейших племенных группировок

¹ А. Н. Попов. Сношения России с Хивой и Бухарой при Петре Великом Спб., 1853, стр. 146.

² Мунис и Агехи. Фирдаусу-ль-икбаль, там же, стр. 93.

³ П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков, стр. 72.

⁴ Гладышев. Поездка из Орска в Хиву и обратно, стр. 71 и 73.

узбекской феодальной знати; формально же правили «подставные» ханы — «чингизиды», поскольку еще соблюдался обычай выдвижения ханов из привилегированного рода тёре — «белой кости», считавшихся потомками Чингиса. Как свидетельствуют хроники, в роли таких марионеток, «подставных ханов» нередко выступали в Хиве XVIII в. наряду с казахскими и каракалпакские тёре.

Впрочем, по поводу этого у некоторых историков имеются сомнения: так, Н. И. Веселовский, исследуя «заметки» Бланкеннагеля о Хиве,¹ пишет: «Бланкеннагель говорит, что хивинцы выбрали себе хана из каракалпаков. Каракалпакских ханов в Хиве никогда не было, а так называл он киргизских (казахских).—Т. Ж.) султанов, в Хиве ханствовавших. Так назывались они и в делах Пограничной комиссии».²

Оставляя открытым неисследованный еще вопрос о наличии у каракалпаков ханских династий и в частности о действительном происхождении так называемых «каракалпакских» ханов в Хиве (очевидно, казахских и лишь «привозившихся» «из каракалпаков», которыми они управляли), вернемся к непосредственно нас интересующей теме.

Около 1770 г. Мухаммед Эмин, инак из конгратской узбекской знати, нанес поражение туркменам и фактически завладел властью в Хиве. После смерти Мухаммеда Эмина инаком Хивы стал его сын Аuez (1790—1804), а преемник Ауеза Ильтузар (1804—1806), свергнув «подставного» хана, сам принял ханский титул, положив начало новой хивинской узбекской династии конгратов. К периоду правления инаков — второй половине XVIII в. — относятся первые достоверные исторические известия об официальном переходе некоторых каракалпакских племен в подданство Хивы. Видимо, это была волна отхлынувших в связи с разгромом со стороны Абулхайра (1743) сырдарьинских каракалпаков.

Агехи сообщает в своем «Риязу-д-довле»: «...Когда каракалпакский народ (улус) в прежние времена с большими испытаниями откочевал из района (города) Туркестана и облюбовал климат и степи областей Хорезмского государства (вилает), старейшины (кедхуда) и вельможи (бий) этого племени (джамаа) прибыли с обильными подарками в столицу Хивак просить пастбищ и летовок, изъявили перед великим эмиром Мухаммед-Эмин инаком готовность вносить десятину (ушр), харадж и закят и ходатайствовали о предоставлении земли и площади для поселений (йер ве юрт) на одной из окраин Хорезмского государства (мемалик) для стад и соплеменников. И Мухаммед-Эмин инак великодушно уважил их просьбу и пожаловал этому племени (джамаа) район к северу (арка) от реки Кёкозек до Аральского моря (Хорезм тенгизи.) И Айдост-бий из знати того народа, (эль) из рода (тире) колыдаглы (иначе — колдаулы) племени (улус) кунград... был пожалован должностью (мансаб) бия, после чего благодаря всемирной поддержке стал правителем (хаким) всего каракалпакского народа (улус) и особенно кунградского рода...»³ Как можно судить по этому извлечению, речь идет, очевидно, о переходе части конгратов в подданство Хиве, в том числе многочисленного и сильного племени колдаулы, из которых происходил Айдост — известный каракалпакский политический деятель, способствовавший подчинению каракалпаков Хиве и достигший большого могущества и богатства, в особенности при Мухаммед-Рахим

¹ Бланкеннагель. Путевые заметки о Хиве в 1793—1794 гг. «Вестник Русского географ. об-ва», 1858, т. XXII.

² Н. И. Веселовский. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877, стр. 212, примечание.

³ Агехи. «Риязу-д-довле». См. Сб. «Материалы по истории каракалпаков», стр. 128.

хане, в начале XIX в. Впоследствии, в 1827 г. Айдост возглавил крупное восстание каракалпаков против Хивы.

В наших полевых материалах, собранных в 1946 г., встречаются отголоски воспоминаний о том времени, когда еще молодой, только начинающий свою карьеру при дворе хивинских ханов Айдост вовлекал каракалпаков в подданство Хиве. Так, старик Бабажан Жусупов из конгратов-ашамайлы рассказывал нам: «Мы приплыли сюда из Туркестана, там жили наши предки... оттуда переселились на Жаны-су. Занимались земледелием, сеяли просо; урожай были очень хорошие... Когда мы перекочевывали с Жаны-су в Хорезм, нашим бием был Маман-бий. Это был современник Айдоста, но Айдост был младше его. Айдост в то время был еще батыром, а не бием.

Хивинский хан раз спросил Айдоста: «есть ли у тебя эль?» Айдост сказал, что есть, потом пошел на Жаны-су к Маман-бию и предложил ему: «Давай, перекочуем!» «Куда?» спросил бий. «В Хорезм. Там удобные земли для хозяйства». Маман-бий отказался. Он сказал: «Хивинцы — плохие люди. Мы будем врагами с ними, если перекочуем в Хорезм». Но Айдост настоял, и они двинулись в путь».¹

Приведенное нами выше извлечение из сочинения Агехи говорит о предоставленном «племени Айдоста», т. е. в первую очередь колдаулы, территории северо-восточной части дельты (к северу от Кок-Узяка до моря). Эта территория, как видно из прилагаемых карт (карты 5, 6 и 7), осталась до XX в. главной территорией колдаулы. Каульбарс в 1873 г. локализует колдаулы «на всем пространстве между Улькун-Дарьей, морем, горю Терменбес и низовьями бассейнов Кегейли и Иессыма, т. е. по всей пустынной центральной части дельты Аму...»² В этой же местности, близ Даукары на Кок-Узяке хивинское правительство по просьбе Айдоста, ставшего знатным, преданным Хиве бием, построило упоминавшуюся нами выше крепость Ак-якыш. Айдост со своими сородичами, поселившись в Ак-якыше, сделал крепость центром управления подчиненными Хиве каракалпаками и базой для карательных набегов и войн с мятежным, постоянно отделявшимся Кунградским (Аральским) владением. Старик Досумов из племени колдаулы, рода бес-кемпир (из этого же рода происходил Айдост) рассказывает: «предки наши жили в Даукаре; там жили долго, около 200 лет; говорят, что в Даукару пришли из Туркестана».³ Другой старик сообщил нам, что все бес-кемпир раньше жили возле Даукары, так что вместо употребления этого названия часто говорили просто: «местность бес-кемпиров».⁴

Однако, кроме указанной основной группы колдаулы, расселение которой связано с именем Айдоста, мы проследили среди них другую, пришедшую на современные территории независимо от Айдоста и, видимо, позже. Приводим целиком выдержку из рассказа об этом переселении 70-летнего Утегена Еримбетова, колдаулы рода кулки-кожак, из колхоза «Кенес», расположенного близ старинных каракалпакских крепостей Ак-калы и Кара-калы и протока Майлы-узяк (на севере Муйнакского района Каракалпакской АССР):

«Самыми последними откочевали из Туркестана колдаулы — когда там стало мало каракалпаков, они долго воевали с казахами и потом ушли на Сыр-Дарью. На Сыр-Дарье еще есть арыки, вырытые колдаулы,

¹ Полевая запись № 8, 1946.

² Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. «Записки имп. Русского геогр. об-ва по общей географии», т. IX, 1881, стр. 510.

³ Полевая запись № 15, 1946.

⁴ Полевая запись № 16, 1946.

которые там занимались земледелием. На Сыр-Дарье жили некоторое время, снова там воевали с казахами, а потом перешли на Жаны-Дарью. Там жили много лет, пока она не пересохла, потом ушли искать новые земли. Когда искали земли, 4 старика, сыновья Колдаулы с 40 джигитами, перешли через Ессым, Кок-Узяк и Даукара к Майлы-Узяку, который тогда еще так не назывался. Они остановились на озере, пиками (найза) проббили лед, чтобы достать воды для лошадей, и стали выгребать из проруби мелкий лед. Вместе с обломками льда вытащили много рыбы. Оказалось, что здесь очень много рыбы, и они решили поселиться на этих землях, а проток назвали «Майлы-озек» — жирный проток. Стали делить земли.

Старший сын Колдаулы — Жахсыбай сказал: «Я возьму земли по самому озеку, я люблю ловить рыбу».

Второй — Коянбай, взял местность «Ак коян даласи» — Буйдали (прежний Кара-Узяк — Шахаман). Таким образом он оказался в середине наших земель. Коянбай сказал: «Я взял эти земли не оттого, что они лучше, а оттого, что ведь у меня сын — батыр, и если с какой-нибудь стороны на нас нападет враг — из середины земель Каип-батыр во всяком направлении сможет быстро выехать навстречу врагу».

Третий брат — Маянбай взял местность близ нового Кара-Узяка (в Тахта-Купырском районе).

Четвертый — Толыбай «взял земли от Терменбеса до протока Кок-Узяк, и местность Айман-куль».

На этих землях мы живем и поныне. Нас называют «торть ата колдаулы.»¹

Другое каракалпакское племя, часть которого, очевидно, переселилась в Хорезм при Мухаммед-Эмин инаке — к е н е г е с (главная масса его, однако, как мы увидим ниже, оставалась еще на Жаны-Дарье, упорно сопротивляясь переходу в Хивинские владения). «Да будет известно... — читаем мы в «Фирдаусу-ль-икбаль», — что в первые времена Мухаммед-Эмин инака, до йомудского голода (1770) правитель кенегеских каракалпаков Аманкули бий вывел этот арык (Аман-кули арык — в районе между Кыпчаком и Ходжейли. — Т. Ж.) из Аму — близ Суkenли-сакасы (голова арыка Ходжейли) и провел на земли кенегес».² Предания, записанные в Кегейлинском районе, подтверждают наличие в Хорезме части каракалпаков кенегес в то время, когда основное племя находилось еще на Жаны-Дарье.

По всей вероятности, 'начатое Мухаммед-Эмин инаком официальное закрепление за каракалпаками земельных угодий в дельте Аму-Дарьи продолжалось при его сыне и преемнике Ауэз-инаке (1794—1804); во всяком случае, с именем последнего связывается в преданиях получение территорий некоторыми племенами конграт: так, например, в колхозе им. Кагановича (Кунградский район) нам рассказывали предание о земельном споре, происшедшем между колдаулы и ашамайлы в ханские времена. (Разумеется, события, которые в нем описаны, мало правдоподобны, но нас интересует в данном случае сохранение воспоминаний о получении каракалпаками земель при Ауэз-инаке.) Представители этих племен, знатный Ораз-аталык колдаулы и бий ашамайлы пришли для разрешения неурядиц к хану и тот взял сторону покровительствуемого им аталыка. Тогда к хану подошел юноша из ашамайлы, ученик хивинского мактаба и сказал: «Когда был Иез-инак — он разделил землю, колышки от раздела еще остались. Если не признаете этого прежнего

¹ Полевая запись № 16, 1946.

² М у н и с и А г е х и. Фирдаусу-ль-икбаль, стр. 97 и след.

раздела — надо разделить всю Хиву и Хорезм на 4 части: одну — казахам, одну — каракалпакам, одну — узбекам и одну — туркменам. Все равно, одна часть нам придется, а потом мы сами разделим землю между собой». Хан растерялся от слов смелого юноши и очень разгневался, послал своих людей искать колышки прежних границ участков и сказал: «а если не найдутся — обоих вас (т. е. бия и юношу) повешу». Однако колышки нашлись, и прежняя граница была восстановлена.¹

К периоду правления конгратских инаков и первого хана этой династии Эльтузера относится еще ряд указаний хроник на места расселения каракалпаков в Хорезме, в числе которых кроме Ак-Якыша называют: район возвышенности Кубе-тау, Ярты-Кум, местность на правом берегу Аму-Дарьи против Ханка и др.

Большинство опрошенных нами стариков определяют время переселения каракалпаков в Хорезм шестью «ата», поколениями; если считать каждое поколение за 25 лет, как это принято, этот период окажется равным 150 годам, таким образом, основной этап расселения каракалпаков в дельте Аму-Дарьи, указываемый преданиями, совпадает с концом XVIII в.

* * *

Второй крупный этап в истории расселения каракалпаков падает на период ханствования в Хиве Мухаммед-Рахим хана (1806—1825). Политика Мухаммед-Рахима в отношении каракалпаков была направлена, с одной стороны, к замирению и окончательному подчинению той части их, которая уже находилась в пределах ханства, но была непокорна и часто присоединялась к выступлениям против центральной власти Хивы аральских узбеков; с другой — к захвату и покорению второй части каракалпаков, еще независимых от Хивы, но живших в непосредственном соседстве с последней, на Жаны-Дарье.

В описаниях Хивинских хроник весь период с 1806 по 1810 г. пестрит сообщениями о карательных набегах и походах, иногда во главе с самим ханом на север, против восстающих аральцев и каракалпаков, движение которых было возглавлено узбеком Тюря-Мурад-Суфи. Во время этой борьбы часть каракалпакской знати является к хану с изъявлением покорности, приводя с собой свои роды и племена и получает в качестве пожалования земельные угодья; из хроник мы узнаем о нахождении в 1808 г. каракалпаков возле селений Кыпчака и Канглы, о поселении конгратского племени Макат-бия в 1000 кибиток на пожалованных ханом пастбищах и летовках близ Ходжейли, о переселении некоторой части племени ашамайлы во главе с Хасан-баем в местность у Кум-Ченгюля, о междоусобиях между знатью «многих элей» каракалпаков, «живших в местности Махнияз (Майпост) между Казак-Дарьей и Аральскими морем; один из старшин этой группы — Манатай — был на стороне Тюре-Мурада-суфи, другой — Ай-Мирза тайно увел все указанные «эли» с семьями и скотом в Хиву, изъявив покорность хану и прося земель для переселения.²

Наибольший интерес для нас представляет среди этих сообщений описание похода хана в 1810 г. в район Сор-куля, где во главе с Молла Хоразом располагались многочисленные группы каракалпаков арыса конграт. Наши полевые записи дают возможность определить, что они

¹ Полевая запись № 36, 1946.

² М у н и с и А г е х и. Фирдаусу-ль-икбаль, стр. 97 и след.

принадлежали к племени ашамайлы (Молла Хораз известен в преданиях, как представитель этого племени.¹) В хрониках повествуется, как, услышав о походе хивинцев, каракалпаки Сор-Куля построили крепость и, видимо, героически оборонялись, будучи осаждены 8000-ным отрядом ханского войска. Однако вскоре Молла Хораз и бий киятов Экилик сдались хану, который «простил их грехи, назначил конвойных и ночью заставил этих людей переселиться. Назначив каракалпакам летовки в районе Ходжа-эли, он возвысил Молла Хораз и Экилик-бия высочайшими пожалованиями».²

В наших материалах имеется несколько записей об истории поселения местности Сор-Куль племен ашамайлы и кият. Весьма важно, что сведения хроник дают возможность датировать эти события периодом, предшествующим 1810 году. Когда наш отряд был в 1946 г. доставлен самолетом в глухой, труднодоступный, окруженный болотами и камышами район селения Тахта-Каир, расположенного вдоль русла Кият-Джаба и населенного каракалпаками ашамайлы и кият, жители рассказали нам следующие предания о своем приходе в эту местность, носившую раньше название Сор-Куль:

«Ашамайлы пришли в эту местность из Туркестана, вместе с другими каракалпаками. Тогда центром была не Хива, а Гунё (Куня-Ургенч).

Ашамайлы собрались и спросили совета у стариков, какую землю просить у хана. Старики спрашивают: «а какие вы знаете земли?» Они отвечают: «мы знаем вот какую землю: с одной стороны она ограничена арыком, проходящим через город; мы сможем и город использовать (для торговли) и отвести воду на поля, заниматься земледелием, садоводством». Старики ответили: «тогда спросите у хана, даст он нам эту землю или нет». Джигиты поехали к хану, спрашивают: «можно нам переселиться на эту землю?» Хан отвечает: «Переселенцам такую хорошую землю с элем и водой не дам, разрешаю вам выкопать себе самим новый канал». Вероятно, они хотели переселиться к городу Гунё. Тогда посланцы говорят хану: «мы такой слабый (немногочисленный) народ, что у нас не хватит сил самостоятельно выкопать себе арык».

Джигиты вернулись в свой аул и собрали стариков. Советовались: «да, действительно, самостоятельно вырыть канал сейчас мы не сможем. Но жить-то надо! Если хан не разрешает — сильному что сделаешь!»

И решили просить у хана земли у Сор-коля. «Там можем сеять в низких местах без арыков, и хоть урожай будет небольшой, зато, живя по берегам озера, сможем заниматься и рыболовством, пока не соберемся с силами, укрепим и пророем свой канал. Хан наверно отдаст нам эти отдаленные земли, и нам будет хорошо, несколько лет никто из хивинских чиновников, так далеко не приедет».

Опять поехали к хану. Он подумал: «земли эти все равно бесплодные», и дал разрешение. Так ашамайлы поселились у Сор-Коля.

Это были солончаковые, пустынные земли. Но все же от них было много пользы:

1. Много травы для скота.
2. Возможность рыболовства.
3. В низинах можно было сеять без ирригационных сооружений».³

Там же записано предание о поселении киятов на Сор-Куле:

«Кияты переселились на несколько лет позже, чем ашамайлы. У них тоже сперва не было земли. Кияты просили, чтоб ашамайлы пустили их

¹ Полевые записи № 25, 8, 1946.

² Мунис и Агехи. Фирдаусу-ль-икбаль, стр. 107—108.

³ Полевая запись № 24, 1946.

жить на своих землях, но те ответили, что земли эти пожалованы ашамайлы, пусть кияты сами просят земли у хана. Кияты поехали к хану; хан ответил: «Пусть ашамайлы вам выделяют часть своей земли».

Тогда ашамайлы говорят киятам: «у нас земли такой маленький клочок, как пятнышко на лбу коня «не дадим — самим мало!»

К западу от Сор-Коля есть хорошие земли, пусть хан дает их вам!»

Кияты снова пришли к хану, и он разрешил им поселиться к запад от Сор-Коля.

Но у киятов не было воды для орошения этих земель, и они решили: «проведем канал из Аму-Дарьи, через земли ашамайлы». Однако ашамайлы протестовали, говорили киятам, чтоб они взяли воду ниже; а ниже воды было мало — мешала плотина Кабасан-бугут, принадлежавшая ашамайлы. Начались затруднения с водой. Кияты и ашамайлы пошли к хану.

В то время у ашамайлы был Аuez-бий, а у киятов не было отдельного бия, был общий с ашамайлы, но был у них Утепберген-бай, который предводительствовал в борьбе за землю и воду для киятов. Ашамайлы заявили хану. «Таксыр, ты сам дал нам земли, ты знаешь, что земли эти неурожайные; если кияты проведут через них свой канал — что мы будем делать? Будут вечные споры». Хан согласился с доводами ашамайлы и поручил это дело разобрать окончательно своему жасаул-басы. Кияты обратились к жасаул-басы с просьбой решить дело в их пользу. Он запросил с них взятку — кырк ксыр — 40 яловых коров. Утепберген дал ему эту взятку. Тогда жасаулбасы выдал документ с разрешением и сказал: «возьмите «сага» выше плотины Кабасан-бугут и проведите себе арык через земли ашамайлы».

В Аму-Дарье тогда было мало воды, и ашамайлы с трудом соорудили плотину Кабасан, а теперь киятам разрешили взять воду выше ее, таким образом ашамайлы лишались воды. Канал провели так, что земли ашамайлы делились на две половины. К востоку от Урги была крепость Якуб-байкала, канал шел мимо нее и впадал в море. Это — Кият-жаб, на котором мы сейчас живем.

Поневоле этим каналом стали пользоваться и ашамайлы. Так они вынуждены были помириться. По восточному берегу арыка поселились ашамайлы, на нижнем течении, западнее — кияты.

Таким образом земли их были смежные. Их стали называть ашамайлы — кияты».¹

Земли Сор-Куля считаются исконными землями ашамайлы — киятов. Наличие их в других местностях Хорезма, в частности в южной части Кунградского и в Ходжейлинском районе было вызвано, очевидно, как насильственными мероприятиями хивинского правительства, на одно из которых указывает цитированная выдержка из хроник Муниса и Агехи, так и одновременностью прихода в Хорезм частей этих племен: выше мы уже указывали, что одна из наших записей говорит о двукратном приходе сюда ашамайлы, причем при первом из них хан пожаловал им земли в местности Кулабие — северо-восточнее Порсу.²

Жители Тахта-Каира утверждают, что исконные земли ашамайлы — киятов ограничивались на севере Муйнаком, а на юге — районом у мазара Хаким-Ата;³ границы этой территории полностью совпадают с данными Каульбарса, который называет главным районом расселения в

¹ Полевая запись № 24, 1946.

² Там же.

³ Полевая запись № 21, 1946.

1873 г. ашамайлы — местность «по левому берегу Талдыка от урочища Хаким-Ата до моря»; кияты же, по его данным, «стоят смешанно с родом аша-майлы».¹

Не останавливаясь на истории расселения в Хорезме остальных племен арыса конграт, перейдем к рассмотрению указаний Хивинских хроник на обстановку, в которой произошло завоевание Хивой каракалпаков арыса он-торт уру.

Еще в известиях, относящихся к концу XVIII в., имеются сообщения о расположении главного центра племен ктай, кыпшак, кенегес и мангыт в районе Даукары и Жаны-Дарьи. В частности, говорится об ирригационных работах по осушению озера Даукара, произведенных этой группой каракалпаков в указанный период: «От времен Хаджим-хана (1558—1602) до эпохи... Мухаммед-Эмин инака Таукара было великим морем. Окружность его была приблизительно 30 фарсахов. Большая часть воды Кёк-Озека текла в него. По приказу Мухаммед-Эмин инака население этого района — преимущественно племена канглы и кыпчак — запрудило воды, текущие в это море. Во времена Авез-инака вода этого моря иссякла, и земля стала годной для земледелия. Ныне большая часть посевов населения Ак-Якыша получается отсюда».² В хрониках упоминаются также имена представителей знати жаныдарьинских каракалпаков. Главным из них, видимо, был бий мангытов — Орунбай, деятельно боровшийся сперва с Хивой, оказывая помощь мятежникам, приверженцам Тёре-Мурада Суфи, и пытаясь заключить соглашение с Бухарой для обороны каракалпаков от захватнических происков Хивы. До настоящего времени у высохшего русла Жаны-Дарьи сохранились развалины крепости Орунбая, являвшейся главным укреплением жаныдарьинских каракалпаков в первой четверти XIX в.³ Не получив поддержки от Бухары, Орунбай, однако, вскоре изъявил покорность хивинскому хану и во время завоевательного похода Мухаммед-Рахима на жаныдарьинских каракалпаков (1811) играл уже предательскую роль сподвижника и верноподданного хана.

Кроме Орунбая, упоминаются бии ктаев — Эш-джан бий, возглавлявший ктаев — «тенге» (танке) и два бия бессары ктаев — Хасан и Эсен-кельды. Правителем кыпшаков был Токта-Пулад бий, а кенегесов — Маман-бий.

Описание похода характеризует постепенный переход во время борьбы на сторону хана одного за другим этих знатных биев. Основная же масса каракалпаков бежала по льду Аральского моря, ожидая обещанной помощи от казахов, и была захвачена хивинским войском, не дождавшись этой помощи, у устья Куван-Дарьи.

Поход хана окончился разгромом жаныдарьинских каракалпаков. Они были подчинены и переселены на Кок-Узьяк (Куваныш-Джарму), земли в бассейне которого хан пожаловал в мюльк каракалпакам он-торт уру, выдав ярлыки на управление своими племенами Орунбаю, Эш-джан бию, Эсен-кельды бию, Токта-Пулад бию и Манглаю; осыпав милостями феодальную знать племен он-торт уру, хан сверх того взял на личную службу к своему двору их сыновей, дав им по сотне нукеров из каракалпаков.

¹ Каульбарс. Указ. соч., стр. 510 и 512.

² Мунис и Агехи. Фирдаусу-ль-икбаль, стр. 114, см. также В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана, стр. 98.

³ Крепость измерена и зафиксирована аэрофотосъемкой археологическим отрядом Хорезмской экспедиции в 1946 и 1948 гг. См. о ней также в книге В. И. Массальского, Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 598.

С народа же этих племен были собраны огромные налоги, взысканные и за прошлые годы их независимой жизни на Жаны-Дарье.

Вскоре после этих событий бывшие территории каракалпаков на Жаны-Дарье были заняты казахами, которые и до настоящего времени представляют основное население прилегающего к Даукаре района.¹ Каракалпаки же арыса он-торт уру, переселенные насильственно с прежде орошенных ими и освоенных земель бассейна Жаны-Дарьи, за короткий промежуток времени построили новую обширную ирригационную сеть по Кок-Узяку, проведя такие крупные каналы, как Куваныш-Джарма и Кегейли, у берегов которых сконцентрировалось основное население дельты, и создали, таким образом, в центре последней новый земледельческий район, сохранивший до настоящего времени первостепенное экономическое значение.

Весь героизм трудового подвига каракалпакского народа, освоившего в течение первого полувека XIX в. значительные пространства заболоченных и пустынных земель северного Хорезма, можно понять лишь учитывая то крайнее разорение и нищету, к которой привели каракалпаков завоевательные и карательные набеги хивинских ханов. Каждый из таких набегов с последующим «изъявлением покорности» хану знатью племени или рода сопровождался с одной стороны — наградами и прочими «милостями» в отношении биев, с другой же — грабежом и разгромом всего эля каракалпаков, сбором с них за несколько лет налога и переселением в другие местности; хивинский придворный историк Мунис неоднократно повествует о применении этого жестокого «метода» порабощения каракалпаков Мухаммед-Рахим-ханом: «здесь (под Кунградом—*Т. Ж.*) победоносные войска (хана) подвергли окрестности набегам и захватили бесконечное количество скота, имущества и зерна каракалпакских мятежников».² «Хан приказал им (покоренному элю Хасан-бая—ашамайлы.—*Т. Ж.*) откочевать, и это многочисленное племя... во исполнение ханского повеления, разорило свой лагерь (укрепление.—*Т. Ж.*) и, несмотря на обилие женщин, детей, скота и имущества, до вечера двинулось в путь, ничего не оставив, включая до чыпчурга (ремень у ручки плети). Хан назначил для их сопровождения «сурдаулов» (конвойных)...»³ «Ай-мирза явился... (с изъявлением покорности.—*Т. Ж.*) к хану..., который наградил Ай-мирзу и старейшин его племени халатами и отправил Шах-Нияз аталыка и Мухаммед-Риза кошбеги с 4000 отборного войска забрать хлеб у того племени»⁴ и т. д.

Часть захваченных в плен каракалпаков обращались в рабов, которых поселяли в поместьях хана и его сановников, используя на полевых работах.⁵ Силами каракалпаков проводились все наиболее значительные ирригационные работы в Хивинском ханстве; не ограничиваясь этим, ханы вынуждали их к устройству оросительной сети на землях знатных туркмен, пожалованных последним в награду за участие в военных походах Хивы на Бухару и Хорасан.

* * *

После окончания завоевания каракалпаков Хивой на передвижения их внутри ханства влияли два фактора:

Продолжал свое действие п о л и т и ч е с к и й ф а к т о р. Насильственные переселения вызывались непрекращающимися и в этот период

¹ Описание похода см. в «Фирдаусу-ль-икбаль» стр. 109—118.

² Там же, тр. 101.

³ Там же, стр. 102.

⁴ Там же, стр. 102—103.

⁵ П. П. И в а н о в. Удельные земли Сейид-Мухаммед-хана хивинского. «Записки Ин-та востоковедения АН СССР», вып. VI, стр. 55.

восстаниями, крупнейшими из которых были уже упоминавшееся движение каракалпаков в 1827 г. в главе с Айдостом и восстание Ер-Назара в 1855—1856 гг. Поводом к обоим восстаниям послужил в первую очередь произвол ханских чиновников, применявших самые жестокие методы при сборе податей и натуральных повинностей с каракалпаков.

Не меньшее значение имели постоянные набеги туркмен на каракалпаков, опустошавшие целые районы. Как известно, эти набеги были вызваны политикой хивинских ханов по отношению к туркменскому населению. Туркменам были предоставлены земли, расположенные главным образом на концах оросительных каналов, в верховьях которых находились угодья узбеков. Недостаток воды у туркмен был основной причиной их набегов; кроме того, постоянное разжигание национальной розни было обычным политическим приемом хивинских ханов, помогавшим им удерживать власть над смешанным по этническому составу населением; воинственные туркмены использовались ханами в качестве основной части войска не только во время походов на соседние владения, но и в пределах ханства, для подавления восстаний.

Многие примеры губительных результатов такой политики ханов сообщало население Каульбарсу в 1873 г. Так, при рассказе о причинах образования озера Айкуль у западного подножья возвышенности Кушкана-тау ему говорили, что 23 года назад на месте этого озера был арык, вся местность была покрыта пашнями с посевами пшеницы, риса, проса; земли были заняты каракалпаками — конграт. Но около 1851 г. стал усиливаться один из протоков Аму-Дарьи; необходимо было строить плотины, отводить воду. Однако сложные ирригационные работы некому было делать, так как каракалпаки, подвергавшиеся в это время непрерывным нападениям туркмен, вынуждены были уйти из этой местности. В результате прорыва воды район был затоплен и образовались озера и болота.¹

В описаниях протока Талдык у Гиршфельда и Галкина указывается, что в низовьях этого протока часто «встречаются развалины крепостей и остатки старых арыков, показывающие, что некогда здесь было густое население. Земли эти, по рассказам, были заброшены в 1860 г.» — во время борьбы с туркменами, после чего прежняя культура земледелия уже не могла возобновиться.²

Более всего страдали от набегов туркмен каракалпаки — конграт, жившие в Сор-Куле, в западной части дельты. В этом районе мы собрали много преданий о батыре Молла-Приме, построившем крепость в местности Боз-отау для обороны каракалпаков от туркмен.³ Развалины крепости обозначены на карте Каульбарса у нижнего течения Талдыка, на левом берегу этого протока. Батыр Молла-Прим поместил в свою большую «калу» весь эль киятов и ашайлы, но, вследствие предательства одного из осажденных, туркмены ворвались в нее и перебили столько народа, что из соркульских каракалпаков осталось в живых лишь несколько мелких, разбросанных групп, заранее откочевавших или случайно спасшихся в бегстве.

Весьма интересно записанное нами сообщение о том, что среди туркмен, напавших на каракалпакскую крепость, были и узбеки-хивинцы, направленные ханом, и что этот разгром крепости на Боз-отау был спровоцирован тайно Хивой, опасавшейся нового, назревавшего уже, каракалпакского восстания.⁴

¹ Каульбарс. Указ. соч., стр. 474.

² Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. т. I, Ташкент, 1902 стр. 162.

³ Полевая запись № 25, 1946.

⁴ Там же.

Битва каракалпаков с туркменами у Боз-отау вошла в исторический эпос, запечатлелась в стихах и песнях каракалпакских поэтов: так, широко популярностью и любовью в народе пользуется поэма-песня каракалпакского поэта XIX в. Ажи-Нияза «Боз-отау». «В поэме изображена картина массового ограбления и избиения жителей, угон скота и увод в плен женщин и детей. Уцелевшая часть жителей спасается бегством. Поэт подробно описывает печальное прощание уходящих, а также изображает горе уведенных в неволю детей и женщин.»¹

В т о р ы м ф а к т о р о м, влиявшим на передвижения каракалпакского населения, расселившегося в дельте Аму-Дарьи, были природные условия.

Непостоянство течения своенравной Аму-Дарьи, непрерывные перемещения русла вызывали прорывы воды, разрушение плотин и каналов и затопления обширных территорий культурных земель, освоенных героическим трудом каракалпакского населения в дельте реки. В результате этих стихийных бедствий происходили массовые перекочевки целых аулов и отдельных групп. С другой стороны, частые изменения направления протоков дельты вызывали безводие; арыки пересыхали, и местность превращалась в болота, заросшие камышами, или в полупустыни, пригодные лишь для скотоводства. Это явление постоянно отмечается в литературе и документах среднеазиатских архивов: «Многие земледельцы северо-западной и приморской стороны дельты, каракалпаки, вследствие переходного состояния материка и воды, т. е. вследствие разливов и затопления обрабатываемых земель или наоборот, вследствие совершенного ухода воды с пахотных земель и превращения их на больших расстояниях в безводное пространство, а также при заносе земель песками принуждены бывают не только оставлять свои пашни, но и свои оседлости и временно превращаются в пастухов и занимаются скотоводством».²

Несмотря на все вышеуказанные причины, вызывавшие переселения каракалпаков из одних районов Хивинского ханства в другие, следует признать, что эти передвижения имели обычно лишь местный или временный характер; вынужденные уйти со своих исконных земель, каракалпакские аулы стремились возвратиться туда и при первой возможности осуществляли эти стремления. В общем же расселение каракалпакских арысов, племен и родов в конце XVIII — начале XIX в. в низовьях Аму-Дарьи имело устойчивый характер, сохранившись, как мы это увидим ниже, в своих типичных чертах и до начала XX в. Таким образом, накануне завоевания каракалпаков Россией в Хорезмском оазисе уже определилась этническая территория будущей каракалпакской нации.

6. РАССЕЛЕНИЕ КАРАКАЛПАКОВ В АМУДАРЬИНСКОМ ОТДЕЛЕ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД

После завоевания в 1873 г. Хивы российским царизмом, как уже это указывалось нами выше, каракалпакское население Хорезма оказалось искусственно разорванным на две части между Амударьинским отделом Сырдарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства³ и нас

¹ П. П. И в а н о в. Новые данные о каракалпаках. Сб. «Сов. Востоковедение», т. III, стр. 79.

² Центр. гос. историч. архив Узб. ССР, фонд 17, дело 30314, л. 40—42.

³ В 1873 г., непосредственно после завоевания Хивинского ханства был образован из отошедшей к России территории Амударьинский округ, в 1874 г. округ переименован в «Отдел»; в 1887 г. Амударьинский отдел включен в состав Сырдарьинской области.

сальным по отношению России Хивинским ханством. Границей между ними, согласно договору 1873 г., являлась река Аму-Дарья.

Приступив к «устройству» вновь присоединенного края, правительство прежде всего приняло меры к созданию в нем военно-административного аппарата и организации поземельно-податных работ. Во главе управления был поставлен начальник Амударьинского отдела, облеченный обширными полномочиями и подчиняющийся непосредственно туркестанскому генерал-губернатору. Кроме управления населением отдела и командования значительным военным отрядом, находившимся в отделе, на него было возложено «ведение всех пограничных дел» с хивинским ханом; последний был настолько ограничен Россией в своих правах, что, как это явствует из многих документов, несмотря на внешние почести, лицемерно оказываемые ему царской администрацией, не имел возможности даже в пределах своего ханства выехать куда-либо из Хивы, не испросив предварительно на это разрешение у начальника Амударьинского отдела.

Впрочем, во внутренних делах, касающихся способов удержания в покорности его подданных, царизм предоставлял хану широкие полномочия, консервируя таким образом систему гнета, полного бесправия и безудержного грабежа трудящегося населения Хивинского ханства.

Амударьинский отдел был разделен на два участка: Шураханский, охватывающий территорию южной части отдела, с узбекским, в основном, населением, и Чимбайский, в границы которого вошла вся дельта Аму-Дарьи до Талдыка на западе и почти все каракалпакское население отдела.

Для введения дальнейших административных реформ — разделения территории на волости и сельские общества и установления налогового-податной системы — необходимо было предварительное изучение экономики и природных условий края, который, в особенности в пределах Чимбайского участка, был совершенно неизвестен России.

В этих целях была командирована в отдел особая «Организационная комиссия» во главе с полковником Носовичем, непосредственной задачей которой было проведение поземельного устройства населения, установление размера податного обложения, организация аппарата управления на местах, т. е. устройство Отдела на тех же началах, какие были установлены в других областях Туркестанского генерал-губернаторства.

Первые же шаги деятельности Организационной комиссии ясно показывают, что политика царизма была направлена к прекращению всяческих передвижений населения в крае и установлению устойчивого состава налогоплательщиков, распределенных по вновь образованным волостям и сельским обществам. Весьма ярко эта линия борьбы с «бродяжничеством» (как именовались столь свойственные в то время хозяйственному и бытовому укладу кочевников-казахов и полукочевых каракалпаков перекочевки в пределах своих родо-племенных территорий) выступает в одном из рапортов Носовича от 30 июля 1876 г. Рапорт касается результатов проведенных им административно-устроительных работ в Чимбайском участке; в нем сообщается о перегруппировках населения этого участка в связи с провозглашением членами Организационной комиссии своих установок на «прекращение бродяжничества»:

«При образовании сельских обществ некоторая часть населения участка и по преимуществу киргиз сгруппировались к своим родовичам; таким образом все так называемые чимбайские киргизы образовали Кук-Кульскую волость, а все даукаринские перешли в урочище Даукара, где они тоже образовали особую волость, причем дали г-ну Демост (член Организационной комиссии. — Т. Ж.) «приговор» о том, что они будут сидеть на своих местах. Подобное передвижение к своим родам было совершено несколько и каракалпаками; таким образом бывшая здесь этнографическая

мозаика уменьшилась в составе сельских обществ, и я полагаю, что для упрочения большей оседлости, т. е. для прекращения существующего здесь бродяжничества населения, вредного во всех отношениях, следует сделать распоряжение, чтобы люди, записавшиеся в известной волости, не имели бы права произвольно менять места своего жительства...»¹

Таким образом, политика царизма определенно была направлена к прекращению передвижения населения; следовательно, тот основной «политический фактор», который действовал в Хивинском ханстве до русского завоевания, прекратил свое влияние на расселение каракалпаков. Это касается также и туркменских набегов на население дельты, которые совершенно прекратились в результате действий русских военных частей. Ограждение русско-подданных каракалпаков от этих разрушительных «аламанов», несомненно, ставило их в лучшие условия по сравнению с населением Хивы и способствовало развитию земледелия и устойчивой стабилизации расселения.

Тем не менее, описанное в рапорте Носовича смятение и перегруппировка среди каракалпаков, вызванные в Чимбайском районе категорическим запретом «бродяжничества», повлекли за собой переход некоторой части каракалпаков из русских владений в Хиву в 1875—1876 гг. Эти панические настроения, видимо, охотно поддерживались хивинскими властями, заинтересованными в привлечении возможно наибольшего числа налогоплательщиков в свои пределы. Переход этот зафиксирован в различных документах и, видимо, сильно беспокоил русскую администрацию. Среди документов канцелярии Мухаммед-Рахим-хана хивинского мы видим письма, полученные им в 1876 г. от начальника Амударьинского отдела Иванова, где последний сообщает: «Я вновь сделал распоряжение, чтобы всякие перекочевки в пределы ханства были прекращены, людей же неблагонадежных и имеющих намерение откочевать, приказал отдавать на поруки, о чем и предписал участковым начальникам объявить в населении отдела». ² В другом письме он пишет: «Никаких перекочевок с правого берега на левый быть не должно, о чем я уже несколько раз имел честь сообщать вашему высочествоству и уведомлял об этом по приказанию генерал-губернатора. Мне частно известно, что некоторые из старшин левого берега занимаются сманиванием к себе здешнего населения; если это известие подтвердится, то мне придется поссориться со старшинами. Прошу вас принять соответствующие меры». ³ Как свидетельствует начальник отдела, в докладе по Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора от 10 августа 1878 г. имеется на лицо «факт удаления некоторой части каракалпаков из дельты на левый берег Аму, в Хивинское подданство». Сколько их ушло туда — донесения не было. Но в 1875 г. числилось в дельте 10 789 дворов каракалпаков, в 1876 г. только 10 414, отсюда можно думать, что из края переселилось не менее 375 дворов, т. е. 1875 душ. ⁴ Однако эти перекочевки на левый берег в Хиву были временным явлением. Впоследствии, в 80-х годах XIX в. наблюдается уже обратное явление — массовые перекочевки каракалпаков Хивинского ханства на правый берег. Серия дел в канцеляриях колониальных властей посвящена этому вопросу. Хивинский хан возбуждает вопрос о возвращении его подданных, русская же администрация

¹ Архивное отделение Турткульского городского отдела МВД, фонд № 1, дело № 46. л. 2—3. Письмо Носовича начальнику АДО от 30 июня 1876 г. № 51. Сад у Чимбая.

² Центр. гос. историч. архив Узб. ССР, фонд № 125, арх. № 8, дело 1—2. Письмо начальника АДО Хивинскому хану от 12 февраля 1876 г., № 677.

³ Там же, арх. № 7, № 1. Письмо начальника АДО Хивинскому хану от 23 февраля 1876 г., № 817.

⁴ Центр. гос. историч. архив Узб. ССР, фонд № 1 Канцелярии Туркестанского генерал-губернатора, арх. № 151. Из доклада по канцелярии Туркестанского генерал-губернатора от 10 августа 1878 г.

заинтересована в задержании их и прибегает к различным дипломатическим уловкам, чтоб избежать конфликтов с Хивой на этой почве.

Так, в рапорте начальника отдела Туркестанскому генерал-губернатору от 25 апреля 1884 г. читаем: «При проезде моем из Петро-Александровска в Кунград и обратно по Бик-Джабу, я встречал много каракалпаков, переселяющихся с левого берега на правый, все они просили принять их опять в подданство России, ссылаясь на то, что они прежде жили в дельте и ушли на левый берег по своей глупости, но теперь им стало невыносимо жить от поборов ханских чиновников и прибавляли, что они совершенно разорены...»

По приезде в Нукус я получил сведения, что это переселение не ограничивается возвращением ушедших от нас, а что между каракалпаками возникло всеобщее возбуждение от страшных поборов сборщиков податей и что можно ожидать переселения к нам до 1500 кибиток.

На днях я получил донесение Чимбайского уездного начальника, в котором он докладывает, что от 300 кибиток у него уже были депутаты и просили земли, причем прибавляет, что по частным известиям к нам на берег перешло уже около 600 кибиток, но что усчитать их трудно, так как многие бросают на левом берегу свои юрты, скот и имущество и спасаются к нам вплавь. Само по себе это движение не представляет для нас никакого затруднения, так как каракалпаки народ трудолюбивый и свободной земли в Амударьинском отделе много, но Хивинский хан тотчас по моем приезде в Петро-Александровск уведомлял меня об этом переселении и, ссылаясь на то, что оно возникло будто бы по подстрекательству нашего Кегейлинского волостного управителя Ир-Назара, просит о возвращении бежавших...» и далее, высказывая опасения о могущих возникнуть недоразумениях по этому поводу с Хивой, добавляет: «при этом считаю нужным доложить, что водворение каракалпаков обратно представит большие трудности, добровольно они не пойдут, а при первой попытке нашей выселить их силой, они разбегутся по всей дельте, поселятся среди своих родичей и, при доброжелательстве к ним нашей туземной администрации, их даже отыскать будет трудно...»¹

Приведенный нами пример одной из наиболее значительных перекочевков каракалпаков в русские владения поясняет и основную причину, вызвавшую такие передвижения. Несмотря на политику военно-феодального империализма, которую проводило царское правительство по отношению к народам Туркестана, несмотря на систему двойного гнета — буржуазии и помещиков метрополии, с одной стороны, и местной байско-феодальной верхушки — с другой, объективно на территории отдела создались условия более благоприятные для коренного населения, чем на территории феодально-деспотической Хивы, и положение трудящихся масс в амударьинском отделе было несколько легче, чем в Хивинском ханстве.

Например, характеризуя податное обложение в ханстве, Гиршфельд и Галкин свидетельствуют, что «по окладам там оно не выше, чем на нашем берегу Аму-Дарьи... Но на деле оно значительно выше нашего»,² так как безграничный произвол и злоупотребления хивинских чиновников при взыскании налогов значительно увеличивают установленные оклады и нередко совершенно разоряют население.

Некоторые преимущества положения населения отдела (несомненно, существовавшие, хотя и преувеличенные этими авторами, поскольку и

¹ Центр. гос. историч. архив Узб. ССР, фонд № 1, дело 726 л. 1, 2, 3. Рапорт начальника АДО и д. Туркестанского генерал-губернатора от 25 апреля 1884 г.

² Гиршфельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, ч. II, стр. 44—45.

здесь были велики злоупотребления администрации) «...вызывают у многих хивинцев желание переселиться в русские пределы, и нашей местной администрации приходится даже принимать меры к тому, чтобы коренное население отдела не потерпело ущерба от наплыва пришельцев и настолько увеличивать приток воды в оросительные каналы правого берега, чтоб ее было достаточно как для своих жителей, так и для пришельцев из ханства, которые покупают и арендуют земли наших подданных, разрабатывая их пустопорожние земли, и содействуют увеличению культурной площади отдела».¹

Таковы были основные исторические факты, повлиявшие на некоторое изменение размещения населения в дельте Аму-Дарьи по сравнению с предыдущим периодом.

В колониальный период, кроме того, продолжал свое действие упоминавшийся нами выше естественно-географический фактор: изменения течения реки и связанные с этим разрушения ирригационных систем неоднократно происходили в годы владычества царизма. Дав в своем труде сводку основных изменений дельты за эти годы, Гиршфельд и Галкин принуждены были сделать вывод, характеризующий застойность и примитивность ирригационной техники в Хорезмском оазисе:

«Дело орошения теперь, как и 30 лет тому назад, находится в руках туземных арык-аксакалов, которые при всем своем большом опыте и знании дела не обладают ни инициативой, ни достаточными техническими познаниями для разрешения нарождающихся серьезных вопросов.

Многие из этих вопросов, имеющие капитальное экономическое значение в жизни оазиса, как, например, ограничение разливов реки, обеспечение своевременного поступления воды в оросительные каналы дельты, обводнение Кунградского района и т. п., не могли получить надлежащего осуществления за недостатком технических и финансовых средств в распоряжении местной власти...».²

Разумеется, в цитируемом военно-статистическом обзоре, хотя и предназначенном для служебного пользования, не вскрывались и не могли быть вскрыты подлинные причины отсутствия этих «технических и финансовых средств», вытекающие из основных устоев политики российского военно-феодалного империализма.

Статистико-экономическое обследование Амударьинского отдела, проведенное Переселенческим управлением в 1912—1913 гг., детально зафиксировало установившееся ко времени, предшествующему Великой Октябрьской социалистической революции, расселение каракалпаков, казахов, узбеков и других народностей в дельте Аму-Дарьи.³

Как видно из этих данных, типичной чертой расселения каракалпаков и в этот период остается устойчиво сохранившееся, традиционное распределение основных территорий дельты между их арысами и племенами. Однако разумеется, еще менее, чем в середине XIX в., можно говорить о наличии у каракалпаков во втором десятилетии XX в. «общинно-родового землепользования». Земли, вода и пастбища давно были узурпированы байско-феодалной верхушкой колониального каракалпакского аула, являвшейся одним из основных звеньев системы гнета и эксплуатации народных масс Средней Азии российским военно-феодалным империализмом.

Политика царизма в отношении пережиточных институтов общинно-родового строя среди каракалпаков, как и среди других народов Туркестана, — общеизвестна. Вначале правительство опасалось оппозиции со

¹ Там же, стр. 53.

² Гиршфельд и Галкин. Указ. соч., ч. I, стр. 221—222.

³ См. табл. 2, карты 6 и 7.

стороны авторитетных родовых старшин, господствовавших над населением аула. В одном из рапортов (от 1 января 1875 г.) начальника Аму-дарьинского отдела полковника Иванова туркестанскому генерал-губернатору мы читаем:

«Внутреннее управление каракалпаков, в том виде как оно есть,— для нас неудобно, родовое начало в назначении старшин ставит этих последних в какое-то исключительное положение, возвышая чрезмерно их власть...

Существующий порядок, признанный неудобным в других местностях наших азиатских владений, должен быть отменен и здесь.

Сломить принцип родового начала между каракалпаками для нас не будет трудно, народ не любит своих старшин и подчиняется им только в силу обычая, поэтому, при некоторой сноровке, дело смены родовых старшин может быть приведено к желательному результату — без больших хлопот, хотя понятно само собой, каждый из старшин имеет не малую партию сторонников. Замена родового начала началом выборным или назначением старшин по усмотрению начальства должна быть произведена одновременно с организацией населения в правильные аулы и волости...»¹

Однако совершенно ясно, что царизм не собирался посягать на родовые пережитки, посягать на установившийся порядок эксплуатации аула феодально-родовой верхушкой. Устранив наиболее влиятельных из числа старшин-биев, царское правительство повело политику опоры на эксплуататорскую верхушку аула. К тому же вскоре выяснилось, что и на этот раз, подобно тому, как при завоевании каракалпаков Хивой, бии сыграли предательскую роль по отношению к своему народу: они, наряду с кулаками и ростовщиками-баями, стали преданными слугами царской администрации в Аму-дарьинском отделе, и большинство их выдвигалось на должности волостных управителей — «болысов», аксакалов и других представителей «туземной» администрации, действующей в интересах царизма.

Как и в предыдущие исторические эпохи, в колониальный период не мог завершиться процесс сложения каракалпакского народа и консолидации его в нацию. Царизм консервировал исконную родо-племенную замкнутость, раздробленность и территориальную разобщенность каракалпаков. Более того, после русского завоевания каракалпакский народ был насильственно разорван между двумя государствами — часть его осталась на территории туркестанского генерал-губернаторства, а другая оказалась на территории вассального Хивинского ханства.

Карта Средней Азии накануне Великой Октябрьской социалистической революции, перекроенная в соответствии с политическими интересами российского военно-феодального империализма, представляла собой яркий пример «средневековых, крепостнических, казенных административных делений»,² ни в какой мере не учитывающих этнического состава населения. По определению И. В. Сталина, в дореволюционную эпоху народы Узбекистана «были разорваны на куски по различным ханствам и государствам, представляя удобное поле для эксплуататорских махинаций „власть имущих“».³

¹ Центр. гос. историч. архив Узб. ССР, фонд № 1, дело 2310, л. 18—22. Рапорт полковника Иванова от 6 января 1874 г. № 47.

² В. И. Ленин. Соч. т. 20, стр. 32.

³ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 137.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества, разбившей цепи классового и национального гнета, в нашей стране были созданы условия для преодоления экономической и культурной отсталости освобожденных народов и формирования их в новые социалистические нации.

Перечисляя характерные особенности существования и развития советских республик Востока, вошедших в 1924 г. в Союз Советских Социалистических Республик, И. В. Сталин указал, что одной из главных среди этих особенностей является следующая: «они развиваются и консолидируются, как нации, не под эгидой буржуазных порядков, а под эгидой Советской власти. Это беспрецедентный факт в истории, но это всё же факт».¹

В 1924 г. в итоге великой революционной реформы, какой являлось национальное размежевание Средней Азии — каракалпаки, впервые в своей истории, воссоединились в самостоятельное государственное образование — Кара-Калпакскую автономную область, преобразованную вскоре в автономную советскую социалистическую республику. Гигантские сдвиги произошли со времени этой исторической даты в Кара-Калпакии, отмечавшей в 1949 г. 25-летие своей национальной советской государственности. В результате осуществления ленинско-сталинской политики партии по национальному вопросу, каракалпакский народ консолидировался в социалистическую нацию, свободную от классовых противоречий, гораздо более сплоченную, чем любая буржуазная нация, с новым духовным и социально-политическим обликом, являющуюся, как и другие советские нации в нашей стране, ярким примером интернационализма и морально-политического единства общества в Советском Союзе.

В братской семье народов Советского Союза, при помощи великого русского народа была осуществлена развернутая программа большевистской партии по ликвидации экономической и культурной отсталости республик Востока, развития их промышленности, сельского хозяйства, кооперирования широких масс крестьян и создания новой, национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

• Первые же мероприятия партии и советской власти в области землеустройства и организации водного хозяйства (земельно-водная реформа 1924 — 1928 г.) в корне разрушили эксплуататорскую систему, господствовавшую в каракалпакском колониальном ауле. С победой колхозного строя в социалистической Кара-Калпакии окончательно потеряли значение границы так называемых родовых угодий; на обширных, рационально используемых территориях колхозов объединилось в крупные дружные трудовые коллективы не только разноплеменное, но и разнона-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 7, стр. 135.

циональное население республики. Сознание принадлежности к определенному роду и племени заменилось в результате изменения идеологии каракалпаков-колхозников за годы советской власти национальным самосознанием. Выросло чувство горячего патриотизма по отношению к своей советской Родине.

Почти полностью уже изжиты в быту каракалпаков остатки родо-племенных традиций, в том числе родо-племенного деления и связанных с ним семейно-брачных обычаев — вредных пережитков, затруднявших общественно-политический и культурный рост народа. «В советской стране глубоко уважаются традиции каждого народа. Но какие традиции? Такие традиции, которые способствуют политической сознательности граждан, развивают чувство советского патриотизма, укрепляют дружбу между народами. Нам противны такие традиции, которые тянут нас назад, затуманивают сознание советских людей, мешают их росту».¹

Осваивая новые территории на прилегающих к культурной полосе Хорезмского оазиса пустынных и полупустынных пространствах (Кырк-кызский участок в Турткульском районе, Шуманайский в Ходжейлинском районе² и др.), колхозы Кара-Калпакии направляют туда из разных районов республики свои многочисленные бригады. Эти новые колхозные центры, новые социалистические колхозные поселки, систематически изменяют тип расселения каракалпаков, разрушая его прежний косный родо-племенной характер. Такое же значение имеют переселения колхозников из затопленных или необеспеченных водой районов дельты Аму-Дарьи на земли, выделяемые из числа культурных колхозных угодий других районов республики. Переселения эти организуются при помощи государства, правительство предоставляет переселенцам значительную материальную и техническую помощь для устройства их хозяйства на новых местах. В то же время крупное ирригационное строительство в К.-К. АССР, планомерно осуществляемое благодаря ассигнованиям и технической помощи союзного правительства, сводит к минимуму прежде столь частые бедствия, вызывавшиеся несовершенством и запущенностью оросительной сети. Инженерные головные сооружения основных магистральных каналов (Кыз-Кеткен, им. Ленина и др.), строительство крупных межколхозных каналов-распределителей и механизация подачи воды в мелкую ирригационную сеть — коренным образом улучшили технический уровень водного хозяйства.

Значительная часть ирригационных работ проводится методом народных строек, с широким участием колхозников.

В условиях социалистической Кара-Калпакии каракалпакский народ, историческая роль которого в культурном освоении земель Хорезма давно уже получила заслуженное признание, впервые со времени своего переселения в низовья Аму-Дарьи широко использует многовековые традиции, мастерство и опыт в деле ирригации для повышения своего благосостояния, для расцвета своего народного хозяйства и культуры и укрепления экономической мощи своей великой социалистической родины — Советского Союза.

Историческое Постановление Совета Министров СССР о строительстве Главного Туркменского канала Аму-Дарья — Красноводск, принятое 12 сентября 1950 года по инициативе товарища Сталина, открывает

¹ Из отчетного доклада У. Юсупова о работе ЦК КП(б) Узб. на X съезде Коммунистической партии (большевиков) Узбекистана. Газ. «Советская Каракалпакия», 2 марта 1949 г.

² В 1950 г. Шуманайский участок преобразован в Шуманайский район.

новые широчайшие перспективы для дальнейшего развития Кара-Калпакии. Строительство гигантского канала, которое начинается в центре Кара-Калпакской АССР сооружением на Аму-Дарье Тахия-Ташской плотины и мощной гидроэлектростанции, полностью преобразует природно-хозяйственный и культурный облик республики. В три раза увеличится площадь ее орошаемых земель за счет освоения новых массивов; Кара-Калпакия станет, наряду с Ферганской долиной, одной из важнейших хлопковых баз Советского Союза. Тахия-Ташская плотина создаст устойчивый забор воды для ирригационных систем республики, маловодие уже никогда не будет угрожать ее полям, а возможность регулирования стока вод реки навсегда покончит с катастрофическими наводнениями. В то же время сокращение поступления аму-дарьинских вод понизит уровень Аральского моря, даст возможность осушить непроходимые болота и камышевые заросли дельты и на ее площади освоить триста тысяч гектаров новых плодородных земель. Тахия-Ташская гидроэлектростанция создаст прочную энергетическую базу для индустриального роста Кара-Калпакии, развития промышленности, транспорта, для механизации наиболее трудоемких сельскохозяйственных работ.

Среди цветущих полей, лугов, садов и лесов Кара-Калпакии вырастут новые благоустроенные социалистические города и поселки, на новую ступень поднимается уровень культуры, улучшится материальное благосостояние и бытовые условия населения Хорезмского оазиса. Грандиозная Сталинская стройка одного из величайших ирригационных сооружений в мире, в которой примет участие вся могучая Советская страна, явится для всех ее народов, в том числе и для каракалпаков, новым шагом на пути к коммунизму.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК РОДО-ПЛЕМЕННЫХ НАЗВАНИЙ

На з в а н и е		Место * в родо- племенной структуре	В состав какого племени (арыса) входит
Транскрипция, принятая в рус- ском тексте	Название на наракалпакском языке		
I	II	III	IV
Абас	Абас	т.	Кенегес
Абас	Абас	т.	Кият
Абыз	Абыз	р.	Ашамайлы
Абыз	Абыз	р.	Муйтен ✓
Агабегли	АҒабегли	р.	Кос-тамгалы
Айдарбек	Айдарбек	к.	Жаунгыр
Айыллы	Айыллы	р.	Ашамайлы
Айтеке	Айтеке	р.	Ктай
Адил	Адил	т.	Колдаулы
Акай	Ақай	р.	Ашамайлы
Ак-балгалы	Ақбалғалы	р.	Балгалы
Ак-кала	Ақкала	т.	Ктай
Ак-мангыт	Ақманғыт	р.	Мангыт
Акназар	Ақназар	т.	Кият
Ак-пшак	Ақпшак	т.	Кенегес
Ак-тогын	Ақтоғын	р.	Кенегес
Ак-шейх	Ақшиық	к.	Ктай
Акыл-ходжа	Ақылхожа	т.	Кыпшак
Акымбет	Ақымбет	т.	Ктай
Алимбай	Алимбай	т.	Ктай
Аллаберды	Аллаберди	к.	Муйтен ✓
Алтын-пшак	Алтынпшак	т.	Кенегес
Алты-ата	Алты ата	гр. род.	Кыпшак
Алты-ортак	Алтыортақ	т.	Кыпшак
Аманкул	Аманкул	к.	Ктай
Анетай	Анетай	к.	Жаунгыр
Анна	Анна	р.	Ктай
Аннакул	Аннакул	т.	Кенегес
Анна-ходжа	Аннахожа	р.	Кара-мойын
Аралбай	Аралбай	р.	Ктай
Аранши	Аранши	р.	Кенегес
Арзыкул	Арзыкул	р.	Балгалы

В графе III приняты следующие сокращения: р. — род; т. — тире; к. — коше; гр. род. — группа родов; пл. — племя; отд. — отделение арыса; ар. — арыс.

Название		Место * в родо- племенной структуре	В состав какого племени (арыса) входит
Транскрипция, принятая в рус- ском тексте	Название на каракалпакском языке		
I	II	III	IV
Арсары	Арсары	р.	Мангыт
Аршан	Аршан	р.	Мангыт
Арык-кият	Арыққият	т.	Кият
Арык-кыпшак	Арыққыпшақ	р.	Кыпшак
Асан	Асан	р.	Балгалы
Атанай	Атанай	т.	Жаунгыр
Ахун-караган	Ақунқараған	т.	Кият
Ашамайлы	Ашамайлы	пл.	Арыс конграт
Ашамайлы	Ашамайлы	т.	Кыпшак
Баганалы	Бағаналы	р.	Кыпшак
Байбише	Байбише	т.	Ктай
Байбише	Байбише	т.	Кыпшак
Байбише	Байбише	к.	Муйтен
Байбура	Байбура	т.	Жаунгыр
✓ Баймаклы	Баймақлы	р.	Жаунгыр
Баймурат	Баймурат	к.	Муйтен ✓
Бай-караган	Байқараған	т.	Ктай
Бай-караган	Байқараған	к.	Жаунгыр
Байрам	Байрам	т.	Жаунгыр
Баканлы	Бақанлы	р.	Жаунгыр
Баксы-караган	Бақсықараған	т.	Ктай
Бақы	Бақы	т.	Ктай
Балгалы	Балғалы	пл.	Арыс конграт
Балгалы	Балғалы	р.	Кият
Барын	Барын	т.	Муйтен ✓
Басар	Басар	р.	Кыпшак
Баур-караган	Баурқараған	т.	Ктай
Бекау	Беқау	к.	Муйтен ✓
Бекреші	Бекреші	т.	Ктай
Бексиык	Бексиық	р.	Ктай
Бектес	Бектес	т.	Ктай
Бектау	Бектау	т.	Ктай
Бес-кемпир	Бескемпир	р.	Колдаулы
Бесли	Бесли	т.	Ктай
Бес-пшак	Беспшақ	т.	Кият
Бес-сары	Ессары	р.	Ктай
Бозак	Бозақ	т.	Кенегес
Боз-тай	Бозтай	р.	Мангыт
Боз-тай	Бозтай	гр. род.	Мангыт
Боклы-ктай	Боқлықтай	р.	Ктай
Булкилдек	Булкилдек	р.	Кара-мойын
Гайып-караган	Ғайыпқараған	р.	Колдаулы
Генжекул	Генжекул	к.	Ктай
Гжак	Ғжак	т.	Ктай

В графе III приняты следующие сокращения: р — род; т. — тире; к. — коше; гр. род. — группа родов; пл. — племя; отд. — отделение арыса; ар. — арыс.

Название		Место * в родо- племенной структуре	В состав какого племени (арыса) входит
Транскрипция, принятая в рус- ском тексте	Название на наракалпанском языке		
I	II	III	IV
Гобдир	Ғобдир	т.	Кенегес
Губидин	Губидин	т.	Мангыт
Даулет-карга	Даулеткарга	т.	Кенегес
Добал	Добал	р.	Кенегес
Домбазак	Домбазак	р.	Кенегес
Еки-шейх	Екишиық	т.	Ктай
Елшибай	Елшибай	к.	Жаунгыр
Есеби	Есеби	р.	Мангыт
Есен	Есен	т.	Кият
Есергеб	Есергеб	к.	Ктай
Естек	Естек	р.	Кыпшак
Етекши	Етекши	т.	Кият
Етпак	Етпақ	т.	Ктай
Ереке	Ереке	т.	Колдаулы
Ешбуга	Ешбуға	р.	Мангыт
Ешкили	Ешкили	т.	Жаунгыр
Ешкили	Ешкили	т.	Кыпшак
Жабы (Ябы)	Жабы (Ябы)	р.	Кыпшак
Жагалтай	Жагалтай	р.	Кыпшак
Жадик	Жадик	р.	Кыпшак
Жадик	Жадик	т.	Ктай
Жаланг-аяк	Жалангаяқ	р.	Ашамайлы
Жалпак-шек	Жалпақшек	т.	Кыпшак
Жалтыршы	Жалтыршы	т.	Кият
Жаман	Жаман	т.	Кият
Жаман-аул	Жаманаул	р.	Колдаулы
Жаман-жак	Жаманжақ	т.	Кенегес
Жаман-конграт	Жаманқонграт	р.	Колдаулы
Жаманша	Жаманша	р.	Мангыт
Жанкельди	Жанкелди	р.	Кос-тамгалы
Жанлык	Жанлық	р.	Мангыт
Жансары	Жансары	т.	Кият
Жапар	Жапар	р.	Ашамайлы
Жаримбет	Жаримбет	р.	Колдаулы
Жаримбет	Жаримбет	к.	Жаунгыр
Жарсай	Жарсай	к.	Ктай
Жаунгыр	Жаунғыр	отд.	Арыс конграт
Жекен-сал	Жекенсал	т.	Муйтен ✓
Жел	Жел	т.	Кенегес
Жел-караган	Желқараған	р.	Колдаулы
Жети-кара-казаки	Жети қара қаза- қы	т.	Кенегес
Жети-коше	Жети қоше	гр. род.	Кыпшак
Жеты-курт	Жетикурт	т.	Мангыт

В графе III приняты следующие сокращения: р. — род; т. — тире; к. — коше; гр. род. — группа родов; пл. — племя; отд. — отделение арыса; ар. — арыс.

Название		Место * в родо- племенной структуре	В состав какого племени (арыса) входит
Транскрипция, принятая в рус- ском тексте	Название на каракалпакском языке		
I	II	III	IV
Жетим-тай	Жетимтай	гр. род	Мангыт
Жидели	Жидели	к.	Кенегес
Жолан	Жолан	к.	Муйтен ✓
Жуансан	Жуансан	т.	Ктай
Жуансан	Жуансан	т.	Кыпшак
Жуас	Жуас	т.	Кенегес
Жука	Жука	р.	Колдаулы
Жумагул	Жумагул	к.	Жаунгыр
Жунли	Жунли	т.	Ктай
Жунли	Жунли	к.	Жаунгыр
Зергер	Зергер	т.	Ктай
Итак	Итак	т.	Муйтен ✓
Кабасан	Кабасан	р.	Ашамайлы
Казаки	Казақы	т.	Ктай
Казақы	Казақы	р.	Кос-тамгалы
Каз-аяклы	Казаяклы	р.	Ктай
Каз-аяклы	Казаяклы	р.	Жаунгыр
Кайшылы	Кайшылы	р.	Ктай
Кайып-назар	Кайыпназар	т.	Кыпшак
Калкаман	Калқаман	р.	Колдаулы
Калмак	Қалмақ	р.	Колдаулы
Калмурат	Калмурат	т.	Ктай
Калмурат-аулы	Калмуратаулы	т.	Кыпшак
Калсен	Калсен	т.	Ктай
Қаңғлы	Қаңғлы	р.	Кыпшак
Қандекли	Қандекли	пл.	Арыс конграт
Қапжар	Қапжар	к.	Жаунгыр
Қанжығалы	Қанжығалы	р.	Кыпшак
Қанжығалы	Қанжығалы	т.	Кият
Кара	Кара	т.	Кенегес
Кара-курсақ	Қарақурсақ	р.	Кос-тамгалы
Кара-мангыт	Қараманғыт	р.	Мангыт
Кара-манжули	Қараманжули	т.	Ктай
Кара-мойын	Қарамайын	пл.	Арыс конграт
Кара-сирак	Қарасирақ	р.	Колдаулы
Кара-сирак	Қарасирақ	р.	Мангыт
Кара-тай	Қаратай	гр. род.	Мангыт
Кара-талшы	Қараталшы	р.	Балгалы
Кара-тереңши	Қаратеңши	т.	Кыпшак
Кара-ходжа	Қарахожа	р.	Ашамайлы
Кара-шейх	Қарашық	к.	Ктай
Қаржаубарас	Қаржаубарас	т.	Кият
Қареке	Қареке	р.	Кара-мойын
Қарлы-марал	Қарлымарал	р.	Кара-мойын

* В графе III приняты следующие сокращения: р. — род; т. — тире; к. — коше; гр. род. — группа родов; пл. — племя; отд. — отделение арыса; ар. — арыс

На з в а н и е		Место * в родо- племенной структуре	В состав какого племени (арыса) входит
Транскрипция, принятая в рус- ском тексте	Название на каракалпакском языке		
I	II	III	IV
Карын-жуан	Қарынжуан	р.	Кос-тамгалы
Катаган	Қатаган	т.	Кият
Кат-канглы	Қатқанглы	т.	Кыпшак
Кашулар	Қашулар	т.	Кыпшак
Кенг-танау	Кенгтанау	р.	Муйтен
Кенегес	Кенегес	пл.	Арыс он-торт уру
Кентенау	Кентенау	р.	Муйтен ✓
Қзыл-аяк	Қзылаяқ	р.	Колдаулы
Киикши	Киикши	р.	Кандекли
Кият	Қият	пл.	Арыс конграт
Клышлы	Қлышлы	т.	Ктай
Койлы	Қойлы	т.	Ктай
Колдаулы	Қолдаулы	пл.	Арыс конграт
Конграт	Қонграт	ар.	—
Конши	Қонши	т.	Кыпшак
Коп-соқыр	Қопсоқыр	т.	Кыпшак
Корпе	Қорпе	т.	Ктай
Косар	Қосар	р.	Мангыт
Кос-тамгалы	Қостамғалы	пл.	Арыс конграт
Кос тамгалы	Қостамғалы	р.	Кос-тамгалы
Кос-тамгалы	Қостамғалы	р.	Балгалы
Кошер	Қошер	т.	Кенегес
Котелек	Қотелек	р.	Кара-мойын
Котере-ходжа	Қотерехожа	т.	Ктай
Ктай	Қтай	пл.	Арыс он-торт уру
Куйик	Қуйик	т.	Ктай
Қуйын	Қуйын	р.	Ктай
Қулки-кожак	Қулқиқожақ	р.	Колдаулы
Қулман	Қулман	т.	Кенегес
Қурама	Қурама	р.	Ашамайлы
Қурама	Қурама	р.	Кандекли
Қурбап	Қурбан	к.	Жаунгыр
Қурбанкул	Қурбанқул	к.	Ктай
Қылкалы	Қылқалы	р.	Мангыт
Қыл-мойын	Қылмойын	пл.	Ктай
Қыпшак	Қыпшақ	пл.	Арыс он-торт уру
Қырк	Қырқ	р.	Ктай
Қырк-садак	Қырқсадақ	р.	Кандекли
Майлы-балта	Майлыбалта	р.	Кыпшак
Майшы-шалы	Майшышалы	р.	Колдаулы
Мамыкшы	Мамықшы	р.	Мангыт
Мангканай	Манғқанай	т.	Кыпшак
Мангыт	Манғыт	пл.	Арыс он-торт уру
Манжули	Манжули	р.	Ктай
Мантык-караган	Мантыққараған	к.	Муйтен ✓

* В графе III приняты следующие сокращения: р. — род; т. — тире; к. — коше; гр. род. — группа родов; пл. — племя; отд. — отделение арыса; ар. — арыс.

Название		Место * в родо- племенной структуре	В состав данного племени (арыса) входит
Транскрипция, принятая в рус- ском тексте	Название на нараналпакском языке		
I	II	III	IV
Масай	Масай	т.	Ктай
Маулик	Маулик	т.	Жаунгыр
Мулла-караган	Моллакараган	к.	Муйтен
Муйтен	Муйтен	пл.	Арыс конграт ✓
Мынжыр	Мынжыр	т.	Кенегес
Мырзай	Мырзай	т.	Ктай
Нан-жемес	Нанжемес	т.	Кенегес
Нокис	Нокис	р.	Кенегес
Нур-балгалы	Нурбалгалы	р.	Балгалы
Огиз-байши	Огизбайши	т.	Ктай
Оймаут	Оймаут	р.	Кенегес
Омыр	Омыр	р.	Кенегес
Он-торт уру	Он торть уру	ар.	—
Орманши	Орманши	т.	Кыпшак
Отемис	Отемис	т.	Ашамайлы
Отемис	Отемис	т.	Кенегес
Панг-кара	Пангкара	р.	Ашамайлы
Рсымбет	Рсымбет	т.	Ктай
Сабалак	Сабалак	р.	Кара-мойын
Сабалак	Сабалак	т.	Жаунгыр
Садак	Садак	к.	Жаунгыр
Салтыр	Салтыр	р.	Кыпшак
Самат	Самат	р.	Муйтен ✓
Самбет	Самбет	т.	Кыпшак
Санг-мурын	Сангмурын	р.	Кыпшак
Сарт	Сарт	т.	Кыпшак
Сары	Сары ✓	р.	Ашамайлы
Сары	Сары ✓	т.	Кенегес
Сары-кемпир	Сарыкемпир	к.	Жаунгыр
Сары-тай	Сарытай	гр. род.	Мангыт
Сары-тон	Сарытон	р.	Колдаулы
Сары-тон	Сарытон	т.	Жаунгыр
Саху	Саху (саку)	р.	Ашамайлы
Сегизек	Сегизек	к.	Ктай
Сейтимбет	Сейтимбет	т.	Кенегес
Соспак	Соспак	т.	Жаунгыр
Суйин	Суйин	т.	Кенегес
Суйиндик	Суйиндик	к.	Ктай
Сумбил	Сумбил	т.	Кыпшак
Су-мурын	Сумурын	т.	Кият
Сыргалы	Сыргалы	т.	Жаунгыр

* В графе III приняты следующие сокращения: р. — род; т. — тире; к. — коше; гр. род. — группа родов; пл. — племя; отд. — отделение арыса; ар. — арыс.

Название		Место * в родо- племенной структуре	В состав какого племени (арыса) входит
Транскрипция, принятая в рус- ском тексте	Название на каракалпакском языке		
I	II	III	IV
Таза-канглы	Тазаканглы	т.	Кыпшак
Таз-балгалы	Тазбалгалы	р.	Балгалы
Таз-жаллык	Тазжаллык	р.	Мангыт
Такай	Такай	т.	Кият
Талтай	Талтай	к.	Ктай
Тамгалы	Тамгалы	р.	Мангыт
Тампыш	Тампыш	т.	Кият
Танамырза	Танамырза	т.	Ктай
Тангирберди	Тангирберди	к.	Муйтен ✓
Тангиркул	Тангиркул	т.	Ктай
Танке	Танке	гр. род.	Ктай
Тараклы	Тараклы	р.	Кият
Тараклы	Тараклы	р.	Кенегес
Тараклы	Тараклы	т.	Кыпшак
Тартулы	Тартулы	т.	Кияк
Тас-калалы	Таскалалы	т.	Кыпшак
Тели	Тели	р.	Муйтен ✓
Темир-ходжа	Темирхожа	р.	Мангыт
Терис-тамгалы	Теристамгалы	р.	Жаунгыр
Тиекли	Тиекли	р.	Жаунгыр
Тилеукусши	Тилеукусши	т.	Ктай
Тлеуберди	Тлеуберди	к.	Муйтен ✓
Тогай	Тогай	к.	Жаунгыр
Тоғызак	Тоғызак	т.	Кият
Токал-караган	Токалкараган	к.	Муйтен ✓
Ток-мангыт	Токмангыт	р.	Мангыт
Токполат	Токполат	р.	Кандекли
Токумбет	Токумбет	р.	Балгалы
Толейидинг- аулы	Толейидинг аулы	т.	Кыпшак
Толыс	Толыс	р.	Кыпшак
Тонг-мойын	Тонгмойын	р.	Мангыт
Торе	Торе	т.	Ктай
Тубай	Тубай	т.	Кыпшак
Туманай	Туманай	т.	Жаунгыр
Туркмен	Туркмен	р.	Балгалы
Туркмен-кара	Туркменкара	р.	Ашамайлы
Уйгыр	Уйгыр	р.	Жаунгыр
Уйеш	Уйеш	т.	Жаунгыр
Улкен-борик	Улкенборик	р.	Колдаулы
Умбетай	Умбетей	т.	Ктай
Уразмбет	Уразмбет	т.	Ктай
Уразымбет	Уразымбет	т.	Кыпшак
Усақ	Усақ	т.	Кенегес
Ушь-бас	Ушьбас	р.	Ашамайлы

* В графе III приняты следующие сокращения: р. — род; т. — тире; к. — коше; гр. род — группа родов; пл. — племя; отд. — отделение арыса; ар. — арыс.

На з в а н и е		Место * в родо- племенной структуре	В состав какого племени (арыса) входит
Транскрипция, принятая в рус- ском тексте	Название на каракалпакском языке		
I	II	III	IV
Ушь-бас	Ушьбас	р.	Мангыт
Ушь-тамгалы	Ушьтамгалы	р.	Кият
Ушь-тамгалы	Ушьтамгалы	т.	Кият
Хангельды	Хангелди	к.	Жаунгыр
Ходжа-караган	Қожакараған	т.	Кият
Шгыршы	Шғыршы	т.	Ктай
Шеруши	Шеруши	р.	Ктай
Шеужейли	Шеужейли	р.	Жаунгыр
Шир-жеген	Ширжеген	р.	Кос-тамгалы
Шиши	Шиши (Шише)	т.	Жаунгыр
Шомак	Шомақ	т.	Жаунгыр
Шомышли	Шомышли	р.	Балгалы
Шомишалы	Шомишалы	т.	Кыпшак
Шонышпай	Шонышпай	т.	Кыпшак
Шуйит	Шуйит	р.	Мангыт
Шулжуит	Шулжуит	р.	Колдаулы
Шуллук	Шуллук	отд.	Арыс конграт
Шунак	Шунақ	р.	Кыпшак
Шуылган	Шуылған	т.	Кыпшак
Ыргаклы	Ырғақлы	р.	Жаунгыр
Ыргаклы	Ырғақлы	т.	Кыпшак
Ябы (Жабы)	Ябы (Жабы)	р.	Кыпшак

* В графе III приняты следующие сокращения: р. — род; т. — тире; к. — коше; гр. род. — группа родов; пл. — племя; отд. — отделение арыса; ар. — арыс.

УКАЗАТЕЛЬ КАРТ

	Стр.
1. Районы расселения каракалпаков на карте атласа С. Ремезова «Чертежная книга Сибири», 1696—1701 гг.	14
2. Территории каракалпаков на карте И. Кириллова, 1734 г.	15
3. «Каракалпацкое владение» на карте Гладышева и Муравина, 1740—1743 гг.	16
4. Расположение территорий «верхних» и «нижних» каракалпаков на «ландкартах» Красильникова, 1755 г.	17
5. Расселение каракалпакских племён в низовьях Аму-Дарьи, по данным Каульбарса, 1873 г.	24
6. Расселение каракалпакских племен в Амударьинском отделе Сырдарьинской области (Чимбайский участок) в 1912—1913 гг.	25
7. Состав каракалпакского населения по племенной принадлежности в пределах сельских общин в Чимбайском участке Амударьинского отдела Сырдарьинской области в 1912—1913 гг.	28
8. Этнографическая карта северной части бывшей Хорезмской Народной Республики по данным 1924 г.	30
9. Схематическая административная карта Кара-Калпакской Автономной области в период переписи 1926 г.	32
10. Схематическая карта расселения каракалпакских племен и родов на территории Чимбайского района Кара-Калпакской АССР.	36
11. Ирригационная сеть бассейна Кегейли в 1923 г.	38

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Обзор литературы и источников в связи с историей вопроса	11
Глава первая. Родо-племенная система каракалпаков Хорезма в конце XIX — начале XX в.	37
1. Родо-племенной состав арыса он-торт уру	39
2. Родо-племенной состав арыса конграт	51
Глава вторая. Родо-племенная система каракалпаков как источник для изучения их социального строя в XIX — начале XX в.	63
1. Вопрос о социальной сущности каракалпакского «рода» в XIX — начале XX в.	63
2. Экзогамия и ее связь с родо-племенным делением	70
3. Связь административной системы с родо-племенной структурой каракалпаков в Хивинском ханстве в XIX — начале XX в.	73
4. Основные звенья родо-племенной структуры каракалпаков и традиции дуальной организации общества	77
Глава третья. К истории расселения каракалпакских родов и племен в низовьях и дельте Аму-Дарьи в связи с проблемой этногенеза каракалпаков	96
1. Современное состояние проблемы этногенеза каракалпаков	96
2. Этнонимы каракалпакских племен и родов как источник для изучения этногенеза каракалпаков	99
3. Исторические предания каракалпаков о местах их обитания до прихода в юго-восточное Приаралье	125
4. Основные центры расселения каракалпаков с конца XVI по XVIII в. за пределами Хорезма	134
5. Расселение каракалпаков в Хорезме в период с XVIII в. до русского завоевания (1873 г.)	141
6. Расселение каракалпаков в Амударьинском отделе в колониальный период	152
Заключение	158
Алфавитный список родо-племенных названий	161
Указатель карт	169

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства *А. С. Орлова*
Технический редактор *А. А. Киселева*

*

РИСО АН СССР № 3726. Т-09903. Издат. № 2282.
Тип. заказ № 396. Подп. и печ. 6.XII 1950 г.
Формат бум. 70×108¹/₁₆. Печ. л. 11,73 + 7 вкл. Бум. л. 5,385.
Уч.-изд. л. 15,75. Тираж 1000 экз.
Цена в переплете 16 руб.

2-я тип. Издательства Академии Наук СССР
Москва, Шубинский пер., д. 10

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
3	1 стр.	из общего числа 146,3 тыс. жителей.	из общего их числа 146,3 тыс.
7	3—4 стр.	возглавляемый автором с 1945 по 1948 г.,	возглавляемый автором, с 1945 по 1948 г.
28	карта 1 стр.	Белые пятна Чимбайского участка	Белые пятна в пределах Чимбайского участка
50	13 стр.	Еангыты	мангыты
125	1—2 стр.	узбеков, не имеющих племени или рода, кенегес —	узбеков, не имеющих племени или рода кенегес,—

Т. А. Жданко